

801-15
1628

ф. 5

Князь БЮЛОВЪ, Б.

U/ 35
966

„ГЕРМАНСКАЯ
ПОЛИТИКА“.

327(43)
6-98

Переводъ В. Я. фанъ деръ Флита.

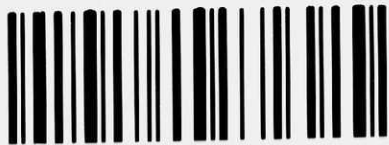
ПЕТРОГРАДЪ,
Типографія „Железнодорожныхъ изданій“, Моховая, 37.
1917.

Оглавленіе и Введеніе.

к 37232.42

2007335468

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Отъ переводчика	7
Предисловіе	15
Внѣшняя политика	25
Вступленіе	—
Государственное возрожденіе Германіи	26
Германія какъ міровая держава	29
Необходимость военнаго флота	33
Постройка военнаго флота	34
Традиціонная политика Англіи	36
Германія и Англія	40
Разсужденія печати о возможности англо-германскаго союза	42
Англія и германскій флотъ	46
Характеръ германской міровой политики	47 ✓
Германія и Америка	50
Германія и Японія	53
Колоніальная и міровая политика	54 ✓
Англійская политика „окруженія“	57
Боснійскій кризисъ	58
Тройственный союзъ	61
Турція	68
Россія	70
Двойственный союзъ	74
Германія и Франція	77
Мароккскій вопросъ	84
Непримиримость Франціи	91
Фашода	93
Тройственное согласіе	94
Германія-Франція-Англія	96
Англо-германскія отношенія	96
Германская міровая политика	101 ✓
Мысль о флотѣ въ Германіи	104

	стр.
Сила обороны и милитаризм	109
Внутренняя политика	133
Партійная политика	159
Политика въ восточныхъ окраинахъ (Польскій во- просъ)	193
Экономическая политика	217
Заключеніе	249

Отъ переводчика.

Книга Князя Бюлова „Германская политика“ *), вышедшая въ печати въ Іюль 1916 года, является отдѣльнымъ и дополненнымъ изданіемъ его очерка, который появился впервые въ началѣ 1914 г. въ видѣ политическаго введенія къ сборнику „Германія при Вильгельмѣ II“.

Въ противоположность классическимъ мемуарамъ Князя Бисмарка и историческимъ воспоминаніямъ Князя Гогенлоэ, сочиненіе бывшаго четвертаго канцлера германской имперіи представляетъ изъ себя тенденціозное изложеніе развитія современной Германіи, написанное въ національно-воспитательномъ духѣ для воздѣйствія на народное настроеніе.

Главный интересъ книги Князя Бюлова заключается въ томъ, что она рисуетъ передъ нами исторію **пруссофикаціи** Германіи во всѣхъ проявленіяхъ ея политической жизни, какъ внѣшней, такъ и внутренней.

---

*) Fürst von Bülow „Deutsche Politik“.
Verlag von Reimar Hobbing in Berlin 1916.

Съ этой точки зрѣнія трудъ Князя Бюлова заслуживаетъ особаго вниманія, какъ важный и авторитетный документъ для познанія нашего врага, побудительныхъ причинъ его выступленій въ историческомъ прошломъ и его заносчиво—высокомѣрныхъ вождедѣній, которыми была вызвана нынѣшняя война.

Неоднократно мы наталкиваемся на страницахъ книги Князя Бюлова на завѣренія миролюбія Германіи до начала войны. Но съ ними сплетается повторяемый на разные лады прусскій мотивъ о необходимости усиленной боевой готовности въ цѣляхъ обороны и расчетъ на то, что передъ личною прусско-германской военной силы должны безвольно склониться прочія державы,—не то послѣдуетъ призывъ германской арміи къ исполненію послѣдней великой задачи! Этотъ идеаль прусскаго миролюбія Германіи, выпукло очерченный авторомъ въ изложеніи боснійскаго кризиса, является вмѣстѣ съ тѣмъ неопровержимымъ подтвержденіемъ агрессивности ея политики.

Мобилизація Германіи на всѣхъ поприщахъ, военномъ, морскомъ и экономическомъ, а также и въ духовномъ отношеніи, въ видѣ постепенной подготовки нѣмецкаго общественнаго мнѣнія, наглядно изложена Княземъ Бюловымъ съ момента выступленія Германіи на арену міровой политики. Она осуществлялась медленно, шагъ за шагомъ и подъ вѣчнымъ страхомъ, что могутъ возникнуть неожиданныя препятствія и не хватитъ времени

завершить начатое. А время могло-бы стать самымъ сильнымъ союзникомъ Германіи; при его содѣйствіи она достигла бы, пожалуй, всего, чего желала, не проливъ ни единой капли крови, если-бы только міръ далъ усыпить себя ея миролюбивыми завѣреніями.

Князь Бюловъ даетъ не только историческій обзоръ прошлаго, онъ касается и вопросовъ будущаго. Онъ предусматриваетъ непримиримую враждебность къ Германіи ея нынѣшнихъ противниковъ и послѣ войны, какъ-бы подтверждая этимъ, что война была ею вызвана; онъ указываетъ на необходимость полученія реальныхъ гарантій для безопасности Германіи и выражаетъ надежду на улучшеніе внутренняго политическаго положенія, представляющагося, въ его изложеніи, далеко не совершеннымъ и только временно спаяннымъ единокорнымъ національнымъ подъемомъ подъ гнетомъ общей опасности.

Считаясь съ личностью автора, въ которомъ всегда болѣе сказывался ловкій дипломатъ, нежели творческій государственный дѣятель, мы находимъ въ его книгѣ меньше положительныхъ данныхъ, чѣмъ наблюденій психологическаго характера. Эти наблюденія, однако, тѣмъ болѣе цѣнны, что они отражаютъ мнѣніе убѣжденнаго толкователя прусской идеи, сохранившаго тѣмъ не менѣе извѣстную долю объективности въ своихъ сужденіяхъ относительно самихъ коренныхъ пруссаковъ, къ которымъ онъ по своему мекленбургскому проис-

хожденію и родственнымъ связямъ не принадлежитъ.

Изъ задачъ внутренней политики, затронутыхъ авторомъ, наиболѣе любопытнымъ является безспорно польскій вопросъ, считавшійся германскою политикою краеугольнымъ камнемъ былыхъ русско-германскихъ отношеній. Лицемерный актъ германскаго провозглашенія самостоятельности Польши не упомянутъ въ книгѣ Князя Бюлова, законченной въ Маѣ 1916 года. Но тамъ приведены бесѣды съ Княземъ Бисмаркомъ о Польшѣ, и изъ осторожныхъ словъ автора можно заключить, насколько опасно представляется въ его глазахъ для Пруссіи - Германіи всякая попытка возстановленія польской автономіи. Это не только нарушеніе преемственной прусской традиціи со временъ Фридриха Великаго до Бисмарка и Вильгельма II, но и возможная утрата одной изъ главныхъ основъ ея континентальной европейской политики. —

Что касается настоящаго русскаго перевода книги Князя Бюлова, то, за опущеніемъ патріотическихъ диэирамбовъ, переводчикъ старался придерживаться дословно текста оригинала, въ убѣжденіи, что необходимо изучать образъ мышленія врага, дабы быть въ состояніи точнѣе судить о его побужденіяхъ и завѣтныхъ планахъ, насколько они вообще могутъ быть обнаружены въ предназначенномъ для широкаго распространенія изданіи.

Для большаго удобства въ главѣ о внѣшней политикѣ возстановлены въ русскомъ переводѣ заглавія отдѣльныхъ ея подраздѣленій сообразно съ первоначальной редакціей этой главы *), какія подраздѣленія упразднены въ новомъ изданіи оригинала.

Петроградъ, Январь 1917 г.

---

*) См. Извѣстія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 1914 г Книга VI, стр. 169.

Предисловіе.

Предисловіе.

Когда, два года тому назадъ, появилось мое политическое введеніе къ сборнику „Германія при Вильгельмѣ II“, германская имперія могла оглянуться на десятилѣтія мирнаго, на многихъ поприщахъ мощнаго и успѣшнаго развитія. Казалось, что передъ нами также лежитъ еще мирная будущность. Конечно всеобщая міровая политика, особливо европейская, изобиловала за послѣднія десятилѣтія множествомъ неразрѣшенныхъ вопросовъ, которые составляли въ мою бытность у дѣлъ предметъ моихъ заботъ и стараній и которые я затѣмъ отмѣтилъ въ своемъ очеркѣ о внѣшней политикѣ. Не разъ была близка опасность грознаго разряженія жгучаго матеріала, накопившагося въ Европѣ между соревновавшими другъ съ другомъ государствами. Внѣшняя политическая конъюнктура въ боснійскомъ кризисѣ 1908/1909 г. была какъ по отношенію къ самой проблемѣ, такъ и по отношенію къ группировкѣ державъ, почти одинакова съ тѣмъ положеніемъ вещей, которое породило настоящую міровую войну. Можно было питать надежду, что и впредь мысль объ ужасахъ и разрушеніяхъ европейской войны дастъ въ руки отвѣтственнымъ государственнымъ людямъ, даже въ случаѣ возникновенія серіознѣйшихъ конфликтовъ, необходимыя средства для конечнаго мирнаго ихъ улаженія. Надежда эта не оправдалась. Возгорѣвшійся австро-сербскій споръ, который не могъ быть локализованъ, а разросся въ европейскій конфликтъ, привелъ къ военному столкновенію между обѣими большими

группами европейских державъ, образовавшимися въ борьбѣ европейскихъ и міровыхъ политическихъ интересовъ въ теченіе современной политической исторіи.

Говоря, два года тому назадъ, что военныя способности нѣмцевъ являются наилучшими изъ ихъ врожденныхъ качествъ, я не думалъ, что мнѣ еще разъ будетъ суждено видѣть германскій народъ въ его старомъ боевомъ блескѣ...

Изъ среды нѣмецкаго офицерства вышли въ настоящую войну великіе таланты. Однако величайшимъ явленіемъ этого времени остается героизмъ простого нѣмецкаго воина, оторваннаго и отъ мирнаго труда и отъ семьи и мѣсяцъ за мѣсяцемъ добросовѣстно творящаго во имя отечества свое тяжелое кровавое ремесло. Если Германія выйдетъ наконецъ побѣдной и увеличенной изъ этой неравной борьбы, въ которой выступили противъ нея всѣ ея враги, то въ первую очередь ея признательность должна принадлежать тѣмъ храбрецамъ, изъ которыхъ каждый, безъ различія степени образованія и положенія, проникнуть сознаніемъ того, что лучше умереть, чѣмъ отступить. Поэтому справедливо замѣтилъ кто-то, что памятникъ, воздвигнутый этой войнѣ въ Германіи, долженъ будетъ изображать простого нѣмецкаго мушкетера.

Если ни одна изъ прошлыхъ германскихъ войнъ не видывала еще подобнаго поголовнаго героизма, то ни одна война не была также свидѣтельницей столькихъ ужасныхъ жертвъ. Жертвъ экономическихъ, потерь дорогихъ человѣческихъ жизней и утратъ прежнихъ связей, возможностей и цѣнностей. Само собою разумѣется, что главнѣйшей цѣлью войны должны быть для Германіи не только возмѣщеніе убытковъ, но и созданіе такихъ гарантій, которыми исключалась-бы возможность возникновенія въ будущемъ войны въ подобныхъ неблагоприятныхъ условіяхъ.

Какъ въ Германіи, такъ и во Франціи и Англіи, до извѣстной степени въ Россіи, а также и въ Италіи эта міровая война отодвинула на задній планъ внутренніе партійные раздоры и вызвала единодушіе, которое нѣмцы называютъ „Burgfrieden“, а французы патетически „Union sacrée“. Обратная сторона такой внутренней гармоніи показываетъ, что эта война, которую всѣ участвующие въ ней народы ведутъ съ небывалой страстностью, вѣроятно оставитъ по себѣ настроеніе повышеннаго озлобленія. Чувства ненависти и мести будутъ еще долго сказываться въ международныхъ отношеніяхъ. Было-бы непростительной ошибкой предаваться иллюзіямъ и стараться воскресить былыя, можетъ быть вполне законныя, симпатіи, въ тѣ времена, на которыя эта война наложитъ свою печать. Войны, какъ настоящая война, неминуемо прерываютъ на долгое время развитіе отношеній между воюющими державами. Понадобится цѣлебное воздѣйствіе времени и тонкая и твердая рука государственныхъ дѣятелей, дабы даже изъ видимыхъ взаимныхъ интересовъ съ бывшимъ врагомъ могли впоследствии вновь создаться начала довѣрчивыхъ нормальныхъ отношеній. На развалинахъ, которыя оставитъ эта война, моральныя завоеванія окажутся нелегкими. Часто приводимый примѣръ 1866 г. и послѣдовавшаго затѣмъ развитія австро-германскихъ дружескихъ и союзныхъ отношеній не примѣнимъ ни къ одному изъ нашихъ враговъ. Ни съ кѣмъ изъ нихъ не связываетъ насъ ни тысячелѣтняя національная исторія, ни общность нѣмецкой рѣчи, образованія, литературы, искусства и нравовъ. Это силы, которыя не могутъ быть замѣщены нѣкоторыми параллельными интересами или желаніемъ взаимнаго культурнаго пониманія. Не слѣдуетъ также забывать, что съ присоединеніемъ къ Пруссіи въ 1866 году Шлезвигъ - Гольштейна, Ганновера, Кургессена, Нассау и Франкфурта

былъ заложенъ какъ бы твердый фундаментъ для моста черезъ Майнъ. Въ 1871 году мы приобрѣли Эльзасъ и Лотарингію, Страсбургъ и Мецъ. Равнымъ образомъ не выдерживаетъ критики и аналогія съ семилѣтней войной, которая велась при иныхъ международныхъ и государственныхъ условіяхъ, иными средствами и съ другими цѣлями.

Нынѣшняя война не только для насъ нѣмцевъ есть война національная, она является таковой же для англичанъ, французовъ и для господствующей части населенія Россіи. Розожженная войной и запечатлѣнная кровью національная ненависть будетъ длиться и послѣ войны, доколѣ не смѣнитъ ее другая иначе направленная національная страсть. Германія должна теперь сказать себѣ, что если въ теченіе войны не произойдутъ совершенно новыя, и исполнѣ неожиданныя перемѣны, то озлобленное настроеніе во Франціи, Англіи и Россіи перенесется съ военного времени и на мирное. Это обстоятельство должно быть учтено при заключеніи мира. Въ двойномъ отношеніи. Необходимую защиту въ будущемъ противъ возрожденія и возникновенія стремленій реванша на Западѣ, Востокѣ и за Ламаншемъ Германія можетъ ожидать только отъ роста своихъ собственныхъ силъ.

Противники также будутъ стараться усовершенствовать свою боевую готовность на сушѣ и на морѣ. Мы же, съ своей стороны, должны стать на нашихъ границахъ и вдоль нашего побережья менѣе уязвимыми, чѣмъ мы были въ началѣ этой войны. Не изъ за приписываемаго намъ стремленія къ міровому владычеству, а въ цѣляхъ самосохраненія. Результатъ войны не долженъ быть отрицательнымъ, а долженъ быть положительнымъ. Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы мы не были уничтожены расчленены, или ограблены, но о получе-

ніи прибыли въ видѣ реальныхъ гарантій, какъ вознагражденіе за небывалый трудъ и страданія и какъ ручательство за будущее. Въ виду настроенія, которое эта война вызоветъ противъ насъ, простое возстановленіе status quo ante bellum означало-бы для Германіи не выигрышъ, а потерю. Только въ томъ случаѣ, если добытое войною усиленіе нашего политическаго, экономическаго и военного положенія значительно превыситъ вызванную ею противъ насъ враждебность, мы съ чистою совѣстью будемъ въ состояніи сказать, что наше общее положеніе улучшилось благодаря войнѣ.

Съ другой стороны необходимо будетъ сохранить, возстановить и закрѣпить связь съ тѣми государствами, съ которыми Германія въ эту войну не скрещивала оружія, не считаясь съ тѣмъ, было-ли во время войны мѣстное общественное мнѣніе въ данныхъ странахъ настроено противъ насъ пропагандой враждебной прессы и непріятельскими агитаторами, или нѣтъ. Политическая необходимость должна въ данномъ случаѣ имѣть перевѣсъ надъ національными настроеніями и раздраженностью, насколько-бы таковыя ни были понятны и естественны. Если же Германія должна считаться съ тѣмъ, что съ достиженіемъ власти ей придется встрѣтиться съ усилившейся вслѣдствіе войны старой враждой, то съ ея стороны было-бы неразумно не дорожить дружбой тѣхъ, кто не былъ ей врагомъ въ этой войнѣ. То будетъ дѣломъ твердой, рѣшительной воли, съ одной стороны, и ловкости государственныхъ дѣятелей, съ другой, дабы обѣ цѣли были достигнуты безъ вреда для одной изъ нихъ.

Въ надеждѣ на дальнѣйшее мирное развитіе, въ теченіе коего время должно было бы работать въ пользу Германіи, я считалъ два года тому назадъ, умѣстнымъ быть наиболѣе сдержаннымъ по отношенію къ загра-

ничному общественному мнѣнію. Моимъ долгомъ было не произносить ни въ какомъ направленіи послѣдняго слова и по возможности не высказывать своихъ сужденій. Само собою разумѣется, что нынѣ я могу быть болѣе откровеннымъ. Впрочемъ, что касается внѣшней политики, то я не вижу основаній дѣлать какія либо существенныя измѣненія въ моемъ изложеніи отношеній другихъ государствъ къ Германской Имперіи.

Въ общемъ, событія подтвердили мой взглядъ. Непримиримость Франціи обнаружилась болѣе чѣмъ ясно. Если въ 1913 году было мнѣ указано съ нѣкоторыхъ сторонъ, будто я изобразилъ слишкомъ мрачно наши отношенія къ Англіи, то теперь надо сказать, что новѣйшими фактами не оправдана въ моемъ изложеніи лишь надежда на мирное развитіе англо-нѣмецкихъ сношеній.

Что-же касается отношеній между Германіей и Россіей, то тогда имъ могъ быть поставленъ съ полнымъ основаніемъ благоприятный гороскопъ, такъ какъ эти отношенія столь недавно благополучно вынесли испытаніе боснійскаго кризиса. Съ другой-же стороны продолжалъ существовать двойственный союзъ, кристаллизовавшійся изъ процесса охлаждения русско-нѣмецкихъ отношеній съ 1878 и особливо съ 1890-хъ годовъ. вмѣстѣ съ этимъ накопился на Ближнемъ Востокѣ новый жгучій матеріалъ между Россіей и Австро-Венгріей, вслѣдствіе обѣихъ Балканскихъ войнъ, войны Турціи съ Болгарами, Сербамъ и Греками, и дальнѣйшей борьбы Балканскихъ народностей между собою.

Со времени возникновенія Двойственнаго союза и перехода Россіи во враждебный намъ лагерь державъ, т. е. въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, развитіе русско-нѣмецкихъ отношеній зависѣло всецѣло отъ того, какъ у насъ и у нихъ относились съ дѣловой

и личной точки зрѣнія къ разрѣшенію возникавшихъ конфликтовъ, интересовъ и обнаруживавшихся трений.

Опасеніе найти въ европейской войнѣ Россію на сторонѣ нашихъ враговъ существовало не только за послѣднія десятилѣтія, но съ самаго основанія Имперіи. Сознавая эту опасность, Бисмаркъ и заключилъ союзъ перестрахованія.

Впрочемъ, какъ я уже замѣтилъ, я, именно въ виду настоящей войны и несмотря на нее, полагаю необходимымъ въ общемъ держаться и въ настоящемъ изданіи первоначальнаго своего изложенія внѣшней политики.

Наивность, съ которой враги нѣмецкаго народа судятъ, рядятъ и пишутъ о „милитаризмѣ“, который составляетъ основу нашего государственнаго быта и залогъ нашей будущности, дала мнѣ поводъ посвятить нѣсколько словъ историческому и политическому значенію войска для Германіи.

Въ очеркѣ о внутренней политикѣ я охотно выпустилъ разсужденія, касавшіяся старыхъ споровъ и противорѣчій. Я также готовъ считаться съ новымъ положеніемъ, создавшимся благодаря выступленію социаль-демократіи, съ возникновеніемъ войны, на національномъ фронтѣ. Вѣдь почти только на почвѣ национальныхъ вопросовъ я и боролся съ социаль-демократами.

Внѣ этой области справедливыя требованія социаль-демократіи находили въ различныхъ практическихъ вопросахъ должное пониманіе и удовлетвореніе со стороны германскихъ правительствъ, безразлично признавали-ли это социалисты или нѣтъ. Взаимное пониманіе между социаль-демократіей, правительствомъ и прочими партіями станетъ впредь болѣе легкимъ и частнымъ въ виду того, что эта война стусежала раздѣленіе нѣмецкихъ партій на національныя и ненаціо-

нальныя. Соціалъ-демократія, съ своей стороны, преклони-
лась при началѣ войны предъ національной идеей.

Выпускомъ настоящаго отдѣльнаго изданія, кото-
рое появляется вслѣдъ за его изданіями на иностран-
ныхъ языкахъ, я исполняю желаніе моихъ нѣмецкихъ
друзей.

Берлинъ, 15 Мая 1916 г.

Князь фонъ **Бюловъ**

Внѣшняя политика.

Внѣшняя политика Германіи.

„Нѣмецкая нація является, несмотря на свою древнюю исторію, самой молодой среди великихъ державъ Европы. Два раза она переживала юность, два раза ей пришлось вести борьбу за основы своей государственности и за свободу своего дальнѣйшаго развитія. Тысячу лѣтъ назадъ она образовала великое Германское Королевство и, восемь вѣковъ спустя, должна была вновь приступить къ созданію, на новыхъ началахъ, своего государственнаго строя, чтобы лишь въ наше время вступить, уже какъ возсоединенная Имперія, въ ряды народовъ“.

Приведенныя слова Трейчке имѣютъ глубокий смыслъ для характеристики современной Германіи, вступившей, какъ „*homo novus*“, въ кругъ старыхъ европейскихъ державъ. Никто не вѣрилъ въ возможность національно-государственнаго единенія Германіи. Со временъ Ричелье до Наполеона III французская политика держалась мнѣнія, что „*prépondérance légitime de la France*“ обусловливается главнымъ образомъ государственнымъ раздробленіемъ Германіи. Такъ рассуждали Императоръ Николай I и лордъ Пальмерстонъ, Меттернихъ и Тьеръ. Внутренніе раздоры и соревнованія, а также и внѣшнія препятствія, чинимыя открыто или тайно,—всѣ эти преграды, мѣшавшія возрожденію Германской Имперіи, были преодолены Вильгельмомъ I въ его единеніи съ гениемъ Бисмарка.

Германская Имперія создавалась скорѣе, чѣмъ того опасались,—сильнѣе чѣмъ кто либо могъ предвидѣть. Ни одна изъ великихъ державъ не желала этого явле-

нія. Совершившійся фактъ возрожденія Германіи нѣмъ не былъ радостно привѣтствуемъ, и всѣ ощутили его, какъ явленіе стѣснительное. Сдержанная и миролюбивая политика новой Германіи не могла сгладить этого перваго впечатлѣнія. Въ достигнутомъ Германіею—благодаря военнымъ успѣхамъ и политическому искусству Бисмарка — государственномъ сплоченіи въ центрѣ Европы стали усматривать нѣчто въ родѣ угрозы или нарушенія политическаго равновѣсія.

Англійскій посолъ въ Римѣ, сэръ Клэръ Фордъ, сказалъ мнѣ однажды: „Насколько уютнѣе и удобнѣе была политика, когда Англія, Франція и Россія образовывали европейскій ареопагъ и когда въ исключительныхъ случаяхъ привлекалась только еще Австрія“. Это старое доброе время миновало. Въ верховный совѣтъ Европы вступилъ новый полноправный членъ, имѣющій не только желаніе совмѣстнаго обсужденія, но и силу участвовать въ общихъ рѣшеніяхъ. Въ міровой же войнѣ эта сила страшнѣе страшнаго для враговъ.

Государственное возрожденіе Германіи.

Бисмаркъ завершилъ всемірно-историческую задачу. Погромъ 1806 г. низвергъ Пруссію съ высоты славы, достигнутой Фридрихомъ Великимъ. Казалось, что государство великаго короля было лишь искусственнымъ созданіемъ, которое держалось государственнымъ и военнымъ гениемъ монарха.

Національный подъемъ послѣ Іены и Тильзита доказалъ однако, что въ Пруссіи живетъ еще самобытная сила. Во времена освободительныхъ войнъ Пруссія обратила на себя вниманіе прочихъ нѣмцевъ—не пруссаковъ. Но не умѣлое, вялое внутреннее правленіе и безпѣтная внѣшняя политика не дали Пруссіи воз-

можности вернуть утраченный престижъ эпохи Фридриха II. Первая попытка національнаго единенія была сдѣлана прусскою таможенною политикою (къ которой въ 1828 г. примкнулъ впервые Гессенъ). Но день Ольмюца разрушилъ надежды нѣмецкихъ патріотовъ; казалось, что Пруссія должна отступить отъ начатаго дѣла. Потомъ оздоровленіе національной жизни ожидалось путемъ установленія конституціоннаго образа правленія, какъ того желали Штейнъ, Гарденбергъ, Блюхеръ, Гнейзенау, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Бойенъ, Йоркъ и Бюловъ-Денневицъ. Когда же, 33 года спустя, былъ наконецъ сдѣланъ этотъ шагъ, то оказалось уже недовѣріе между народомъ и правительствомъ, обаяніе коего было настолько потрясено революціонными вспышками, что современная форма правленія не могла сгладить первое впечатлѣніе и оказать непосредственное благотворное воздѣйствіе. Ходъ прусской политики тормозился внутри недовѣріемъ и доктринерствомъ народнаго представительства, а извнѣ притязаніями Австріи на нѣмецкую гегемонію. Призванный въ критическій моментъ Вильгельмомъ I, Бисмаркъ взялъ въ свои руки остановившійся механизмъ прусской государственности, Бисмаркъ нашелъ путь къ единенію Германіи въ сознаніи, что національная воля и національныя страсти разгораются въ Германіи не отъ треній между правительствомъ и народомъ, а отъ столкновенія нѣмецкой гордости и честолюбія съ противодѣйствіемъ и притязаніями со стороны другихъ націй. До того времени, пока вопросъ нѣмецкаго единенія былъ внутренне-политической проблемой, изъ-за которой спорили съ правительствомъ политическія партіи, до тѣхъ поръ этотъ вопросъ не могъ породить національнаго движенія, которое увлекло бы вмѣстѣ съ народомъ и владѣтельныхъ князей. Когда Бисмаркъ выдвинулъ нѣмецкій вопросъ, въ видѣ проблемы европейской политики, и

когда начали обнаруживаться извѣстные первые симптомы недоброжелательства по отношенію къ германскому единенію, тогда только оказалась возможность у нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей стать во главѣ національнаго движенія.

Во Франкфуртѣ, С.-Петербургѣ и Парижѣ Бисмаркъ имѣлъ случай заглянуть въ карточную игру Великихъ Европейскихъ Державъ. Онъ понялъ, что вопросъ единенія Германіи могъ оставаться чисто нѣмецкимъ національнымъ дѣломъ только до той поры, пока онъ былъ неисполнимымъ желаніемъ и несбыточной мечтой нѣмцевъ, но что этотъ вопросъ долженъ былъ стать международной проблемой со вступленіемъ въ фазисъ осуществленія. На пути къ разрѣшенію великой задачи нѣмецкой политики лежала борьба съ противодѣйствіемъ Европы. Иными средствами, чѣмъ подобной борьбой, препятствія, встрѣчаемыя въ самой Германіи, почти не могли быть преодолимы. Такимъ образомъ національная политика была перенесена на международную почву.

Съ несравненнымъ искусствомъ и смѣлостью Бисмаркъ изъяслялъ задачу національнаго единенія Германіи изъ области бесплоднаго политиканства и ввѣрилъ завершеніе ея прирожденнымъ воинственнымъ качествамъ нѣмцевъ. Счастливая судьба дала Бисмарку въ сподвижники такого полководца, какъ Мольтке, и такого военнаго организатора, какъ Роона. Военные успѣхи не только вернули намъ, но и закрѣпили наше великодержавное положеніе въ Европѣ. Они отняли также надолго у другихъ державъ охоту лишить насъ мѣста въ европейскомъ ареопагѣ, которое мы завоевали себѣ тремя войнами. Хотя это мѣсто и было неохотно предоставлено намъ, но въ теченіе почти полстолѣтія никто его у насъ серьезно не оспаривалъ. За исключеніемъ Франціи, всѣ прочія державы примирились бы съ

достигнутымъ Германіею положеніемъ, если бы развитіе ея закончилось основаніемъ Имперіи. Однако государственное воссоединеніе Германіи не явилось завершеніемъ ея исторіи, а лишь началомъ новой будущности. Ставъ въ первый рядъ великихъ державъ, Германская Имперія вновь приняла полное участіе въ общей жизни Европы, жизнь же старой Европы давно уже составляла лишь часть всеобщей жизни народовъ.

Германія какъ міровая держава.

Внѣшняя политика становилась все болѣе міровой политикой. Міровые пути открывались и передъ Германіей, когда она заняла равноправное положеніе среди великихъ державъ. Вопросъ заключался въ томъ, идти-ли намъ по новымъ путямъ и рискнуть крупную игру „grand game“, какъ Дизраэли называлъ міровую политику, или воздержаться изъ за страха утратить добытое—отъ дальнѣйшаго риска. Въ лицѣ Вильгельма II нація нашла вождя, указавшаго ей новый путь въ области міровой политической жизни. „Не въ качествѣ конкистадоровъ или авантюристовъ“, говорилъ я въ одной изъ моихъ парламентскихъ рѣчей,—Германія стала на этотъ путь: Германія постепенно втянулась въ область міровой политики, не промѣнявъ старую политику „Пруссіи-Германіи“ на новую всемірную, а почерпая по прежнему свои силы въ старой Европѣ, какъ то доказываетъ въ военномъ и экономическомъ отношеніяхъ настоящая война.

„Задача нашего поколѣнія“, говорилъ я въ другой рѣчи, „одновременно оберегать наше континентальное положеніе, являющееся основой нашего мірового престола, и развивать наши заокеанскіе интересы. Германіи слѣдуетъ вести осторожную и умѣренную міровую политику съ тѣмъ расчетомъ, чтобы нѣмецкій народъ

не подвергался опасностямъ и будущность націи не потерпѣла бы ущерба.“ Этими словами я старался обрисовать 14-го ноября 1906 г., въ заключеніи болѣе подробнаго изложенія международнаго положенія, тѣ задачи, которыя предстояло Германіи, по человѣческому расчету, рѣшить въ будущемъ: міровая политика на твердой основѣ нашего великодержавнаго положенія въ Европѣ.

Сначала раздавались голоса, осуждавшіе вступленіе на путь міровой политики какъ отклоненіе отъ предначертанной Бисмаркомъ программы континентальной политики. При этомъ, однако, забывали, что именно Бисмаркъ натолкнулъ насъ на новые пути, доведя старые до конечной ихъ цѣли. Его трудъ раскрылъ намъ двери міровой политики. Лишь по достиженіи государственнаго и политическаго единенія Германіи, оказалось возможнымъ развитіе нѣмецкаго народнаго хозяйства въ міровое. Только послѣ того, какъ Имперія могла считать свое старое положеніе въ Европѣ упроченнымъ, она была въ состояніи помышлять о томъ, чтобы вступить за интересы, которые частная нѣмецкая предприимчивость, промышленный трудъ и коммерческій рискъ породили въ различныхъ странахъ. Разумѣется, Бисмаркъ не предвидѣлъ и не могъ предвидѣть этого новаго развитія и отдѣльныхъ задачъ, назрѣвшихъ въ новѣйшее время.

Тщетно было бы искать въ рѣчахъ или посмертныхъ мемуарахъ Желѣзнаго Канцлера руководящихъ указаній для рѣшеній современной германской міровой политики. Тѣмъ не менѣе современная германская міровая политика является естественнымъ развитіемъ положенныхъ Бисмаркомъ началъ. „C'est la diplomatie de Bismarck qui a fait du vrai les victoires allemandes de 1866 et 1870“, писалъ, нѣсколько недѣль спустя послѣ начала міровой войны, Викторъ Бераръ въ „Revue des deux mondes“. Если

всякая историческая эпоха зависитъ отъ предшествующей, почерпая болѣе или менѣе свои силы въ прошломъ, то она всетаки только тогда можетъ явиться прогрессомъ, если она оставитъ за собой старые пути и цѣли и станетъ добиваться своихъ собственныхъ. Если мы даже и удаляемся на нашихъ новыхъ путяхъ отъ чисто европейской политики Бисмарка, то всетаки же нельзя отрицать, что цѣли міровой политики XX в. являются продолженіемъ задачъ континентальной политики, которыя онъ преслѣдовалъ. Въ вышеупомянутой парламентской моей рѣчи я указалъ также на то, что преемникамъ Бисмарка приходится не слѣпо подражать, а заботиться о дальнѣйшемъ развитіи. „Если ходъ вещей требуетъ, сказалъ я тогда, чтобы мы шли дальше цѣлей намѣченныхъ Бисмаркомъ, то мы должны это сдѣлать.“

Развитіе событій давно уже вытѣснило нѣмецкую политику изъ узкихъ рамокъ старой Европы въ обширный міръ. Не тщеславіе и безпокойство побуждали насъ подражать великимъ державамъ, давно уже вступившимъ на путь міровой политики. Обновленная политическимъ возрожденіемъ Германіи силы націи раздвинули своимъ ростомъ предѣлы старой отчизны, и политика задалась новыми цѣлями, выдвинутыми національными интересами и требованіями. По мѣрѣ того какъ наша національная жизнь превращалась въ міровую, и политика Германской Имперіи становилась міровой политикой.

Въ 1871 году въ предѣлахъ Германской Имперіи насчитывалось 41.058.790 жителей. Они находили работу и пропитаніе на родинѣ и даже лучше и легче прежняго, подъ защитой усилившейся національной власти и благодаря усовершенствованнымъ съ основаніемъ имперіи путямъ сообщенія и развитію обще-германскаго законодательства. Въ 1900 народонаселеніе

доросло до 56.367.178, а нынѣ до 68 миллионовъ. Эту массу Имперія не могла болѣе по прежнему прокармливать въ своихъ предѣлахъ. Такой приростъ поставилъ германской экономической жизни и политикѣ громадную задачу, которая требовала, чтобы избытокъ народной силы не былъ утраченъ въ пользу другихъ странъ. Въ 1883 году эмигрировало 173.000 нѣмцевъ, въ 1892—116.339, а въ 1898 всего 22.921. Этимъ послѣднимъ числомъ ограничивалась съ тѣхъ поръ ежегодная эмиграція изъ Германіи. Изъ этого слѣдуетъ, что 68-милліонное населеніе могло пользоваться лучшими условіями существованія, чѣмъ 46-милліонное населеніе въ 1883 году.

За то же время германскій вывозъ возросъ съ 6 миллиардовъ марокъ на 22,54 миллиардовъ, до начала войны. Міровая торговля и народное пропитаніе находятся въ близкомъ соотношеніи. Не касаясь испытываемыхъ въ этой области въ настоящую войну затрудненій изъ за пріостановки морской торговли, улучшение жизненныхъ условій зависитъ менѣе отъ повышеннаго ввоза пищевыхъ продуктовъ извнѣ, чѣмъ отъ заработка, являющагося результатомъ развитія промышленности, которая обслуживаетъ міровые рынки. По статистическимъ даннымъ, въ 1911 году ввозъ сырья для цѣлей обрабатывающей промышленности равнялся 5.393 миллионамъ марокъ, а вывозъ готовыхъ издѣлій—5.460 миллионовъ марокъ. Германскій вывозъ сырья, преимущественно ископаемыхъ, исчисленъ въ 2205 миллионовъ; съѣстныхъ и пищевыхъ продуктовъ—3.077 миллионовъ, а ввозъ послѣднихъ—1.096 миллионовъ марокъ. Міровая торговля является посредникомъ для сбыта этихъ товаровъ, при чемъ ихъ движеніе совершается, главнымъ образомъ, не внутренними водными и сухопутными путями, а моремъ, на нѣмецкихъ торговыхъ судахъ. Промышленность, торговля и

коммерческое судоходство облекли германскую экономическую жизнь въ новыя міровыя формы, которыя вывели Германію и въ политическомъ отношеніи за предѣлы задачъ, поставленныхъ ей въ свое время Бисмаркомъ.

Съ своимъ вывозомъ на 22,5 миллиарда Германія заняла въ 1913 году мѣсто второй торговой державы въ мірѣ—послѣ Англіи (27 миллиардовъ), опередивъ Америку, вывозящую на 17 миллиардовъ. Въ 1913 году въ нѣмецкіе порты заходило 89.329 туземныхъ и 26.637 чужихъ судовъ, а вышло 90.456 собственныхъ и 26.919 иностранныхъ. Въ среднемъ, численность нѣмецкихъ торговыхъ судовъ увеличивается въ годъ на 80 пароходовъ и 50 парусныхъ судовъ.

Необходимость военного флота.

Для современной нѣмецкой національной жизни море пріобрѣло значеніе, какого оно не имѣло даже во времена Ганзы. Страхомъ же передъ возможнымъ пресѣченіемъ своего морского торговаго развитія со стороны могущественныхъ военныхъ флотовъ другихъ державъ была внушена Германіи задача созданія ея морской обороны.

Когда въ 1864 году англійскій посланникъ обратилъ вниманіе Бисмарка на вызванное въ Англіи раздраженіе выступленіемъ Пруссіи противъ Даніи и угрожалъ ему даже военными мѣропріятіями, Бисмаркъ спокойно отвѣтилъ: „Да что же вы можете намъ сдѣлать. Въ худшемъ случаѣ вы швырнете нѣсколько гранатъ въ Столпемюде или Пиллау,—вотъ и все“. Бисмаркъ былъ въ то время правъ. Для владычицы морей—Англіи Пруссія была почти неуязвима. У нея не было ни значительнаго торговаго флота, уничтоже-

ніємъ коего оно могла бы рисковать, ни морской торговли, которая могла бы пострадать.

Нынѣ положеніе измѣнилось: Германія стала уязвима на морѣ. Она довѣряетъ теперь морю исчисляемые миллиардами цѣнности народнаго богатства, а съ ними судьбу и благосостоянія миллионовъ своихъ подданныхъ. Не заботясь о защитѣ этой части національной собственности, Германія рисковала бы ея утратою; при таковыхъ условіяхъ Германія вернулась бы, какъ въ политическомъ, такъ и экономическомъ отношеніяхъ, къ своему прежнему безцвѣтному политическому существованію. Она не была бы въ состояніи ни занять, ни пропитать у себя на родинѣ добрую часть своего миллионнаго населенія. Благодаря согласованности дѣйствій военныхъ и административныхъ организацій въ связи съ несравненной помощью со стороны промышленности, сельскаго хозяйства и рабочаго класса возможно еще въ теченіе войны парализовать экономическія послѣдствія временнаго отстраненія Германіи отъ міровой торговли и рынковъ. Дальнѣйшее же экономическое развитіе Германіи въ мирное время безъ участія въ международномъ общеніи явилось бы неосуществимымъ. Наша экономическая жизнь требуетъ обезпеченной нашей силою свободы движенія какъ на морѣ, такъ и вообще въ свѣтѣ. Это требованіе указываетъ на одну изъ главнѣйшихъ цѣлей, которая должна быть достигнута этой войной.

Постройка военного флота.

Въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка созданіе военного флота, въ видахъ защиты за-океанскихъ интересовъ Германіи, стало для нѣмецкой націи перво-степеннымъ жизненнымъ вопросомъ. Вильгельмъ II созналъ эту цѣль и вступилъ за осуществленіе идеи

сооруженія военного флота со свойственной ему энергіей въ то время, когда германскому народу пришлось принять окончательное рѣшеніе относительно своей дальнѣйшей будущности. Новый флотъ долженъ былъ быть сооруженъ при условіи сохраненія занятаго Германіею положенія на континентѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ Германія принуждена была избѣгать столкновенія съ Англіею, противъ которой она не обладала никакой защитой на морѣ. Общественное мнѣніе страны, которое находилась въ ту пору подъ впечатлѣніемъ разрыва между державнымъ вождемъ и маслитымъ творцомъ германскаго единства, могло быть выведено изъ своего безнадежнаго состоянія лишь увлеченіемъ новой національной задачей. При этомъ подъемъ патриотическаго духа долженъ былъ быть сдерживаемъ въ извѣстныхъ границахъ, дабы не скомпрометировать нашихъ отношеній къ Англіи. Сила нашей морской обороны противъ Англіи была тогда еще далеко не достаточна, и, по мѣткому замѣчанію одного компетентнаго лица, мы лежали передъ ней въ 1897 г. какъ масло передъ ножомъ. Главнѣйшей и важнѣйшей задачей нѣмецкой политики въ послѣ-бисмарковскую эпоху было сооруженіе необходимаго флота, а передъ этой задачей я видѣлъ себя также поставленнымъ въ первую очередь, когда въ іюнѣ 1897 года, на яхтѣ „Гогенцоллернъ“ на томъ-же мѣстѣ и въ тотъ же самый день, гдѣ 12 лѣтъ спустя я просилъ о своемъ увольненіи, императоръ поручилъ мнѣ управленіе иностранными дѣлами. Ставший въ 1897 году во главѣ имперскаго морского вѣдомства адмиралъ фонъ-Тирпицъ провелъ въ рейхстагѣ морской законопроектъ, требовавшій сооруженія 7 новыхъ линейныхъ судовъ, 2 большихъ и 7 малыхъ крейсеровъ и обезпечивавшій, установленіемъ срока жизнеспособности судовъ и точнымъ опредѣленіемъ постоянныхъ служебныхъ кадровъ,

возможность правильной замѣны выбывающихъ изъ строя единицъ новыми.

Такимъ образомъ было положено основаніе для дальнѣйшаго развитія флота, вошедшаго въ систему національной обороны Германіи. Его осуществленіе было совершенно, подобно другимъ задачамъ германской политики, „mit dem Auge auf das Ausland“, причемъ нельзя было не предвидѣть, что усиленіе германской мощи будетъ встрѣчено въ Англіи съ неудовольствіемъ и недовѣріемъ.

Традиціонная политика Англіи.

Ни одна держава не имѣетъ столь твердо установившейся традиціонной политики, какъ Англія. Слѣдуя по предначертанному пути и, придерживаясь конечныхъ цѣлей, независимо отъ партійныхъ теченій, она достигла своихъ міровыхъ успѣховъ. Цѣлью всей британской политики является достиженіе и сохраненіе англійскаго владычества на морѣ. Этой точкѣ зрѣнія подчинены всѣ прочія ея соображенія, дружба и непріязнь. Для достиженія указанной цѣли англичанамъ были годны всѣ средства. Доказательствомъ сего является и настоящая война.*)

Во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX вв. Англія стояла на сторонѣ Пруссіи, какъ въ критическія минуты Семилѣтней войны, такъ и въ эпоху Наполеона I. Причиною такового явленія была не сентиментальная симпатія къ участи родственной націи на

*) Прим. переводчика. Весьма любопытно упущеніе въ новомъ изданіи помѣщенной въ первоначальной редакціи настоящаго очерка фразы.... „наивно говорить о „вѣроломномъ Альбіонѣ“. Въ сущности мнимое вѣроломство—здравый и оправдываемый эгоизмъ, которому слѣдовало-бы подражать, равно какъ и другимъ выдающимся качествамъ англійскаго народа“....

германскомъ сѣверѣ: исключительно ради собственныхъ интересовъ, Англія примкнула къ выдающемуся противнику сильнѣйшей европейской державы, и она отступилась въ тяжелую минуту отъ Фридриха Великаго и покинула Пруссію на Вѣнскомъ конгрессѣ, достигнувъ своей цѣли. Когда силы Франціи были отвлечены Семилѣтнею войною, Англія обезпечила себѣ обладаніе владѣніями въ Сѣверной Америкѣ. Пока Пруссія была врагомъ сильнѣйшей континентальной державы, Англія дружила съ нею. Возвысившись событіями 1864 и 1870 г.г. на степень могущественнаго государства въ Европѣ, Пруссія-Германія заняла въ англійскомъ воображеніи мѣсто Франціи Людовика XIV и обоихъ Бонапартовъ. Англія продолжала только слѣдовать своей традиціонной политикѣ, становясь враждебной Германіи, какъ сильнѣйшей, въ данную минуту, континентальной державѣ. Послѣ упадка габсбургской Испаніи Бурбонская Франція стала естественнымъ врагомъ Англіи. Послѣ десятилѣтій завистливаго недовѣрія къ усилившейся при Екатеринѣ II Россіи англійская политика обратилась вновь противъ Франціи, когда Бонапартъ покорялъ съ республиканскимъ войскомъ государства европейскаго материка. Изъ борьбы съ первой Имперіей Англія вышла побѣдительною, разумѣется, благодаря непоколебимому и грандіозному постоянству ея политики, морскимъ побѣдамъ при Абукирѣ и Трафальгарѣ и успѣхамъ ея желѣзнаго герцога въ Испаніи, но также и вслѣдствіе выдержки Русскихъ и Австрійцевъ и натиска старика Блюхера съ его Пруссакими. Когда послѣ паденія Наполеона военный перевѣсъ какъ бы перешелъ съ Запада Европы на Востокъ, то Англія перемѣнила свой политическій фронтъ. Она приняла дѣятельное участіе въ неблагопріятномъ для Россіи исходѣ Крымской кампаніи и разрушеніи плановъ Императора Николая I. Императоръ

Александръ II также нерѣдко встрѣчалъ сопротивленіе Англіи на своихъ политическихъ путяхъ, наиболѣе ощутительно на Ближнемъ Востокѣ, въ этой области исконныхъ надеждъ русскаго честолюбія. Англо-японскій союзъ возникъ изъ подобныхъ же соображеній какъ и *entente cordiale* съ Франціею, которое оказало рѣшающее воздѣйствіе на современную международную политику.

Причина по меньшей мѣрѣ недовѣрчиваго отношенія Англіи къ сильнѣйшей, въ данный моментъ, континентальной державѣ, какова бы она ни была, кроется главнымъ образомъ въ значеніи, которое Англія придаетъ ей съ точки зрѣнія морской политики. Англія могла беззаботно распоряжаться своимъ боевымъ флотомъ, въ увѣренности, что ея границы защищены моремъ отъ непріятельскихъ нападений. Если же данная континентальная держава можетъ обезпечить безопасность своихъ границъ сухопутною арміею, то она получаетъ возможность вести за-океанскую политику. Англія обезпечена въ этомъ отношеніи своимъ неприступнымъ географическимъ положеніемъ. Народы, не получившіе доступа къ морю, или отрѣзанные отъ него, отстранялись отъ мірового соревнованія, обладаніе же морскимъ берегомъ содѣйствуетъ развитію континентальной политики въ міровую. Европейскіе народы, которые не использовали въ этомъ смыслѣ своего побережья и своихъ гаваней, не могли этого сдѣлать, ибо они должны были располагать совокупностью національныхъ силъ для защиты противъ непріятеля своихъ границъ на сушѣ. Такимъ образомъ преемникамъ Великаго Курфюрста пришлось отказаться отъ осуществленія плановъ его дальневидной колониальной политики.

Передъ сильнѣйшей „континентальной державой“ наиболѣе широко открывались пути міровой политики.

Однако эти пути находились подъ надзоромъ Англіи. Когда Людовикъ XIV возбудилъ вопросъ объ англо-французскомъ союзѣ, то англійскій король Карлъ II, который въ общемъ былъ весьма расположенъ къ французамъ, отвѣтилъ, что заключенію искренняго соглашения помѣшали-бы извѣстныя препятствія, изъ коихъ главнѣйшее заключается въ стремленіи Франціи стать сильной морской державой. Это послужило бы для Англіи, значеніе коей зависитъ преимущественно отъ ея торговли и военнаго флота, поводомъ къ постоянному недовѣрію, такъ какъ всякій шагъ, сдѣланный Франціею въ означенномъ направленіи, возбуждалъ бы вновь между обоими народами чувства зависти. Послѣ заключенія мира въ Губертусштокѣ старшій Питтъ выразилъ въ парламентѣ сожалѣніе, что Франціи была дана возможность вновь соорудить себѣ флотъ. Главнымъ образомъ въ цѣляхъ противодѣйствія французской морской политикѣ Англія стала на сторону враговъ Франціи въ войну изъ-за испанскаго наслѣдства, которою былъ нанесенъ первый чувствительный ударъ преобладающему вліянію Франціи въ Европѣ, при чемъ Англія получила съ Гибралтаромъ ключи къ міровому морю, а равно и главную часть Канады, которую старалась отстоять Франція. Въ серединѣ XVIII в. Лордъ Чэтамъ сказалъ какъ-то: „Единственная опасность, могущая угрожать Англіи, явится въ тотъ день, который увидѣлъ-бы Францію въ положеніи великой морской, торговой и колониальной державы.“ Докрымской войны писалъ Давидъ Uguhart: „наше островное положеніе оставляетъ намъ только выборъ между всемогуществомъ и немощью. Британія будетъ либо владычицею моря, либо будетъ поглощена имъ.“ А въ 1905 г. Бельгійскій Посланникъ въ Берлинѣ, Баронъ Грэндель, выразилъ свое сужденіе объ англо-германскомъ антагонизмѣ слѣдующими словами: „Истинная

причина ненависти англичанъ противъ Германіи—это зависть, вызванная изумительно быстрымъ развитіемъ нѣмецкой промышленности... Англичанамъ, привыкшимъ не допускать никакихъ соперниковъ, всякая конкуренція представляется какъ вторженіе въ ихъ права.“

Англія по настоящее время не измѣнила своей традиціонной политикѣ и является нынѣ, какъ и раньше, первой морской державою. Суровыя столкновенія прежнихъ временъ замѣнялись утонченными дипломатическими приѣмами. Политическая цѣль Англіи оставалась неизмѣнно тою-же.

Германія и Англія.

Вступленіе Германіи на путь міровой политики должно было быть неудобнымъ Англіи. Относится съ должнымъ пониманіемъ къ традиціямъ англійской политики не означаетъ однако признавать, что Англія имѣла будто-бы основаніе встрѣчать расширеніе народнаго хозяйства Германіи и развитіе ея континентальной политики въ міровую съ тѣмъ же недоверіемъ, которое было, можетъ быть умѣстнымъ въ прежнія времена касательно другихъ державъ. Германская міровая политика кореннымъ образомъ отличалась по своимъ средствамъ и цѣлямъ отъ попытокъ міровыхъ завоеваній Испаніи, Франціи, отчасти Голландіи и Россіи въ ея прошломъ: міровая политика, противъ которой возставала прежде Англія, устремлялась болѣе или менѣе въ сторону насильственного измѣненія международнаго положенія. Германія же считается только со своими измѣнившимися жизненными условіями; ея міровая политика имѣла не наступательный, а оборонительный характеръ. Мощное національное развитіе Германіи выдвинуло ее на море, и она была принуждена ради своихъ интересовъ и соблюденія своего дос-

тоинства и чести обезпечить своей міровой политикѣ ту же независимость, каковую она приобрѣла для континентальной политики; хотя стремленіе Германіи къ этой цѣли и тормозилось противодѣйствіемъ Англіи, но оно не могло быть имъ остановлено.

При такихъ условіяхъ создавался германскій флотъ. Германія должна была, съ одной стороны, избѣгать враждебной Англіи политики, съ другой же-она не хотѣла попасть въ зависимость отъ Англіи, цѣною ея дружбы. Обѣ эти опасности не разъ угрожали Германіи. Ни какъ послушная спутница, ни какъ явная ненавистница Англіи, Германія не могла достичь въ своемъ морскомъ развитіи намѣченной цѣли. Уже Макиавелли совѣтуетъ не присоединяться къ чрезмеруь сильному, ибо тогда подпадешь его произволу. „Англія, замѣтилъ въ 1893 г. Кн. Бисмаркъ въ разговорѣ съ историкомъ Зибелемъ, опаснѣйшій врагъ Германіи. Англія считаетъ насъ неравными себѣ по происхожденію и согласилась бы на союзъ съ нами только на такихъ условіяхъ, которыя никогда бы не были для насъ приемлимы. Въ союзѣ, который мы заключаемъ, мы должны быть сильнѣйшей стороною.“ Дружба Англіи могла бы быть куплена лишь путемъ отказа Германіи отъ плановъ міровой политики. Но это означало бы: *propter vitam vivendi perdere causas*. Становясь же открытымъ врагомъ Англіи, Германія утратила бы всякую надежду довести развитіе своихъ силъ, какъ морской и міровой державы, до достигнутыхъ нынѣ предѣловъ.

Могло казаться, что во время Бурской войны, возлехшей Англію въ затруднительное положеніе, представлялся Германіи удобный случай нанести ударъ недорожжелательницѣ нѣмецкой міровой политики. Въ Германіи, какъ и въ остальныхъ частяхъ Европы, обнаружили симпатіи къ бурамъ; мгновенный успѣхъ вступленія противъ Англіи считался многими обезпечен-

нымъ благопріятными обстоятельствами и, главнымъ образомъ, расчетомъ на содѣйствіе Франціи; однако подобная попытка должна была бы привести къ разочарованію. Закоренѣлая національная вражда по отношеніи къ германской имперіи скоро развѣяла бы раздраженіе французовъ противъ Англіи и свѣжая память о Фашодѣ не могла бы перевѣсить воспоминаніе о Седанѣ. Существовала опасность, что, будучи натравляемой на Англію, Франція покинула бы Германію въ рѣшительный моментъ.

Причиняемый англійской политикѣ въ Африкѣ ущербъ не принесъ бы выгоды ближайшимъ національнымъ интересамъ Германіи. Отношенія ея къ Англіи были бы отравлены, и пассивное противодѣйствіе Англіи обратилось бы въ открытую вражду. Поэтому занятое Германією нейтральное положеніе въ бурскомъ вопросѣ отвѣчало истиннымъ ея національнымъ интересамъ.

Разсужденія печати о возможности Англо-Германскаго союза.

Въ англійской и нѣмецкой печати нѣсколько разъ обсуждалась мысль о томъ, что сопротивленіе, чинимое Англією германской міровой политикѣ, могло бы быть легче всего преодолено англо-германскимъ союзомъ. Этотъ вопросъ занималъ уже въ свое время Бисмарка который однако резюмировалъ свое заключеніе словами: „Мы были бы готовы любить англичанъ, но они не желаютъ быть нами любимы“. Впослѣдствіи Германія также была бы склонна вступить въ союзническія отношенія съ Англією на основаніи полнаго паритета и равноправныхъ обязательствъ. Но постановленія, отъ которыхъ Англія могла бы отказаться въ случаѣ перемѣны правительства, или другихъ независимыхъ отъ

Германіи обстоятельствъ, не оказали бы пользы нѣмецкимъ интересамъ. Бисмаркъ уже указывалъ на то, какъ трудно завязать съ Англією прочную связь, ибо долгосрочные союзы противорѣчатъ англійскимъ традиціямъ, а мнѣнія англійскихъ политиковъ и преходящія настроенія англійской печати не могли бы имѣть цѣны неизблжимыхъ обѣщаній. Дѣйствительно, со времени крымской кампаніи до настоящей міровой войны Англіей не было заключено союза ни съ одной изъ континентальныхъ державъ, и еще наканунѣ этой войны англійскіе министры заявляли, что Англія не должна связываться соглашениями, которыя налагали бы на нее опредѣленные обязательства. Въ рѣчи, въ которой 4 августа 1914 г. Сэръ Эдвардъ Грей ратовалъ въ Нижней Палатѣ за участіе Англіи въ войнѣ, онъ упомянулъ, что въ теченіе боснійскаго кризиса, шесть лѣтъ тому назадъ, онъ заявилъ русскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ, что англійское общественное мнѣніе не позволитъ Великобританскому Правительству оказать Россіи иную помощь, кромѣ дипломатической поддержки. „I told Mr. Isvolsky definitely then, this being a Balcan crisis, a Balcan affair, I did not consider that public opinion in this country would justify us in promising to give anything more than diplomatic support...In this present crisis, up till yesterday, we have also given no promise of anything more than diplomatic support“.*

Рѣчь англійскаго министра, которая служила какъ бы введеніемъ къ войнѣ, силилась доказать, что Англія до послѣдней минуты сохранила за собою свободу

*) „Я опредѣленно сказалъ тогда Г. Извольскому, что такъ какъ это балканскій кризисъ и балканскій вопросъ, то я не думаю, чтобы общественное мнѣніе у насъ дозволило намъ обѣщать болѣе, чѣмъ дипломатическую поддержку....Въ настоящемъ кризисѣ, до вчерашняго дня, мы поэтому и не обѣщали ничего иного, кромѣ дипломатической поддержки.“

дѣйствій. Настолько осторожно и обдуманно обезпечила себѣ англійская политика даже по отношенію къ Франціи возможность по своему усмотренію и въ зависимости отъ даннаго положенія вещей использовать для крайнихъ рѣшеній свои до той поры лишь дружескія отношенія. А между тѣмъ Франція, къ которой, по многимъ причинамъ, англійское общественное мнѣніе было болѣе расположено и въ которой Англія болѣе видѣла серьезнаго соперника на морѣ и въ міровой торговлѣ, находилась по отношенію къ Англіи въ иномъ положеніи, чѣмъ Германія.

Можно пожалуй поспорить о томъ, не слѣдовало ли бы намъ заключить съ Англіей договоръ о нейтралитетѣ именно въ ту пору, когда король Эдуардъ сошелъ съ міровой сцены, а постройка нашего флота настолько уже подвинулась впередъ, что даже и не законченный еще флотъ представлялъ уже достаточную гарантію защиты. Ясно, что пока еще царствовалъ Эдуардъ VII и доколѣ нашъ флотъ былъ недостаточенъ даже только для цѣлей обороны, мы не должны были ни связываться съ Англіей безъ полученія надлежащихъ гарантій, ни таскать ей каштаны изъ русскаго огня. Въ виду раздраженнаго состоянія англійскаго общественнаго мнѣнія противъ Германіи изъ-за ея экономическихъ успѣховъ и роста ея военнаго флота, мы могли бы вступить на мостъ англо-германскаго союза только при условіи ясно формулированныхъ и заключенныхъ на продолжительный срокъ обязательствъ со стороны Англіи. Кромѣ того мостъ, который былъ бы перекинутъ надъ бездной существующихъ между нами и Англіей положительныхъ и мнимыхъ противорѣчій, долженъ былъ-бы оказаться выносимымъ.

Поведеніе англичанъ по отношенію къ намъ именно въ эту пору ихъ заигрыванія съ нами доказывало наглядно, насколько англійская политика была безсиль-

на сдерживать чувства зависти и недоброжелательства даже въ то время, когда она желала подкупить насъ. Достаточно указать напр. на поведеніе Англіи въ саманскомъ вопросѣ въ 1899 г. и на ничѣмъ не вызванное задержаніе германскихъ почтовыхъ пароходовъ въ нейтральныхъ водахъ въ 1900 г. Договоры исполнимы только тогда, когда они являются выраженіемъ взаимныхъ интересовъ и обоюдныхъ намѣреній. „Il y a quelque chose de pire que l'isolement, ce sont des alliances au fond desquelles réside le soupçon“ пишетъ Pierre de la Gorse въ своемъ трудѣ о Наполеонѣ III.

Въ ту пору, когда обсуждался вопросъ союза съ Англіей, политическое положеніе было во многихъ отношеніяхъ инымъ, чѣмъ двѣнадцать лѣтъ спустя. Въ началѣ XX столѣтія Россія не была еще ослаблена японской войною и стремилась утвердиться въ занятомъ ею положеніи на Дальнемъ Востокѣ. Отношенія между Россіей и Англіей были натянуты. Существовала опасность, что на долю союзника Англіи выпадетъ роль, которую приняла на себя впоследствии одна Японія. Въ подобной роли Германія оказалась бы въ несравненно менѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ Японія, Японская война была непопулярна въ Россіи, и Россія была принуждена вести какъ бы колониальную войну на громадномъ разстояніи. Между тѣмъ война съ Германіей не была бы, при данныхъ условіяхъ, непопулярной въ Россіи, и русскіе вели бы ее со свойственнымъ имъ при оборонѣ родной земли подъемомъ національнаго духа. Франція, пользуясь предлогомъ *casus foederis*, имѣла бы возможность начать войну реванша при весьма благоприятныхъ обстоятельствахъ. Англія готовилась къ походу противъ буровъ. Положеніе Англіи было значительно облегчено тѣмъ, что ея колониальныя предпріятія сопровождались бы европейскими замѣшательствами, изъ коихъ она сумѣла бы извлечь выго-

ды, какъ въ серединѣ XVIII и началѣ XIX в. в.; Германіи же пришлось бы нести тяжелую войну на два фронта, между тѣмъ какъ Англія продолжала бы расширять свои колоніальныя владѣнія и пользоваться взаимнымъ ослабленіемъ континентальныхъ государствъ. Наконецъ, въ теченіе военныхъ приготовленій на сушѣ и много времени спустя, Германія не имѣла бы силъ, средствъ и досуга завершить сооруженіе своего военного флота. Ей оставалось одно: не обращать вниманія на заигрыванія Англіи и избѣгать въ равной мѣрѣ, какъ враждебнаго столкновенія съ нею, такъ и податливой зависимости.

Англія и германскій флотъ.

Такимъ образомъ, Германіи дѣйствительно удалось развить свои морскія силы, которыя образуютъ опору ея міровой политики и внушаютъ уваженіе сильнѣйшему противнику. Что это для насъ означаетъ, доказываетъ нынѣшняя война: нашъ боевой флотъ сдерживаетъ главныя англійскія силы въ Сѣверномъ морѣ и мѣшаетъ такимъ образомъ Англіи развивать свои дѣйствія въ проливахъ; подводная война приобрѣла важнѣйшее значеніе, а нѣмецкія подводныя лодки выказали себя сильнѣйшимъ оружіемъ, которое наноситъ чувствительные удары торговлѣ и является впервые серіозной угрозой для англійскаго морского господства... Въ теченіе перваго десятилѣтія, по внесеніи морского законопроекта въ 1897 году, рѣшительная англійская политика могла бы еще помѣшать преобразованію Германіи въ морскую державу и обезвредить ее, пользуясь отсутствіемъ у нея флота. Въ Англіи заявлялись подобныя требованія. Такъ писала газета „Daily Chronicle“: „Если германскій флотъ былъ бы уничтоженъ въ октябрѣ 1904 года, европейскій миръ былъ бы опезпеченъ

на 60 лѣтъ.“ Въ томъ же смыслѣ высказывались и другіе органы англійской печати.

Осенью 1904 года сталъ обостряться мароккскій вопросъ. По отзыву одного французскаго публициста, англійское общественное мнѣніе было сильно обезпокоено ростомъ германскаго флота, а въ извѣстныхъ англійскихъ кругахъ обсуждались планы престѣпенія морского развитія Германіи, либо путемъ непосредственныхъ серьезныхъ представленій, либо негласнымъ поощреніемъ французскаго шовинизма. Пять лѣтъ спустя, было высказано въ англійскомъ парламентѣ мнѣніе, что Англіи не пришлось бы увеличивать съ лихорадочною поспѣшностью свои морскія силы, если бы десять лѣтъ раньше она помѣшала возникновенію германскаго флота. При осторожномъ лавированіи Германіи въ этомъ вопросѣ, Англіи не представлялось случая задушить нѣмецкій флотъ въ зародышѣ, какъ она поступала въ прежнія времена относительно флотовъ другихъ государствъ.

Характеръ германской міровой политики.

Созданный Германіей съ 1897 г. флотъ, благодаря которому мы, хотя и на большомъ разстояніи отъ Англіи, заняли мѣсто второй морской державы, далъ намъ возможность заступаться въ свѣтѣ за наши нѣмецкіе интересы. Главнѣйшей задачей флота должна была явиться защита нѣмецкой міровой торговли и интересовъ и чести германскихъ подданныхъ за границею. Германскому флоту была предоставлена преимущественно оборонительная роль. Однако не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что эта оборонительная роль могла быть и расширена. При возникновеніи серьезнаго международнаго конфликта и въ случаѣ умышленнаго нападенія на Германію съ чьей-бы то ни

было стороны, море должно было бы стать для нея въ настоящее время уже инымъ военнымъ базисомъ, чѣмъ въ 1870 году; разумѣется флотъ, подобно арміи, усматривалъ бы тогда, согласно прусско-германской традиціи, надежнѣйшій ходъ въ нанесеніи перваго удара. Но исполнѣ безосновательно было опасеніе насчетъ того, что съ ростомъ германскихъ морскихъ силъ пробудится желаніе Германіи къ агрессивному выступленію.

За исключеніемъ средневѣковыхъ походовъ нѣмецкихъ императоровъ въ Италію, которые были внушены болѣе политическимъ заблужденіемъ, нежели страстью къ завоеваніямъ, Германія не вела завоевательныхъ войнъ, которыя могли бы быть уподоблены французскимъ войнамъ XVII, XVIII и XIX столѣтій, войнамъ Габсбургской Испаніи и Швеціи во времена ихъ расцвѣта или военнымъ дѣйствіямъ Россіи и Англіи на почвѣ ихъ экспансивной политики. Германія преслѣдовала лишь цѣль созданія твердаго оплота. Какъ Фридрихъ Великій послѣ Силезійскихъ войнъ, такъ и Вильгельмъ I и Бисмаркъ не почерпали въ достигнутыхъ успѣхахъ поощренія къ дальнѣйшимъ наступательнымъ дѣйствіямъ. Германія скорѣе ограничивала сама свои успѣхи, избѣгая истощенія національныхъ силъ. Историческое значеніе Германіи лишено поэтому эпохъ внезапнаго, ослѣпительнаго подъема и является скорѣе медленнымъ, неустаннымъ движеніемъ впередъ. Всю ея политическую манеру нельзя уподобить приѣмамъ опрометчиво спекулирующаго коммерсанта, но терпѣливой осмотрительности крестьянина, выжидающаго всходовъ послѣ тщательно произведеннаго посѣва.*)

Послѣ франко-германской войны многіе ожидали новыхъ военныхъ выступленій Германіи. Хотя съ 1870

*) Прим. переводчика. Эта тактика вошла, такъ сказать, въ традиціи германской политики.

года и было почти больше войнъ, чѣмъ раньше за одинаковый періодъ времени, тѣмъ не менѣе Германія не была въ нихъ втянута, не смотря на свою боевую готовность. Миръ былъ обезпеченъ не потому, что Германія воздерживалась отъ какихъ либо нападеній на другія націи, а потому что другія націи не рѣшались напасть на нее. Съ 1871 г. по 1914 г. сила нашего вооруженія оказалась лучшимъ обезпеченіемъ мира въ теченіе послѣднихъ тревожныхъ десятилѣтій. Флотъ, какъ дополненіе сухопутныхъ силъ, долженъ былъ служить при вѣрно направляемой внѣшней политикѣ, гарантіей сохраненія мира, ибо, подобно тому, какъ армія должна была предупреждать умышленное постороннее вмѣшательство въ континентальную политику Германіи, такъ флотъ былъ призванъ обезпечить ея міровое политическое развитіе. Германія заботилась, такимъ образомъ, о созданіи оборонительныхъ средствъ и обладала возможностью, защищая свои интересы, отражать, въ случаѣ необходимости, постороннее вмѣшательство и оградить и утверждать свое положеніе, особенно въ Малой Азіи и Африкѣ.

Мало по малу Германія раскинула сѣть своихъ международныхъ отношеній. Отдаленныя за-океанскія страны, мало интересовавшія ее въ первоначальную эпоху чисто-колониальной политики, стали пріобрѣтать для нея теперь все большее значеніе. Забота объ установленіи хорошихъ и, если возможно, дружественныхъ отношеній съ ними явилась важной задачей ея внѣшней политики. Поэтому она искала сближенія съ обѣими новыми великими державами Запада и Востока, т. е. съ Соединенными Американскими Штатами и съ Японією. Какъ здѣсь, такъ и тамъ ей пришлось преодолѣть временныя затрудненія, прежде чѣмъ она могла помышлять объ установленіи дружескихъ сношеній.

Германія и Америка.

Во время испано-американской войны нѣмецкое общественное мнѣніе склонялось своими симпатіями къ Испаніи, что непріятно ощущалось въ Америкѣ. Съ своей стороны, англійская и американская печать не упускала случая содѣйствовать раздраженію германо-американскихъ отношеній, въ особенности въ 1899 году. Необходимость улучшенія ихъ никѣмъ не сознавалась болѣе ясно, чѣмъ императоромъ Вильгельмомъ, который стремился расположить къ себѣ американцевъ. Императору удалось лично сблизиться съ президентомъ Рузвельтомъ. Миссія принца Гейнриха Прусскаго въ Америку, съ своей стороны, оказала благотворное воздѣйствіе на тамошнее общественное мнѣніе. Равнымъ образомъ содѣйствовали достиженію означенной цѣли установившійся, по мысли императора, взаимный обмѣнъ профессоровъ американскихъ и нѣмецкихъ университетовъ въ видахъ болѣе тѣснаго сближенія обѣихъ родственныхъ націй. Нѣмецкая наука и искусство стали находить все больше цѣнителей въ Америкѣ, а въ Германіи увеличился интересъ къ изумительнымъ успѣхамъ американцевъ въ области современной техники. Завязанныя, такимъ образомъ, сношенія отразились и на улучшеніи взаимныхъ политическихъ отношеній, что сказалось впервые въ полюбовномъ разрѣшеніи Самоанскаго вопроса. Равнымъ образомъ въ теченіе критическаго періода нашей политики въ началѣ нынѣшняго столѣтія мы никогда не встрѣчали какого либо противодѣйствія со стороны Америки. Кромѣ Австріи не существуетъ пожалуй другой страны, представляющей болѣе благопріятныя условія для прочныхъ дружественныхъ сношеній съ Германіей, чѣмъ Сѣвер-

ная Америка. Въ Соединенныхъ Штатахъ проживаетъ около 10 милліоновъ нѣмцевъ. Съ основаніемъ въ 1901 году „нѣмецко-американскаго національнаго союза“, среди этого нѣмецкаго элемента все болѣе усиливалось стремленіе поддерживать, при соблюденіи гражданской вѣрности своему новому отечеству, связь съ бывшей родиной.

Привязанность нашихъ соотечественниковъ въ Америкѣ къ нѣмецкой родинѣ подверглась въ настоящую войну сильнѣйшему испытанію. На ряду съ этимъ, однако, обнаружилось также, насколько сильно тяготѣніе проживающаго въ Америкѣ англійскаго народнаго элемента къ своей отчизнѣ. Однимъ изъ послѣдствій этой войны является усиленіе чувства англо-саксонской солидарности. Съ самаго начала войны весь говорящій по англійски міръ, по-скольку онъ принадлежитъ къ англо-саксонской расѣ, враждебенъ Германіи. При численномъ преобладаніи англо-американцевъ, коими заняты почти всѣ государственныя должности въ С. Штатахъ, неминуюемо должно было случиться, что перевѣсъ американскихъ симпатій склонился, въ войну между Германіей и Великобританіей, на англійскую сторону, а официальная американская политика послѣдовала за господствующимъ теченіемъ народнаго настроенія. „Между Германіей и Америкой возникъ разладъ, который не сгладится въ теченіе многихъ лѣтъ“, писалъ въ іюнѣ 1915 г. корреспондентъ одной большой Берлинской газеты. Германія испытала на себѣ за время войны недружелюбное и пристрастное настроеніе официальныхъ и общественныхъ сферъ Америки. Безцеремонное обращеніе, встрѣченное нами съ этой стороны во время разногласій по вопросу о веденіи подводной войны, которое отразилось даже на формахъ дипломатическихъ сношеній, является небывалымъ въ исторіи.

Поэтому болѣе чѣмъ понятно раздраженіе широкихъ нѣмецкихъ круговъ противъ американскаго народа, который они до тѣхъ поръ считали дружественно и искренно настроеннымъ къ Германіи. Это раздраженіе не умаляется соображеніемъ, что пользуясь выгодной для нея міровой конъюнктурой, Америка накануне того, чтобы сдѣлаться самой богатой страной свѣта. Въ мѣсячномъ обзорѣніи одного изъ Нью-Йоркскихъ банковъ говорилось въ іюль 1915 г., что war business Соединенныхъ Штатовъ превзошло за одинъ годъ войны всѣ прежніе ея доходы. „America“ продолжаетъ сказанный отчетъ, „is the only country in the world whose bank position has grown steadily stronger. Gold is flowing to us from every quarter of the globe, the imports of the last six months breaking all records in our financial history. The situation is absolutely unprecedented and merits the careful study of every thoughtful American.“ *) Я хотѣлъ бы добавить и всякаго мыслящаго европейца. Рѣдко или пожалуй никогда не слыхано было еще подобное восторженное самохвальство, каковымъ является сдѣланное въ 1915 г. американскимъ Министромъ Финансовъ, съ снисходительнымъ сожалѣніемъ по адресу „разоряемой и обнищавшей Европы“, заявленіе о небываломъ экономическомъ подъемѣ Америки. Однако, не смотря на все это, надо надѣяться, въ обоюдныхъ интересахъ, на восстановленіе въ будущемъ нормальныхъ торгово-политическихъ отношеній между Германіей и Америкой. Это достижимо, если политика обѣихъ

*) „Америка единственная страна въ свѣтѣ, финансовое положеніе которой продолжало все болѣе улучшаться. Золото течетъ къ намъ изъ всѣхъ частей земного шара и поступленія его за послѣдніе шесть мѣсяцевъ являются небывалыми въ исторіи нашихъ финансовъ; положеніе дѣйствительно безпримѣрное и заслуживаетъ внимательнаго изученія со стороны всякаго мыслящаго американца.“

странъ будетъ направляться спокойной и твердой рукой и если будутъ избѣгать излишнихъ завѣреній дружбы и безрезультатной уступчивости, а равно нерѣшительности и нервности при могущихъ возникнуть треніяхъ. *) Наиболѣе благодатное вліяніе окажетъ также на дальнѣйшее развитіе отношеній Германіи и Соединенныхъ Штатовъ уваженіе взаимныхъ интересовъ на основаніи и въ границахъ соблюденія собственнаго достоинства.

Германія и Японія.

Какъ съ Америкой, такъ и съ Японіей Германіи пришлось пережить въ концѣ XIX вѣка періодъ извѣстнаго раздраженія взаимныхъ отношеній. До начала девяностыхъ годовъ Германія служила для Японіи примѣромъ для ея реформъ и слыха ея другомъ. Отношенія эти были поколеблены, когда Германія присоединилась въ 1895 году къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ Россіи и Франціи и помѣшала Японіи использовать плоды Симоносекскаго мира. Заставивъ Японію умѣрить свои требованія по отношенію къ побѣжденному Китаю, Германія утратила симпатіи Японіи, но не приобрѣла благодарности ни Россіи, ни Франціи. Съ своей стороны, извѣстный рисунокъ императора Вильгельма съ девизомъ „Völker Europas wahret Eure heiligsten Güter“ былъ истолкованъ въ недоброжелательномъ смыслѣ по отношенію Японіи и усилилъ недовѣріе японцевъ къ Германіи. Стремленія германскаго правительства были направлены вновь къ установленію

*) Прим. переводч.: Въ первоначальномъ очеркѣ эта мысль выражена съ нѣсколькими инымъ оттенкомъ: „Избѣгая излишнихъ завѣреній дружбы и не раздувая могущихъ всегда возникнуть треній въ области торгово-экономическихъ вопросовъ, Германіи нечего опасаться за устойчивость своихъ отношеній къ Америкѣ, доколѣ политика обѣихъ странъ будетъ направляться спокойной рукой.“

лучшихъ отношеній къ Японіи. Не желая нажить себѣ врага въ лицѣ Японіи, Германіи вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось лавировать, чтобы не быть выдвинутой Англіею противъ Россіи. Въ концѣ 80-хъ годовъ Бисмаркъ сказалъ мнѣ, намекая на Россію и Дальній Востокъ: „Въ русской бочкѣ происходитъ сильное броженіе и это можетъ привести къ взрыву. Лучше всего было бы для всеобщаго мира, если бы этотъ взрывъ произошелъ не въ Европѣ, а въ Азіи. Но тогда мы должны остерегаться, чтобы не стоять какъ разъ передъ бочечной дырой, дабы затычка не вылетѣла прямо намъ въ животъ.“ Если до начала русско-японской войны Германія дала бы себя выдвинуть противъ Россіи, то она оказалась бы именно передъ „бочечной дырой“. Однажды Бисмаркъ замѣтилъ также: „Если Н. Н. предлагаетъ вамъ что-нибудь, что для него выгодно, а для васъ вредно, то это съ его стороны не глупо. Но было бы глупо, еслибы вы на это согласились.“

Міровая война, въ которой Европа бѣднѣетъ, представляетъ для Японіи благоприятную конъюнктуру не только потому, что она подобно Америкѣ, хотя и не въ одинаковой степени, наживается на военныхъ заказахъ, но и въ виду того, что Японія получаетъ свободу дѣйствій въ Азіи и одновременно цѣнность ея дружбы увеличивается для Россіи и Англіи. Японія завладѣла одной изъ лучшихъ нашихъ колоній. Съ захватомъ, Тчингъ-Тау японскій народъ утратилъ симпатіи, которыя мы давно питали къ нему, и то будетъ дѣломъ Японіи вернуть себѣ довѣріе Германской Имперіи.

Колоніальная и міровая политика.

Переходъ къ міровой политикѣ означалъ для Германіи открытіе новыхъ политическихъ путей, но отнюдь

не отступленіе отъ старыхъ путей или измѣненіе прежнихъ ея задачъ. Міровая политика должна была явиться расширеніемъ, но не перемѣщеніемъ поля ея политической дѣятельности. Нѣмецкая міровая политика зиждется на успѣхахъ европейской политики Германіи. Допустимо, что неудача въ міровой политикѣ могла бы не затронуть положенія Германіи въ Европѣ, но немислимо, чтобы причиненный ей существенный ущербъ въ Европѣ не пошатнулъ бы ея міровой политики. Только на фундаментѣ европейской политики она можетъ вести міровую политику, Сохраненіе самой позиции на материкѣ составляетъ нынѣ, какъ и во времена Бисмарка, начало и конецъ нашей національной политики. Это относится также къ гарантіямъ, которыя должны дать намъ будущій миръ. Безъ достаточнаго закрѣпленія нашего положенія въ Европѣ никакія колониальныя приобрѣтенія не могли-бы принести намъ пользу. Вступивъ въ область міровой политики въ преслѣдованіи своихъ національныхъ задачъ, Германія, хотя и вышла за предѣлы, предначертанные ей Бисмаркомъ, но непременно должна блюсти принципы ея европейской политики, чтобы не потерять твердой почвы подъ ногами. Отказъ же отъ міровой политики поведетъ бы за собою для Германіи постепенный упадокъ ея жизненныхъ національныхъ силъ. Политическіе успѣхи достигаются почти тѣмъ же путемъ, какъ и коммерческіе, а именно: лавированіемъ между боязливой осторожностью и чрезмѣрной спекуляціей.

„Основой здравой и разумной міровой политики должно служить сильное народное хозяйство внутри страны“. Я сказалъ это въ 1901 г., когда депутатъ рейхстага, Рихтеръ, хотѣлъ доказать существующее, будто-бы, противорѣчіе между политикой новаго таможенного тарифа, преслѣдующей цѣль защиты народнаго труда преимущественно въ сельскомъ хозяйствѣ, и міровой

политикой, руководствующей интересами торговли. Подобнаго же противорѣчія фактически не существуетъ, ибо нѣмецкое міровое хозяйство развилось изъ достигшей полного расцвѣта національной экономической жизни. Соотношеніе между политикой и народнымъ хозяйствомъ въ настоящее время несравненно болѣе тѣсное, чѣмъ прежде. Какъ на внутренней, такъ и на внѣшней политикѣ отражаются колебанія экономической жизни, и почти всѣ важныя экономическіе интересы облекаются въ политическія формы. Міровая торговля со всѣми связанными съ ней жизненными интересами, привела насъ къ міровой политикѣ. Съ другой стороны, народное хозяйство внутри страны требуетъ соотвѣтственнаго направленія внутренней политики. Между этими полюсами должно быть найдено необходимое согласованіе.

Семь лѣтъ спустя послѣ преній по вопросу о таможенномъ тарифѣ, обнаружили въ 1908 году, во время боснійскаго кризиса, результаты достигнутаго согласованія внутренне-экономической и міровой политики Германіи. Это событіе наиболѣе наглядно доказало соотношеніе нашихъ за-океанскихъ и европейскихъ интересовъ. До боснійскаго кризиса въ германской политикѣ преобладали соображенія о развитіи міровыхъ интересовъ, не въ томъ смыслѣ, чтобы Германія подчиняла свои внѣшнія отношенія за-океанскимъ интересамъ, а въ виду того, что недоброжелательное отношеніе Англіи къ развитію германской морской торговли и усиленію флота вліяло на группировку державъ и ихъ отношеніе къ Германіи. Съ началомъ сооруженія германскаго флота англійское общественное мнѣніе стало поддаваться неосновательному и даже паническому страху возможнаго нападенія со стороны Германіи, и это настроеніе систематически поддерживалось и распространялось извѣстной частью вліятельной англійской печати.

Во время моего нахожденія у дѣлъ я былъ убѣжденъ, что между Германіей и Англіей не произойдетъ столкновенія, если 1) мы будемъ обладать флотомъ, на который не рѣшится напасть ни одинъ противникъ безъ громаднѣйшаго риска, 2) не будемъ вдаваться въ излишнее и безцѣльное вооруженіе, такъ сказать не перетапливать нашихъ морскихъ котловъ, 3) если мы не позволимъ Англіи оскорблять нашего достоинства, 4) но и не допустимъ, чтобы могло произойти что-либо непоправимое между нами и Англіей. Поэтому я всегда серьезно отражалъ задѣвавшіе наше національное чувство нападки, откуда они бы ни исходили, какъ напр. оскорбительную выходку Чэмберлена въ 1902 г., но за то я воздержался отъ вмѣшательства въ бурскую войну, ибо такой шагъ съ нашей стороны нанесъ бы англійскому самолюбію непоправимый ударъ. Наконецъ, 5) если мы, оставаясь спокойными и хладнокровными, не будемъ задѣвать Англіи, а равно и заискивать передъ ней.

Англійская политика „окруженія“.

Въ началѣ текущаго вѣка сказалось въ англійской политикѣ вліяніе короля Эдуарда VII, монарха, обладавшаго рѣдкимъ знаніемъ людей и умѣніемъ обращаться съ ними. Англійская политика была не непосредственно направлена противъ нѣмецкихъ интересовъ, а скорѣе стремилась постепенно обезсилить Германію перетасовкою существующаго европейскаго равновѣсія. Она старалась привлечь къ себѣ нѣкоторыя европейскія державы путемъ соглашеній, поступаясь даже при этомъ немаловажными британскими интересами, и все лишь въ виду обособленія Германіи. То была эпоха такъ называемой „политики окруженія.“ Съ Испанією Англія вошла въ соглашеніе касательно Средиземнаго

моря. Франція пошла навстрѣчу Англіи, а заключеніемъ въ 1904 году англо-французскаго договора касательно Египта и Марокко было изглажено воспоминаніе о Фашодѣ. Послѣ японской войны Россія сговорилась съ Англіей о раздѣленіи сферъ вліянія въ Средней Азии и сблизилась, такимъ образомъ, съ нею. Попытки сблизиться съ Австро—Венгріей, сдѣланныя во время свиданія монарховъ въ Ишлѣ, не увѣнчались успѣхомъ. На алжезирасской конференціи положеніе Германіи было довольно затруднительное. Симптомы „политики окруженія“ были налицо, хотя тѣмъ не менѣе фактъ собранія конференціи свидѣтельствовалъ о томъ, что Германія достигла своей цѣли направленіемъ марокккаго вопроса въ русло международнаго его обсуждения. Оставалось выяснить, какое вліяніе можетъ проявить система новыхъ соглашеній въ области чисто-европейской политики.

Боснійскій кризисъ.

Окончательное включеніе занятыхъ Австріей, согласно постановленіямъ берлинскаго конгресса 1878 г., провинцій Босніи и Герцеговины въ составъ двуединой монархіи вызвало серьезный европейскій кризисъ. Россія противилась подобному шагу Австріи. Въ расчетѣ на возможный военный конфликтъ между обѣими державами, Сербія стала вооружаться противъ Австріи. Англія приняла сторону Россіи, и тонъ англійской печати былъ почти болѣе рѣзкимъ, чѣмъ отголоски русской прессы. При этомъ англійская политика казалась менѣе направленной противъ Австріи, чѣмъ противъ союзной съ нею Германіи. Въ первый разъ германо-австрійскій союзъ былъ поставленъ передъ тяжелымъ испытаніемъ. Въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ, а равно въ инструкціяхъ данныхъ мною нашимъ дипло-

матическимъ представителямъ за границей, *) я подчеркнул тогда, что во всякомъ случаѣ Германія не отступится отъ союза съ Австріей. Германскій мечъ былъ брошенъ на вѣсы европейскихъ рѣшеній, какъ для защиты австро-венгерскаго союзника, такъ и въ видахъ сохраненія мира и мірового положенія Германіи. Насталъ часъ, чтобы доказать, дѣйствительно-ли Германія ослаблена „политикою окруженія“ и сочтутъ-ли державы, втянутыя въ кругъ анти-нѣмецкой политики, совместимымъ со своими европейскими жизненными интересами выступить противъ Германіи и ея союзниковъ. Исходъ боснійскаго кризиса былъ фактическимъ концомъ „политики окруженія“. Ни одна держава не пожелала подчинить свои собственные европейскіе интересы чужимъ міровымъ интересамъ и рисковать своей шкурой. Преувеличенное по своему значенію положеніе создавшееся въ Алжезирасѣ разбилось о реальные вопросы континентальной политики. Италія осталась на сторонѣ своихъ союзниковъ, Франція держалась выжидательно, а Императоръ Николай II рѣшился на примирительное улаженіе возникшихъ затрудненій. Такимъ образомъ искусное окруженіе и изоляція Германіи, пугавшія нѣкоторое время боязливыхъ людей, оказались пустымъ дипломатическимъ призракомъ. Бельгійскій посланникъ въ Берлинѣ, Баронъ Грэнделъ подвелъ итогъ этой дипломатической кампаніи, обезпечившей намъ существенный успѣхъ, а Европѣ сохраненіе мира, въ своемъ донесеніи отъ 1 апрѣля 1909 г., слѣдующими словами: „Выработанный г. Извольскимъ и Сэрромъ Эдвардомъ Греемъ проектъ конференціи, переговоры относительно коллективнаго представленія въ Вѣнѣ, равно какъ и весь обмѣнъ мнѣній между Лон-

*) Прим. переводч.: Указаніе на инструкціи германскимъ представителямъ за границей въ первоначальномъ очеркѣ не содержится.

дономъ, Петербургомъ и Парижемъ имѣли цѣлью принудить Австро—Венгрію къ полюбовному соглашенію, которое явилось бы чуть ли не уничтоженіемъ ея достоинства. Это нанесло бы престижу Германіи настолько же чувствительный ударъ, какъ и Австро—Венгріи, и пошатнуло бы довѣріе, которое питають въ Вѣнѣ къ союзу съ Германіей. Всѣ эти козни были уничтожены недвусмысленнымъ и рѣшительнымъ поведеніемъ Германіи, котораго она никогда не измѣняла несмотря на всякія внушенія. Германія одна спасла миръ. Участники организованной Королемъ Эдуардомъ новой группировки державъ помѣрились силами съ союзомъ государствъ центральной Европы и оказались не въ состояніи нарушить его. „Касательно впечатлѣнія произведеннаго въ Петербургѣ нашимъ успѣхомъ Баронъ Грэндель писалъ, что тамъ сознають, что [тройственное согласіе не представляетъ Россіи достаточной опоры, чтобы она могла обойтись безъ сохраненія хотя бы только нормальныхъ отношеній къ Германіи. При первомъ опытѣ испытанія созданной Эдуардомъ VII коалиціи, Россія могла будто, по словамъ Барона Грэнделя, убѣдиться воочию въ ея несостоятельности. Бельгійскій Повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ сообщилъ одновременно, что во Франціи испаряется постепенно восторженный энтузіазмъ, съ которымъ однажды былъ встрѣченъ тамъ союзъ съ Россіей. Основная ошибка политики изоляціи заключалась въ томъ, что въ ея политическихъ рѣшеніяхъ не былъ полностью учтенъ вѣсъ великодержавнаго положенія германской имперіи въ Европѣ. Разумѣется, если бы удалось пошатнуть положеніе Германіи въ Европѣ, то этимъ былъ—бы нанесенъ смертельный ударъ и ея міровой политикѣ. Въ этомъ отношеніи расчеты политики окруженія были правильны. Однако было не легко сбить насъ на материкѣ. Тройственный Союзъ былъ силой, противъ кото-

рой ни одна держава не давала себя двинуть изъ за второстепенныхъ интересовъ даже подъ вліяніемъ самой ловкой дипломатіи и съ которой можно было рискнуть вступить въ бой только для защиты важнѣйшихъ жизненныхъ интересовъ. Съ другой стороны, континентальныя государства были связаны между собой многочисленными интересами, которые не имѣли ничего общаго съ англо—германскимъ соревнованіемъ на морѣ и въ міровой торговлѣ. Только съ Англіей Германія вела счеты въ области міровой политики, для другихъ же европейскихъ державъ ихъ отношенія къ Германіи опредѣлялись соображеніями континентальной политики.

Основываясь на своемъ значеніи континентальной державы, Германія была въ силахъ порвать съѣтъ „политики окруженія.“ Затѣмъ настала эпоха болѣе спокойнаго обмѣна мыслей, ознаменовавшаяся въ 1909 году посѣщеніемъ Королемъ Эдуардомъ VII Берлина. Въ англо—германскихъ отношеніяхъ не разъ возникали съ тѣхъ поръ новые рецидивы вражды, какъ напр. въ 1911 году. Попытка возвести англо—германское соперничество въ систему международной политики не была возобновлена до 1914 года.

Исключительно на континентальной политикѣ Германіи былъ основанъ союзъ трехъ Великихъ Державъ Средней Европы. Въ исторіи Европы рѣдко или почти никогда не бывало такого сильнаго союза, какимъ являлся тройственный союзъ.

Тройственный Союзъ.

Въ 1879 году Бисмаркъ заключилъ союзъ съ Австро—Венгріей. Въ 1883 году приступила къ нему Италія, и въ теченіе болѣе 30 лѣтъ союзъ этотъ правильно возобновлялся, причемъ, относительно его стойкости

не сбывались ни надежды его ненавистниковъ, ни опасенія доброжелателей. Главной причиной его стойкости были такъ сказать, консервативныя его тенденціи. Не завоевательныя намѣренія и не честолюбивыя замыслы породили этотъ союзъ: онъ возникъ изъ твердой воли трехъ средне—европейскихъ державъ сохранить существующій порядокъ вещей, нарушенію коего онѣ готовы были противиться совмѣстными усиліями. Охранить же существующее—значить въ международной политикѣ желать мира. Творцы тройственного союза преслѣдовали цѣль гарантіи мира, и въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ союзъ этотъ не разъ предупреждалъ нарождавшіеся вооруженные конфликты.

Если—бы меня спросили, какая изъ великихъ задачъ, рѣшенныхъ новымъ Геркулесомъ—Княземъ Бисмаркомъ—въ цѣляхъ обезпеченія германскому народу подобающаго ему положенія въ мірѣ, заслуживаетъ наибольшаго удивленія съ точки зрѣнія техники внѣшней политики, то я, не задумываясь отвѣтилъ бы: мудрость и энергія, съ которыми Бисмаркъ сумѣлъ, не смотря на всѣ препятствія, взяться за возстановленіе связи съ Австріею съ того момента, когда было рѣшено урегулировать германскій вопросъ въ прусскомъ смыслѣ и въ пользу гогенцоллернской династіи. Когда разстилался еще пороховой дымъ надъ полемъ сраженія Кенигсгреца, передъ его геніальнымъ взоромъ рисовалась уже на горизонтѣ возможность надежнаго сочетанія на здравыхъ началахъ объединенной Пруссіею Германіи и возрожденной въ новой силѣ самостоятельной австро-венгерской монархіи. Невмѣстательство во внутрення дѣла двуединой монархіи, было, для него правиломъ отъ котораго онъ никогда не отступалъ. Знаменитое изреченіе Бисмарка, что когда австрійскій императоръ сядетъ на коня, то всѣ его народы послѣдуютъ за нимъ противъ внѣшняго врага, подтвердилось событіями мно-

го лѣтъ спустя, послѣ того какъ оно было имъ произнесено. Еще нынѣ остается въ силѣ то что онъ сказалъ нѣмцамъ въ Австріи: „Служите же вѣрно своему императору, ибо такимъ образомъ вы лучше всего будете служить германской имперіи.“ Онъ былъ также правъ, подчеркивая важное значеніе мадьярскаго элемента, какъ для будущности австро-венгерской монархіи, такъ и для нашего союза съ ней. Когда будучи назначенъ въ 1886 г. Повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ я посѣтилъ Кн. Бисмарка въ Варцинѣ, онъ коснулся въ оставшейся мнѣ на всегда памятной бесѣдѣ народностей балканскаго полуострова. „Большей частью они насъ ненавидятъ“, сказалъ князь, „но это ничего не значитъ, такъ какъ Господь Богъ въ своей премудрости устроить такъ, что они еще болѣе не терпятъ другъ друга.“ Затѣмъ, переходя къ Венгріи, онъ замѣтилъ: Венгерцы удалые, у нихъ много темперамента и при этомъ умныя головы. Что нибудь да значить сохранить свою самобытность какъ они это сумѣли въ теченіе столѣтій и вопреки всякимъ препятствіямъ. Въ сравненіи со славянами у нихъ то преимущество, что ихъ не притягиваетъ къ себѣ какой либо внѣшній магнитъ. Если есть венгерцы, которые бранятъ „швабовъ“ то это не бѣда, такъ какъ нѣмцы и венгерцы настолько связаны общими интересами, что всякій европейскій кризисъ долженъ ихъ сплотить воедино и лишь полное безразсудство могло бы ихъ на долго разъединить.“

Отношеніе Италіи къ тройственному союзу подвергалось за время тридцатилѣтняго его существованія различнымъ колебаніямъ, которыя имѣли свою причину, какъ во внутреннихъ политическихъ теченіяхъ Италіи, такъ и въ особомъ развитіи нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся бассейна Средиземнаго моря. Тѣмъ не менѣе противникамъ союза не удалось отторгнуть отъ него Италію до настоящей войны.

Отношенія Италіи къ Австріи естественнымъ образомъ были болѣе сложны, чѣмъ ея отношенія къ Германіи. Воспоминанія о полувѣковой борьбѣ итальянцевъ противъ австрійскаго владычества никогда не были сглажены. Памятники и различныя надписи, обширная литература и разжигаемая Франціею шовинистская агитація поддерживали ихъ. Обстоятельство, что почти одинъ милліонъ итальянцевъ входитъ въ составъ населенія габсбургской монархіи, вліяло неблагоприятно на взаимныя отношенія обѣихъ странъ. Бывшій итальянскій посолъ, Графъ Нигра однажды вѣрно замѣтилъ, что Австрія и Италія могутъ быть только либо союзниками либо врагами. Въ интересахъ же обѣихъ странъ было оставаться союзниками, въ особенности же въ интересахъ Италіи. Что касается Франціи, то италофильская политика Наполеона III-го считалась многими разумными французами крупною ошибкой. Франція, не перестававшая никогда стремиться къ господству въ Средиземномъ морѣ и ощущая до сихъ поръ неудобство итальянской конкуренціи, является для Италіи болѣе опаснымъ соперникомъ, чѣмъ Австрія. Хотя австрійскіе чиновники въ Триестѣ и Триентѣ не всегда отличались умѣніемъ управлять, но тамъ все-таки сохранилась нетронутой итальянская народность, между тѣмъ какъ на адриатическомъ побережьи итальянскій элементъ былъ большею частью вытѣсненъ сербами и кроатами. Симпатіи къ Англіи, давшей въ свое время пріютъ вожакамъ итальянскаго національнаго движенія, весьма распространены въ Италіи. Тѣмъ не менѣе было весьма близоруко не замѣчать, что Англія всегда умѣла загребать жаръ чужими руками въ цѣляхъ своей политики, не принося почти никогда жертвъ для другихъ. Эгоизмъ, съ которымъ Англія затрудняетъ получение Италіей необходимыхъ ей жизненныхъ припасовъ, угля и хлопка, жестоко испытываетъ терпѣніе итальянцевъ. У Италіи

же и Германіи не было никакихъ поводовъ къ національному соревнованію, тѣмъ болѣе, что воспоминаніе о борьбѣ въ Тейтобургскомъ лѣсу и о сраженіи при Леньяно принадлежитъ далекому прошлому. Между тѣмъ онѣ имѣли много общаго въ своемъ историческомъ развитіи и имъ угрожали одинаковыя опасности, благодаря чему онѣ невольны должны были сходиться въ своихъ интересахъ. Поэтому потребовалось не менѣе девяти мѣсяцевъ неустанной подпольной работы съ французской и англійской стороны, чтобы разрушить эту естественную и исторически сложившуюся на основахъ реальной политики общность интересовъ.

Что касается оцѣнки взаимныхъ отношеній, то въ Италіи разсматривали ихъ болѣе съ практической точки зрѣнія, между тѣмъ какъ въ Германіи были склонны судить о нихъ съ извѣстнымъ пристрастіемъ, либо отрицательно, либо слишкомъ восторженно. Италія не желала отказываться отъ союза, ни въ Алжезирахъ, ни во время триполійской экспедиціи, ни раньше при свиданіи въ Раконидже*). Въ Алжезирахъ итальянскіе представители голосовали лишь въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросахъ совмѣстно съ западными державами противъ Германіи. Означенныя разногласія ловко раздувались французскою печатью и выставлялись какъ несомнѣнные признаки отклоненія Италіи отъ Тройственнаго Союза въ сторону Франціи. Въ другихъ же, болѣе важныхъ, вопросахъ Италія поддерживала точку зрѣнія Германіи и содѣйствовала осуществленію ея требованій.

*) Прим. переводч. Въ первоначальномъ очеркѣ помѣщена слѣдующая, нынѣ упущенная фраза: „Относительно поведенія Италіи на Алжезиасской конференціи создавалась цѣлая легенда. Говорили, что Италія покинула будто бы Германію на этой конференціи и играла двойную игру. Подобное мнѣніе породило даже одно время въ нѣмецкомъ обществѣ вполне неосновательное недоверіе къ союзнической дѣятельности Италіи.“

Германскій посолъ въ Мадридѣ, фонъ-Радовицъ, всегда признавалъ это и говорилъ въ послѣдствіи, что, хотя итальянскіе делегаты и были склонны, какъ бы, прикрасить немного для вида на конференціи франко-итальянскія отношенія, они тѣмъ не менѣе оказали существенныя услуги Германіи. Противоположное толкованіе является настолько же мало основательнымъ, какъ и весьма распространенное въ Россіи мнѣніе, будто князь Бисмаркъ обманулъ и предалъ Россію на Берлинскомъ конгрессѣ*). У Италіи существовали собственные интересы, лежавшіе внѣ рамокъ Тройственного Союза; Германія и Австрія также ихъ имѣли, и самому кн. Бисмарку приходилось иногда даже довольно рѣзко подчеркивать это. Тройственный Союзъ не просуществовалъ бы такъ долго, если бы онъ связывалъ участниковъ во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ и на всѣхъ ихъ политическихъ путяхъ. Въ этомъ отношеніи Тройственный Союзъ имѣлъ нѣчто общее со строемъ Германской имперіи. Подобно тому, какъ ручательствомъ прочности имперіи является то обстоятельство, что, при полной солидарности во всѣхъ главныхъ національно-политическихъ вопросахъ отдѣльныя германскія государства сохраняютъ свою самостоятельность и самобытность въ болѣе тѣсномъ кругу осуществленія своихъ собственныхъ задачъ, такъ и Тройственный Союзъ, объединяя три державы средней Европы въ извѣстныхъ цѣляхъ континентальной политики, предоставлялъ своимъ членамъ свободу въ преслѣдованіи ихъ особыхъ національныхъ интересовъ. Такимъ образомъ Тройственный Союзъ прожилъ свой вѣкъ, служа болѣе интере-

*) Прим. переводч.: Въ новой редакціи упущена также слѣдующая фраза: „Равнымъ образомъ невѣрно была сперва понята въ извѣстной части германской прессы экспедиція въ Ливію, давшая Италіи возможность выказать подъѣмъ патріотическаго духа и нравственную силу народнаго единенія.“

самъ Италіи, чѣмъ интересамъ центральныхъ государствъ. Опираясь на него, Италія могла вступить на путь колониальной политики и рассчитывать на поддержку своихъ союзниковъ для закрѣпленія достигнутыхъ ею успѣховъ.

Нѣкоторые же нѣмецкіе политики спрашивали себя, въ состояніи ли Италія во всѣхъ международныхъ осложненіяхъ идти рука объ руку съ Германіей и Австріей. Если подобныя сомнѣнія и были обоснованы*)—то этимъ еще не было доказано, что принадлежность Италіи къ Тройственному Союзу лишена была всякой цѣны. Если Италія не могла, при всѣхъ политическихъ осложненіяхъ, дойти съ Германіей и Австріей до крайнихъ предѣловъ, а Германія и Австрія, съ своей стороны, не могли того сдѣлать по отношенію къ Италіи, то все-таки существовавшій между ними союзъ долго служилъ препятствіемъ для каждой изъ трехъ державъ стать на сторону противника другой. Это обстоятельство имѣло въ виду кн. Бисмаркъ, сказавъ однажды, что для него достаточно, чтобы одинъ итальянскій капралъ съ итальянскимъ флагомъ и барабанщикомъ сталъ фронтомъ къ западу, т. е. противъ Франціи, а не къ востоку, противъ Австріи. Все дальнѣйшее зависѣло отъ того, какимъ образомъ возникнетъ вопросъ европейскаго конфликта. Конечное значеніе союзовъ можетъ быть только доказано крайнимъ испытаніемъ.

Поворотъ Италіи отъ Тройственного Союза въ сторону нашихъ враговъ, который совершился вопреки традиціямъ и духу политики Кавура и Криспи, окажется, насколько можно предвидѣть, крупной

*) Прим. переводч.: Въ первоначальномъ очеркѣ здѣсь вставлена фраза: „о чемъ не можетъ быть однако рѣчи при лояльности руководящихъ государственныхъ дѣятелей Италіи и политической зрѣлости итальянскаго народа.“

ошибкой. Я не хочу касаться вопроса, возможно ли было вообще и какими средствами предотвратить въ началѣ войны отпаденіе Италіи отъ Тройственного Союза. Избѣжаніе разрыва между Италіей и Австріей болѣе всего отвѣчало-бы итальянскимъ интересамъ. Найдеть ли Италія у своихъ новыхъ союзниковъ то, что могли бы дать ей ея старые друзья? Важнѣйшіе интересы Италіи, которые лежатъ въ бассейнѣ Средиземнаго моря, встрѣчали всегда со стороны Англіи полное равнодушіе, со стороны Франціи зависть, а со стороны Россіи, стремящейся къ проливамъ, скрытое нерасположеніе, главнымъ образомъ въ виду сербскихъ притязаній на адриатическое побережье. Измѣнится ли что нибудь теперь? Не лучше ли было-бы для Италіи воздержаться отъ вмѣшательства въ войну, которая обходится ей въ сотни тысячъ людей и милліарды денегъ, безъ того чтобы она до сихъ поръ приобрѣла хоть часть того, что она могла получить полюбовнымъ соглашеніемъ съ Австріей? Мы-же должны были желать, чтобы Австрія могла располагать на русскомъ фронтѣ тѣми всетаки же довольно значительными силами, которыя ей пришлось направить противъ Италіи. Италія объявила войну Австріи лишь послѣ австро-германскаго прорыва на Дунайцѣ, т. е. въ моментъ улучшенія военнаго положенія центральныхъ державъ.

Т у р ц і я.

Германія стала удѣлять особенное вниманіе отношеніямъ своимъ къ Турціи и Исламу со времени путешествія императора и императрицы германскихъ на Востокъ. Это отношенія не сантиментальнаго характера, но Германія имѣла значительный экономическій, военный и политическій интересъ въ сохраненіи Оттоманской имперіи. Что касается моей политики по отно-

шенію къ Турціи, то я стремился создать изъ внутренне хорошо организованной и независимой Турціи опору для Германіи на Востокъ. Поэтому я старался, по возможности, ограждать Турцію, былъ посредникомъ между ней и Балканскими Государствами, предупреждалъ общее наступленіе послѣднихъ на Оттоманскую Имперію, предостерегалъ Порту отъ необдуманныхъ дѣйствій въ Албаніи и Аравіи и не усматривалъ никакой причины не быть съ младотурками въ одинаково хорошихъ отношеніяхъ, какъ съ Султаномъ Абдуль-Гамидомъ. Уже нѣмецкіе экономисты Ротбертусъ и Фридрихъ Листъ указывали на Турцію, какъ на весьма плодородное поле для экономической эксплуатаціи. На случай же нежелательной, но возможной европейской войны, Турція могла бы представить существенныя выгоды Германіи. Кроме этого Турція является для Германіи цѣннымъ военнымъ факторомъ, какъ то доказала настоящая война.

Благодаря своей лояльной и разумной политикѣ, заставившей Турцію съ самаго начала войны стать на нашу сторону, равно какъ и сопротивленіемъ, оказаннымъ ею натиску тройственного согласія, она доказала, что „больной человѣкъ“, какъ назвалъ ее Императоръ Николай I, стоитъ еще 60 лѣтъ послѣ крымской кампаніи на здоровыхъ ногахъ.

Если въ теченіе долгихъ лѣтъ Турція представляла собой важное и полезное звено въ цѣпи политическихъ связей Германіи, то наши отношенія къ ней приобретутъ для насъ еще большее значеніе послѣ войны, ибо Турціи предстоитъ быть посредницей между Западомъ и Востокомъ. Что же касается нашихъ сношеній съ Балканскими государствами, то я считалъ всегда цѣлесообразнымъ заботиться о нихъ постольку, поскольку это было осуществимо безъ нарушенія интересовъ Турціи... Будущность Румыніи будетъ зависеть отъ сохраненія ею довѣрчивыхъ отношеній къ ея вен-

герскому сосѣду. Венгерцамъ и Румынамъ, не принадлежащимъ къ славянской семьѣ, угрожаетъ одинъ общій врагъ—панславизмъ, который опасенъ также Болгаріи. Современные Греки являются немаловажнымъ факторомъ въ Средиземномъ морѣ. Однажды Сербы, которые привлекли на себя вниманіе Гете и Ранке, искали образованія въ Германіи и до настоящей войны они старались развить свои торговые сношенія съ нами. Но къ своей бѣдѣ они дали увлечь себя панславизмомъ.

Р о с с і я.

Хорошія отношенія къ Россіи Германская Имперія унаслѣдовала отъ Пруссіи. За исключеніемъ личной ненависти Императрицы Елисаветы Петровны къ Фридриху Великому и мимоходныхъ военныхъ схватокъ между русскими и пруссаками въ 1812 году, Россія и Пруссія не находили другъ друга на сторонѣ своихъ противниковъ. Замысловатый раздѣлъ Польши давалъ лишь поводъ къ мимолетнымъ недоразумѣніямъ. Напротивъ того, въ польскомъ вопросѣ сказалась взаимность интересовъ обѣихъ странъ, и на этой почвѣ онѣ всегда могли сойтись. Въ первой половинѣ XIX вѣка интимность отношеній между русскимъ и прусскимъ дворами отражалась даже на политикѣ обоихъ государствъ. Во времена Крымской компаніи дружественное отношеніе Пруссіи облегчало положеніе Россіи, и въ теченіе франко-прусской войны Императоръ Александръ II оплатилъ Пруссіи тѣмъ же. Когда по заключеніи Франкфуртскаго мира, состоялась въ сентябрѣ 1872 года встрѣча русскаго и австрійскаго монарховъ съ маститымъ вождемъ возсоединенной Германіи, Кн. Бисмаркъ создалъ новую базу европейской политики. Соединенная мощь восточныхъ державъ парализовала

надежду реванша французовъ и являлась первостепенной гарантіей мира. Бисмаркъ полагалъ также, что согласованіе Россіи съ консервативнымъ направлениемъ германской и австрійской политики возымѣетъ умиротворящее вліяніе на обнаружившіяся панславистскія теченія. По выраженію Бисмарка, „буйный“ русскій слонъ долженъ былъ идти между смиренными слонами Германіей и Австріей“.

Берлинскій конгрессъ 1878 года внесъ разладъ въ существовавшее до тѣхъ поръ согласіе между восточными европейскими державами. Россія, которая не рѣшилась занять Константинополь, должна была примириться съ нѣкоторыми немаловажными измѣненіями Санъ-Стефанскаго договора. Въ сущности, измѣненія эти обусловливались извѣстными секретными соглашениями, заключенными С.-Петербургскимъ кабинетомъ еще до турецкой войны съ Австріей и, послѣ перемирія, съ Англіей. Русская же печать, вліяніе коей на общественное мнѣніе значительно возросло, взвалила всю отвѣтственность за мало удовлетворительные результаты конгресса на Кн. Бисмарка. Князь Горчаковъ, охладѣвшій постепенно къ Бисмарку, не препятствовалъ выходкамъ русской прессы и преслѣдовалъ мысль франко-русскаго сближенія. Чувства нерасположенія къ Германіи все болѣе распространялось въ русскомъ обществѣ, и казалось, что самъ Императоръ Александръ II поддавался этому настроенію. Тогда Кн. Бисмаркъ заключилъ въ 1879 году союзъ съ Австріей, ставшій базой Тройственнаго Союза. Извѣстный корреспондентъ „Times“, Бловицъ, замѣтилъ въ то время въ разговорѣ со мною, что это былъ, пожалуй, самый удачный дипломатическій ходъ Бисмарка. Между тѣмъ Бисмаркъ старался возстановить прежнія хорошія отношенія съ Россіей. Въ особенности въ царствованіе Императора Александра III Бисмаркъ считался съ личностью Рус-

скаго монарха, мотивируя свою политику относительно Россіи тѣмъ, что Пруссія, не смотря на давнишнее нерасположеніе широкихъ круговъ русскаго общества къ Германіи, „дѣлала хорошія дѣла съ Александромъ I, Николаемъ I и Александромъ II.“ До войны существовали въ Россіи вліятельные германофильскіе факторы. Война разумѣется положила сему конецъ. Съ нѣкоторыхъ сторонъ упрекали Бисмарка въ томъ, будто онъ не всегда достаточно отстаивалъ по отношенію къ Россіи самостоятельность германской политики и наше національное достоинство. Но все это несправедливыя нареканія, не выдерживающія серіозной критики. Въ дѣйствительности же Бисмаркъ держался того мнѣнія, что для Германіи важно сохранить спокойныя и надежныя отношенія къ своему восточному сосѣду. Онъ не далъ даже смутить себя военными приготавленіями, которыя были предприняты Россіей въ 80-хъ годахъ на нашей восточной границѣ. Онъ неоднократно также указывалъ на то, что онъ не желаетъ рядомъ съ жаждой мести французовъ возбудить еще чувства реванша русскихъ. Съ другой стороны Князь Бисмаркъ избѣгалъ портить отношенія къ Россіи изъ за Англіи, ибо, еслибы послѣдняя стала нашимъ открытымъ и постояннымъ врагомъ, она неминуемо привлекла бы къ себѣ Россію. Утративъ же возможность всякаго соглашенія съ Россіей, Германія работала-бы въ руку англійской политикѣ и содѣйствовала бы упроченію мірового положенія Англіи. И дѣйствительно, послѣ заключенія австро-германскаго союза, Бисмарку удалось не только улучшить русско-германскія отношенія, но и добиться новаго сближенія между тремя императорами, съѣхавшимися на свиданіе въ Скерневицахъ въ 1884 г. Европейскій миръ казался, по мнѣнію Бисмарка, почти идеально обезпеченнымъ, съ одной стороны, Тройственнымъ Союзомъ, съ другой—согласіемъ между тремя

восточными державами. Однако подобное положеніе могло существовать только, доколѣ не обнаруживались разногласія русской и австрійской восточной политики. Было лишь вопросомъ времени, когда возникнетъ это разногласіе, зависѣвшее не отъ личнаго расположенія руководящихъ министровъ, а отъ различія реальныхъ политическихъ интересовъ обоихъ государствъ. Болгарскій вопросъ нарушилъ лѣтомъ 1886 года установившееся между Россіей и Австріей согласіе. Въ виду создавашагося положенія вещей, Кн. Бисмаркъ старался, какъ онъ говорилъ, не отступая отъ Тройственного Союза, сохранить, по крайней мѣрѣ для Германіи, надежныя и дружественныя отношенія съ Россіей. Съ этой цѣлью имъ былъ заключенъ такъ называемый „Rückversicherungsvertrag“ съ Россіей. Мотивы, побудившіе Бисмарка къ этому шагу, а равно и значеніе сказанной комбинаціи не разъ были впослѣдствіи подробно изъяснены Желѣзнымъ Канцлеромъ. Онъ порицалъ своего преемника за невозобновленіе*) этого соглашенія и указывалъ на то, что вслѣдъ за симъ состоялось заключеніе франко-русскаго Союза. Не связанная болѣе никакимъ договорнымъ соглашеніемъ Россія и изолированная Франція должны были, по его словамъ, сойтись, послѣ паденія существовавшей между ними преграды. Кн. Бисмаркъ усматривалъ въ переходѣ Россіи отъ Германіи на сторону Франціи усиленіе положенія послѣдней и значительное затрудненіе для нѣмецкой политики. Бисмаркъ всегда отрицалъ, что „страховательное соглашеніе“ съ Россіей являлось будто-бы недружелюбнымъ актомъ по отношенію къ Австріи. Какъ въ своихъ бесѣдахъ, такъ и на столбцахъ „Гамбургскихъ Извѣстій“ онъ часто повторялъ, что непри-

*) Прим. переводчика. См. Geschichte der Neuesten Zeit von Gottlob Egelhaaf, стр. 267.

косновенное сохранение Австро-Венгерской Монархии отвѣчаетъ насущнымъ интересамъ Германіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считалъ сохранение европейскаго мира одинаково важнымъ какъ для Германіи, такъ и для Австріи. Исходя изъ этихъ соображеній, Князь Бисмаркъ видѣлъ свою задачу въ томъ, чтобы воспрепятствовать, какъ онъ выразился въ своей парламентской рѣчи отъ 6-го февраля 1888 г., возникновенію войны отъ Москвы до Пиреней и отъ Сѣвернаго моря до Палермо. По его словамъ, исходъ такой войны никто не могъ бы предвидѣть и по ея окончаніи никто почти болѣе не зналъ бы, изъ за чего собственно сражались. Предупрежденіе коалиціонной войны противъ Германіи Бисмаркъ считалъ своей главной заслугой въ области внѣшней политики и до конца своей государственной дѣятельности онъ неустанно старался избѣжать подобной катастрофы. Еще на склонѣ жизни, Бисмаркъ сказалъ редактору „Гамбургскихъ Извѣстій“, въ 1896 году, что война, которая потребовала-бы громадныхъ жертвъ отъ всѣхъ континентальныхъ державъ, не можетъ быть желательна Австріи. Поэтому русско-германское соглашеніе отвѣчало также интересамъ Австріи, ибо оно служило обезпеченію европейскаго мира. Во всѣхъ заключаемыхъ имъ союзахъ Бисмаркъ желалъ сохранять руководство въ своихъ рукахъ. Сравнивая всякій союзъ съ отношеніемъ всадника къ коню, Таллейранъ имѣлъ обыкновеніе присовокуплять: „Quant à moi je préfère faire le cavalier“. Князь Бисмаркъ держался того же взгляда.

Двойственный Союзъ.

Заключеніе франко-русскаго Союза означало во всякомъ случаѣ коренное преобразование международнаго положенія. Въ девяностыхъ годахъ Германія стояла, такъ сказать, фронтомъ къ раздраженной быст-

рымъ развитіемъ нѣмецкой внѣшней торговли и ростомъ германскаго флота Англіи, имѣя въ тылу Двойственный Союзъ, на который Франція возлагала свои надежды. При такихъ условіяхъ Германіи пришлось ступить на путь міровой политики. Сначала, это была узкая тропинка, по которой Германіи надо было пробираться съ осторожностью.

Во время русско-японской войны Германія держала себя по отношенію къ Россіи на подобіе того какъ она вела себя по отношенію къ Англіи въ бурскую кампанію. Не нарушая соблюденія корректнаго нейтралитета относительно Японіи, она была дружественно расположена къ Россіи. Пожалуй, нейтралитетъ Германіи по отношенію къ Россіи былъ даже нѣсколько благожелательнѣе французскаго нейтралитета, благодаря чему получилось улучшеніе русско-германскихъ отношеній. Не вслѣдствіе ослабленія Россіи, которое многими преувеличивалось, а главнымъ образомъ возстановленія болѣе довѣрчивыхъ взаимныхъ отношеній, сказавшихся въ послѣдующихъ свиданіяхъ обоихъ монарховъ, Двойственный Союзъ утратилъ свою первоначальную остроту. Послѣ боснійскаго кризиса также скоро возстановились нормальныя отношенія между Россіей и Германіей. По невозобновленіи Бисмарковскаго Rückversicherungsvertrag'a было не въ силахъ и не въ намѣреніи германской политики разъединить Россію съ Франціей. Послѣ того какъ франко-русскій союзъ вошелъ, такъ сказать, въ національное сознаніе обоихъ народовъ, Германія не имѣла возможность отторгнуть отъ него Россію и привлечь ее къ себѣ „договорными узами.“ Однако путемъ улучшенія русско-германскихъ отношеній, она могла стараться притупить остріе Двойственнаго Союза. Эта цѣль была достижима и отчасти достигнута, чему содѣйствовали личныя отношенія между обоими императорами. Надежды французскихъ

шовинистовъ на союзъ съ Россіей не осуществились. Русскіе государственные дѣятели давали даже, при случаѣ, понять Франціи, что русская политика не желаетъ поставить себя въ зависимость отъ французской политики реванша. Чрезвычайныя ожиданія, возлагавшіяся во Франціи на Двойственный Союзъ при его заключеніи, были постепенно умѣрены. Французской политикѣ пришлось искать эквивалента для обманутыхъ надеждъ, который и былъ найденъ въ англо-французскомъ соглашеніи. Это соглашеніе стало для Германіи временно болѣе опаснымъ, чѣмъ Двойственный Союзъ.

Двойственному Союзу не доставало, въ сущности, общаго для обоихъ союзныхъ государствъ основанія постоянной и непримиримой вражды къ Германіи.

Въ преслѣдованіи своихъ міровыхъ и экономическихъ задачъ Россіи приходилось, пожалуй, рѣже чѣмъ какой-либо изъ другихъ европейскихъ державъ сталкиваться съ Германіей.

Все это, разумѣется, измѣнилось со времени возникновенія войны между нами и Россіей. Нашъ долгъ и наше право искать теперь реальныхъ гарантій, дабы Восточная Пруссія, которая въ теченіе минувшихъ столѣтій неоднократно подвергалась непріятельскимъ нашествіямъ, была ограждена отъ новыхъ бѣдствій. Король Людовикъ III *) былъ правъ, говоря, что намъ необходимо миръ, которымъ обезпечивалось бы наше спокойствіе на многіе десятки лѣтъ. Такія громадныя жертвы не должны быть напрасны. Послѣ разрыва съ Россіей намъ необходимо создать на Востокѣ болѣе сильную оборону, которая осуществима только путемъ исправленія нашей восточной границы. Мы разумѣется также не можемъ желать новаго усиленія могущества Россійской Имперіи. Однако намъ придется счи-

*) Баварскій.

таться съ этимъ въ виду ежегоднаго прироста русскаго населенія, который значительно превышаетъ процентъ рождаемости въ Германіи, а равно и въ виду сплоченности русскаго народа въ національномъ и религіозномъ отношеніяхъ, если Россія не подвергнется процессу внутренняго разложенія или если она не утратитъ Украины, являющейся ея житницей и однимъ изъ главныхъ базисовъ ея промышленности. Что касается Царства Польскаго, то трудно предвидѣть, ослабило ли бы его отторженіе Россією или нѣтъ. До окончательнаго разрыва нашихъ отношеній съ Россіей, мы имѣли полное основаніе заботиться о ихъ сохраненіи, ибо интересы Россіи и Германіи нигдѣ непосредственно не сталкивались. Кромѣ того вѣдь Россія сбывала въ Германію большую часть своихъ продуктовъ и сама получала изъ Германіи наибольшее количество необходимыхъ ей товаровъ. Резумѣется существуетъ также извѣстное противорѣчіе интересовъ между Франціей и Англіей. До новѣйшаго времени Англія расширяла свои колониальныя владѣнія Главнымъ образомъ за счетъ Франціи. Однако въ виду того, что за-океанская политика не являлась болѣе жизненнымъ вопросомъ для Франціи, она поступилась интересами своей мировой политики въ пользу Англіи и приобрѣла этой цѣлюю ея дружбу.

Германія и Франція.

Ненависть къ Германіи является душою французской политики, между тѣмъ какъ прочіе международные вопросы, будучи болѣе реальнаго свойства, касаются, такъ сказать, только тѣла страны.

Подобно тому какъ съ Россіей, не разъединяло насъ и съ Англіей до Августа 1914 г. какое либо непримиримое разногласіе интересовъ. Стички, которыя мы

имѣли съ Россіей въ семилѣтнюю войну и въ 1812 году, не оставили никакихъ слѣдовъ политическаго или національнаго раздраженія. Англія и Германія никогда не скрещивали оружія. Иначе обстояло дѣло съ Франціей. Военныя столкновенія между Германіей и Россіей были только случайными эпизодами, за то въ теченіе столѣтій Германія служила предметомъ французской агрессивности. Если 45 лѣтъ тому назадъ, Ранке писалъ Тьеру, что Германія ведетъ войну противъ Людовика XIV, то нынѣ мы также имѣемъ право сказать, что мы вынуждены быть. „en vedette“ противъ Ришелье и Людовика XV, Наполеона и Гамбетты.

Непримиримость Франціи была факторъ, съ которымъ долженъ былъ считаться съ 1871 г. всякій нѣмецкій политическій дѣятель. Еще въ февралѣ 1914 г. французскій историкъ Эрнестъ Лависсъ писалъ касательно Эльзаса-Лотарингіи: „La France n'admet pas la sinistre conception bismarckienne, elle n'admet pas l'argument de l'ethnographie, ni que la force suffise à créer un droit sur les âmes. Et les Allemands ne comprendront jamais, jamais que nous sommes attachés à l'Alsace Lorraine par un devoir d'honneur“.

Другой французскій писатель, Генри Вельшингеръ, резюмировалъ свое сужденіе о франко-германскихъ отношеніяхъ въ словахъ:

„Il y a littéralement un abîme entre la France et l'Allemagne et rien ne pourra le combler“.

Поэтому я всегда считалъ малодушнымъ питать надежду, что Франція могла бы дѣйствительно примириться съ Германіей, пока Германія не имѣетъ намѣренія отказаться отъ Эльзаса и Лотарингіи. Этого же намѣренія у нея разумѣется не могло быть. Существовалъ, однако, цѣлый рядъ отдѣльныхъ вопросовъ, въ которыхъ Германія и Франція временно могли идти рука объ руку. Германія старалась поддерживать съ

Франціей учтивыя, спокойныя и мирныя отношенія. Вдаваться же въ дальнѣйшія утопическія мечты Германія не могла, ибо въ противномъ случаѣ съ ней случилось бы то же, что и съ астрономомъ въ баснѣ Лафонтена, который, глядя на звѣзды, упалъ въ яму, имъ назначенную. Этой ямой оказалось бы въ данномъ случаѣ „le trou des Vosges“. Съ другой стороны, Германія также не слѣдовало ожидать слишкомъ многого отъ оказываемыхъ по отношенію къ Франціи любезностей. Ненависть противъ Германіи слишкомъ глубоко засѣла во французскихъ сердцахъ и ея нельзя было устранить дешевыми знаками вниманія, „la petite monnaie“ международнаго общенія. Никогда, даже въ эпоху 1812—1815 г.г. Франція не была такъ глубоко уязвлена, какъ войною 1870—71 г.г. То, что французамъ представляется грубой жестокостью побѣдителя, было для насъ нѣмцевъ національной необходимостью, и во Франціи никогда никто не могъ этого постичь. Можетъ быть французская нація подчинится со временемъ постановленіямъ Франкфуртскаго мира, когда она пойметъ, что они неизмѣнны и въ особенности когда намъ удастся упрочить наше стратегическое положеніе по отношенію къ Франціи, которое до сихъ поръ еще далеко не удовлетворительное. Однако, пока Франція можетъ мечтать еще о возможности вернуть себѣ, собственными силами или съ чужою помощью, Эльзасъ и Лотарингію, до тѣхъ поръ она будетъ разсматривать настоящее положеніе какъ преходящее, а не какъ окончательное. Всѣ возникшія отъ времени до времени комбинаціи англо-франко-германскаго или франко-русско-германскаго сближенія, которыя основывались на надеждѣ склонить Германію къ урегулированію эльзасъ-лотарингскаго вопроса въ смыслѣ французскихъ пожеланій, не имѣли подъ собой ни малѣйшей почвы и свидѣтельствовали только о полномъ непониманіи германскихъ интересовъ.

Если нація настолько страдает отъ причиненной ей гордости обиды, что желаніе возмездія становится господствующей національной страстью, то это является лишь доказательствомъ сильнаго чувства народнаго самосознанія. Въ теченіе столѣтія Франція вносила въ исторію Европы духъ безпокойства. Германіи пришлось усилить свое положеніе на Западѣ для огражденія мира отъ новыхъ покушеній. Политика славныхъ походженій, лишавшая нерѣдко Европу покоя, является для Франціи великимъ ея прошлымъ, отражающимъ ярче всего національное честолюбіе французовъ. Французская исторія отличается отъ нѣмецкой и въ томъ, что въ величайшихъ и драматическихъ моментахъ, когда рѣшалась судьба народовъ, она повѣствуетъ о французскихъ завоевательныхъ войнахъ, между тѣмъ какъ наиболѣе славныя страницы нѣмецкой исторіи заполнены подвигами національной обороны. Именно времена Людовика XIV и Наполеона I, возвращенію коихъ Германія старалась уже разъ воспрепятствовать усиленіемъ своей западной границы, составляютъ для многихъ французовъ, а въ моменты повышеннаго настроенія и для всей націи, страстно желаемую цѣль. Окрѣпшая благодаря событіямъ 1866 и 1870 годовъ Германія употребила добытыя новыя силы на внутреннее устроеніе своей національной жизни. Франція же выступала, послѣ каждаго усиленія національнаго своего могущества, агрессивно и вновь бы такъ сдѣлала, если бы могла рассчитывать на успѣхъ. Съ этимъ приходилось считаться Германіи и понимать, что Франція неминуемо обратится противъ нея, если она только можетъ быть увѣрена въ побѣдѣ. Серьезные политики не должны предаваться преходящимъ впечатлѣніямъ, а, помятуя прошлое, устремлять взоры въ грядущее. Германія доказала, что въ экономическомъ и военномъ отношеніяхъ она превосходитъ Францію. Но мы не можемъ не

предвидѣть, что ненависть французовъ противъ насъ неминуемо еще усилится послѣ войны. По словамъ одного знатока Франціи, настроеніе французскаго общеннаго мнѣнія противъ Германіи въ 1870—71 г. относится къ нынѣшней злобѣ французовъ какъ дымъ фабричной трубы къ изверженію вулкана. Было бы ошибочно полагать, что французскіе радикалы не раздѣляютъ господствующаго настроенія. При началѣ войны и они подчинились вновь шовинистскимъ традиціямъ яacobинцевъ.

Французская политика реванша основывается на вѣрѣ въ несокрушимую жизнеспособность Франціи. Ни одинъ народъ не преодолевалъ съ такой быстротой національныхъ невзгодъ, какъ французскій, и не возвращался такъ легко, послѣ почти уничтожающихъ поражений, къ самоувѣренности и стремленію къ новой дѣятельности. Не разъ казалось, что Франція окончательно разбита внѣшними врагами и настолько ослаблена внутренними потрясеніями, что уже не можетъ болѣе угрожать Европѣ. Но всегда французская нація возрождалась въ прежней или новой мощи и начинала борьбу за гегемонію въ Европѣ. Постепенное нисхожденіе Франціи съ гордой высоты, на которую возвелъ ее Людовикъ XIV, казалось должно было привести ее къ полному упадку, именно вслѣдствіе революціи, повлекшей за собою междоусобную войну, расложеніе арміи, уничтоженіе экономическаго расцвѣта и государственное банкротство. Черезъ десять лѣтъ послѣ начала революціи, французскія войска покорили Италію, Голландію, лѣвый берегъ Рейна и стояли побѣдителями въ сердцевиנѣ Германіи, а послѣ дальнѣйшихъ десяти лѣтъ Первая Имперія была уже въ зенитѣ своего блеска, и Наполеонъ мечталъ о господствѣ надъ всѣмъ континентомъ. Затѣмъ слѣдовали катастрофы при Лейпцигѣ и Ватерлоо, полное поражение Франціи и

двукратное занятіе французской столицы. Въ теченіе двадцатилѣтій постоянныхъ войнъ французская нація истощила почти всѣ свои экономическія и физическія силы и могла тѣмъ не менѣе занять во времена Второй Имперіи первенствующее мѣсто. Пораженіе 1870 года было для Франціи тяжелѣе всѣхъ предшествовавшихъ. Однако и оно не сломило силы изумительно эластичнаго народа, что доказываетъ и сопротивление Франціи въ настоящей войнѣ. Характеристика французской націи, сдѣланная полстолѣтія тому назадъ Токвиллемъ въ его сочиненіи „L'Ancien Régime et la Révolution“ примѣнимо во многихъ отношеніяхъ и къ современной Франціи.“

Quand je considère cette nation en elle-même, je la trouve plus extraordinaire qu'aucun des événements de son histoire.

En a-t-il jamais paru sur la terre une seule qui fût si remplie de contrastes et si extrême dans chacun de ses actes, plus conduite par des sensations, moins par des principes; faisant ainsi toujours plus mal ou mieux qu'on ne s'y attendait, tantôt au-dessous du niveau commun de l'humanité, tantôt fort au-dessus; un peuple tellement inaltérable dans ses principaux instincts qu'on le reconnaît encore dans des portraits qui ont été faits de lui il y a deux ou trois mille ans, et en même temps tellement mobile dans ses pensées jaurnalières et dans ses goûts qu'il finit par se devenir un spectacle inattendu à lui-même, et demeure souvent aussi surpris que les étrangers à la vue de ce qu'il vient de faire; le plus casanier et le plus routinier de tous quand on l'abandonne à lui-même, et lorsqu'une fois on l'a arraché malgré lui à son logis et à ses habitudes, prêt à pousser jusqu'au bout de monde et à tout oser; indocile par tempérament, et s'accommodant mieux toutefois de l'empire arbitraire et même violent d'un prince que du gouvernement régulier et libre des principaux citoyens; aujourd'hui l'ennemi déclaré de toute obéissance, demain mettant à servir une sorte de passion

que les nations les mieux douées pour la servitude ne peuvent atteindre; conduit par un fil tant que personne ne résiste, ingouvernable dès que l'exemple de la résistance est donné quelque part; trompant toujours ainsi ses maîtres, qui le craignent ou trop ou trop peu; jamais si libre qu'il faille désespérer de l'asservir, ni si asservi qu'il ne puisse encore briser le joug; apte à tout, mais n'excellant que dans la guerre; adorateur du hasard, de la force, du succès, de l'éclat et du bruit, plus que de la vraie gloire; plus capable d'héroïsme qui de vertu, de génie que de bons sens, propre à concevoir d'immenses desseins plutôt qu'à parachever de grandes entreprises; la plus brillante et la plus dangereuse des nations de l'Europe, et la mieux faite pour y devenir tour à tour un objet d'admiration, de haine, de pitié, de terreur, mais jamais d'indifférence?“

Дѣйствительно, оправившись послѣ поражений при Вердѣ и Седанѣ, Франція успѣла создать себѣ въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ колоніальныя владенія, которыя по объему и численности населенія превышаютъ понесенную ею территоріальную утрату въ Европѣ, причемъ она заняла мѣсто второй колоніальной державы. Къ тому-же сѣверо-африканскія ея владѣнія удвоились благодаря Марокко.

Я оставляю открытымъ вопросъ, слѣдуетъ-ли считать въ будущемъ политическое и военное господство Франціи въ Марокко ея ослабленіемъ или значительнымъ усиленіемъ. Во всякомъ случаѣ колоніальная дѣятельность Франціи доказываетъ жизнеспособность націи. Равноцѣннымъ возмѣщеніемъ за утрату Эльзаса и Лотарингіи Франція никогда не сочтетъ увеличеніе своихъ колоніальныхъ владѣній. Это ясно сознавалъ и Бисмаркъ, поощрявшій однако колоніальные планы Франціи, чтобы хоть временно отвлечь взоры французъ отъ Вогезовъ.

Мароккескій вопросъ.

Когда Германія столкнулась съ Франціею въ Мароккскомъ вопросѣ, она не руководствовалась цѣлью идти наперекоръ колоніальнымъ планамъ Франціи; она желала оградить только свои собственные интересы и свое національное достоинство. Законнымъ основаніемъ для ея вмѣшательства являлись Мадридское соглашеніе 1880 года и торговый договоръ съ Марокко 1890 года. Мадридскимъ соглашеніемъ было урегулировано право покровительства великихъ державъ надъ Марокко. Это соглашеніе, какъ и торговый договоръ 1890 года были заключены на принципѣ признанія суверенитета Марокко. Измѣненіе Мадридскихъ постановленій было допустимо поэтому лишь съ согласія подписавшихъ соглашеніе государствъ, т. е. великихъ европейскихъ державъ, за исключеніемъ Россіи, Скандинавскихъ государствъ, Голландіи, Бельгіи, Португаліи и Соединенныхъ Штатовъ. Разумѣется, Франція слѣдила съ особымъ интересомъ за ходомъ дѣлъ въ Марокко, прилежащемъ къ ея колоніальнымъ африканскимъ владѣніямъ. Съ этимъ обстоятельствомъ Германія всегда считалась. Мадридское соглашеніе не препятствовало бы признанію особыхъ интересовъ Франціи и Испаніи въ Марокко. Но французскія пожеланія шли гораздо дальше, ни считаясь ни съ Мадридскими постановленіями, ни съ германскимъ торговымъ договоромъ. Такимъ образомъ создавалось новое положеніе. 8-го Апрѣля 1906 г. состоялось соглашеніе между Англіею и Франціею, которымъ былъ улаженъ цѣлый рядъ спорныхъ между ними колоніальныхъ вопросовъ. Франція заявила, что она не будетъ требовать отъ Англіи очищенія Египта, а Англія признала за Фран-

ціей, какъ за сосѣдней съ Марокко державой, право на поддержаніе порядка въ Марокко и оказаніе, въ случаѣ необходимости, военной и финансовой помощи Султану. Германія не имѣла основанія протестовать противъ той части соглашенія, которая касалась Египта. Не смотря на то, что подобнымъ выступленіемъ она осложнила-бы только свои отношенія къ Англіи, она и въ этомъ вопросѣ придерживалась мнѣнія Бисмарка, что Германіи не слѣдуетъ создавать затрудненій англичанамъ въ Египтѣ. „Въ Египтѣ“, говорилъ Бисмаркъ, „мы поддерживаемъ англичанъ, въ Сербіи—австрійцевъ, а въ Болгаріи—русскихъ“.

Что касалось Марокко, то въ соглашеніи 1904 г. Франція обѣщала не измѣнять политическаго положенія въ Шерифатѣ. Поэтому Германіи казалось наиболѣе цѣлесообразнымъ выждать сначала, исполнить-ли Франція данное обѣщаніе, какимъ образомъ она осуществитъ постановленія этого соглашенія и въ какой степени она вообще будетъ считаться въ Марокко съ правами и интересами Германіи.

Вопросъ, когда слѣдуетъ начинать какое либо политическое дѣйствіе, зависитъ всегда отъ обстоятельствъ и удобнаго случая. Первоначально было рѣшено не отвѣчать тотчасъ-же угрозами на англо-французское соглашеніе и не проявлять излишней нервности. Къ тому-же Германія не хотѣла связывать мароккскій вопросъ съ египетскимъ и не желала а priori выказывать неодобреніе и недовѣріе по отношенію Франціи. Такимъ образомъ мы приобрѣли возможность съ большимъ правомъ противиться нарушенію нашихъ экономическихъ интересовъ въ Марокко, если бы Франція позволила себѣ пренебрегать ими. Это должно было скоро выясниться. Франція стала безцеремонно вмѣшиваться въ мароккскія дѣла и надѣялась, не считаясь ни съ мадридскими постановленіями, ни съ германско-

мароккскимъ торговымъ договоромъ, приобрѣсти новое и цѣнное колоніальное владѣніе. Преслѣдуя эту политику, Франція опиралась на Англію, полагая, что достаточно англійской поддержки и одобренія для достиженія намѣченныхъ цѣлей. При этомъ французское правительство старалось придать англо-французскому соглашенію направленную противъ Германіи тенденцію, самовольно распоряжаясь важной колоніальной областью и не удостоивая Германію ни малѣйшаго вниманія. Это была явная попытка рѣшенія міровыхъ вопросовъ западными державами безъ участія Германіи.

Затѣмъ Франція приступила къ „тунификаціи“ Марокко, и французскій представитель, Сень-Рене-Тайландье, стремился обезпечить свое вліяніе на Шерифское правительство. Измѣненіемъ полицейской организаціи, основаніемъ государственнаго банка подъ французскимъ руководствомъ, раздачею общественныхъ работъ и поставокъ французскимъ фирмамъ хотѣли подчинить Марокко въ административномъ и экономическомъ отношеніяхъ полному вліянію Франціи; въ послѣдствіи окончательное включеніе Марокко во французскія колоніальныя владѣнія свелось бы къ простой формальности. Министръ Делькассэ лелѣялъ надежду поставить такимъ образомъ Германію передъ совершившимся фактомъ, полагая нанести этимъ чувствительный ударъ нѣмецкому престижу. Соглашенія же съ Германіей Делькассэ не желалъ, отчасти въ виду того, онъ еще болѣе другихъ французскихъ политическихъ дѣятелей носился съ мыслью о реваншѣ, отчасти же потому, что онъ опасался, какъ бы Франція, которая все болѣе отставала отъ Германіи по численности своего населенія не оказалась, въ концѣ концовъ, благодаря сближенію съ Германіей въ зависимомъ отъ нея положеніи. Германія имѣла въ Марокко важные экономическіе интересы, которые были затронуты выступленіемъ Фран-

ціи. Кромѣ того дѣло касалось также мірового положенія Германіи. Заключение Англією и Францією договора касательно Марокко безъ участія остальныхъ контрагентовъ Мадридскаго соглашения означало именно пренебреженіе Германіей. Съ Англіей Франція сговорилась, съ Испаніей велись секретные переговоры, Россія не подписывала Мадридскаго соглашения, Италія преслѣдовала свои интересы въ Средиземномъ морѣ, Америка не касалась Мароккскихъ дѣлъ, а сопротивленія со стороны второстепенныхъ европейскихъ государствъ нечего было опасаться. Такимъ образомъ, Австрія и, въ особенности, Германія были очевидно, намѣренно устранены отъ рѣшенія важнаго международнаго вопроса. Германія была поставлена передъ выборомъ: либо допустить, чтобы съ нею обращались какъ съ *quantité négligeable*, либо настаивать на уваженіи ея интересовъ и желаній. Первое рѣшеніе было бы несомнѣнно болѣе удобнымъ, но это не могли допустить самолюбіе и интересы Германіи. Если бы Германія позволила наступить безнаказанно себѣ на ноги, то послѣ первой подобной попытки послѣдовали бы скоро вторая и третья.

Въ 1900 году Императоръ Вильгельмъ произнесъ слова: „Я не того мнѣнія, что нѣмецкій народъ побѣждалъ и проливалъ свою кровь 30 лѣтъ тому назадъ подъ руководствомъ своихъ правителей, чтобы давать устранять себя при рѣшеніи важныхъ внѣшнихъ вопросовъ. Если бы это случилось, то былъ бы положенъ конецъ міровому значенію Германіи, что я не могу допустить.“ Французская политика въ Марокко была явной попыткой обойти Германію и измѣнить положеніе въ пользу Франціи. Создался бы прецедентъ для повторенія подобныхъ поползновеній, Такимъ образомъ, Мароккскій вопросъ получилъ для Германіи національное значеніе. Германская политика въ Марокко была

уже предначертана. 31-го Марта 1905 года Императоръ Вильгельмъ высадился, по совѣту данному мною, въ Танжерѣ и подчеркнул въ произнесенной тамъ рѣчи независимость и суверенитетъ Марокко. Такимъ образомъ, Германіей было заявлено передъ всѣмъ міромъ о ея требованіи принять участіе въ рѣшеніи мароккскихъ дѣлъ. Это означало, что Германія придерживается международнаго договора 1880 года, заключеннаго на основаніи суверенитета Марокко, и не намѣрена, не будучи спрошенной, признавать новое положеніе, создавшееся благодаря сепаратному англо-французскому соглашенію. Ея цѣлью было замѣнить одностороннее урегулированіе мароккскаго вопроса между Франціей и Англіей международнымъ договоромъ. При этомъ Германія не могла допустить также, чтобы международнаго конференція выразила лишь свое согласіе на французскую политику въ Марокко. Требования Германіи были достигнуты постановленіями Алжезирасской Конференціи. Франція противилась мысли созванія конференціи, и одно время казалось даже, что г. Делькассэ ставитъ въ зависимость отъ этого вопроса рѣшеніе войны и мира. Германское правительство осталось непреклоннымъ, и Франція согласилась на конференцію. Г. Делькассэ покинулъ министерскій постъ, и Германія добилаcь исполненія своей воли, благодаря стойкости своихъ требованій. Въ Алжезирасѣ положеніе Германіи было не легкимъ, какъ по отношенію къ „державамъ согласія“, такъ и въ виду недостаточнаго интереса, проявленнаго другими правительствами въ мароккскомъ вопросѣ. Не смотря на это, Германіи удалось достигъ, при соблюденіи суверенитета Султана, учрежденія мароккскаго государственнаго банка и организаціи международной полиціи, а также обезпечить за Германією и за всѣми остальными державами принципъ открытыхъ дверей. Разумѣется, не всѣ поже-

ланія, но многія изъ нихъ, были такимъ образомъ осуществлены. Попытка устранить Германію отъ участія въ важномъ международномъ рѣшеніи не удалась. Германія заручилась такимъ образомъ правомъ голоса при дальнѣйшемъ урегулированіи мароккскихъ дѣлъ, отъ котораго она могла бы отказаться лишь при полученіи соответствующихъ компенсацій. Къ тому же постановленія Алжезирасской Конференціи являлись какъ бы замкомъ для дальнѣйшей „тунификаціи“ Марокко. Для Франціи новый порядокъ вещей былъ весьма неудобенъ и ощущался, ею какъ установленная Европою опека. Въ Германіи полагали, что послѣ ухода Делькассэ ей слѣдовало искать непосредственнаго соглашенія съ Франціей по мароккскимъ дѣламъ. Но спрашивается, была ли бы Франція вообще склонна уплатить пріемлемую плату. Съ другой стороны, подобный шагъ не согласовался бы съ отношеніями Германіи къ Турціи и Исламу. Въ Ноябрь 1898 года Вильгельмъ II произнесъ въ Дамаскѣ слова: „Пусть 300 милліоновъ магометанъ, живущихъ во всѣхъ краяхъ свѣта, будутъ увѣрены въ томъ, что во всѣ времена Германскій императоръ будетъ ихъ другомъ.“ Въ Танжерѣ императоръ опредѣленно высказался за цѣлость Марокко. Германія утратила бы свое значеніе въ глазахъ мусульманскаго міра, если бы она непосредственно за симъ продала Марокко Франціи. Германскій посолъ въ Константинополѣ, Баронъ фонъ Маршаль, заявилъ въ то время: „Если послѣ Дамаска и Танжера Германія продастъ Марокко, то она потеряетъ свое положеніе въ Турціи и съ нимъ тѣ выгоды и надежды на будущее, которыя она приобрѣла многолѣтними трудами.“

Сепаратное соглашеніе, заключенное 9 Февраля 1909 года между Германіей и Франціей при участіи статсъ-секретаря фонъ Кидерлена, умалило возможность постоянныхъ недоразумѣній между обѣими державами,

обеспечивъ Франціи извѣстное политическое вліяніе въ Марокко, но не давая ей возможности полного его присвоенія. Съ другой стороны, означенное соглашеніе устанавливало принципъ „открытыхъ дверей“ и обеспечивало нѣмецкой и французской торговлѣ и промышленности одинаковыя права въ независимомъ Марокко. Соглашеніе это служило, вмѣстѣ съ тѣмъ, упроченію мира, дополнивъ алжезирасскія постановленія нѣкоторыми добавленіями, оказавшимися на практикѣ необходимыми. При этомъ были вновь подтверждены рѣшенія Алжезирасской Конференціи. Право голоса Германіи въ рѣшеніи дальнѣйшей судьбы Марокко, устранившее возможность французскаго захвата Марокко, не было никоимъ образомъ затронуто сепаратнымъ договоромъ. За отказъ отъ этого права на долю Германіи выпала въ послѣдствіи часть Конго, чего она достигла благодаря только Алжезирассу и своему выступленію въ 1905 г.

Въ одной французской брошюрѣ, появившейся въ теченіе настоящей войны, упоминается еще о „portion de notre Congo français, que l'Allemagne nous a extorqué en échange de l'hypothèque morale qu'elle avait mise insollement sur le Maroc“.

Германія никогда не помышляла о присвоеніи части Марокко, притомъ не изъ страха передъ Франціей, но въ виду своихъ собственныхъ интересовъ. Кромѣ Франціи, Германія встрѣтила бы тамъ противъ себя и Англію и Испанію. Съ другой же стороны, Германія не могла надѣяться примириться съ Франціей путемъ крайней уступчивости въ мароккскомъ вопросѣ. Наше соглашеніе касательно Конго усилило во Франціи шовинистскія теченія. До извѣстной степени оно дало также толчекъ итальянской экспедиціи въ Триполи. Когда въ Римѣ стало извѣстно о включеніи Марокко въ сферу французскихъ колоніальныхъ владѣній,

Итальянскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, Маркизъ Санъ Джуліано, сказалъ своимъ секретарямъ, взглянувъ на часы: „Замѣтите себѣ день и часъ. Сегодня рѣшился вопросъ, что мы идемъ въ Триполи. Намъ не останется другого выбора, если мы не желаемъ упустить послѣдней минуты для пріобрѣтенія Триполи“. Экспедиція въ Триполи, въ свою очередь, дала поводъ къ первой Балканской войнѣ, которой не только былъ нанесенъ ударъ Оттоманской имперіи, но которая имѣла важныя послѣдствія для всей европейской политики. Ни Санъ-Джуліано, ни Джіолитти не предвидѣли этого, но, какъ часто бываетъ въ политикѣ, предпринятые ими дѣйствія разошлись болѣе широкими кругами, чѣмъ они первоначально сами того желали. Какую бы цѣнность ни представляло Марокко для Франціи въ экономическомъ отношеніи и какихъ бы выгодъ она ни ожидала отъ увеличенія своихъ африканскихъ владѣній, съ точки зрѣнія приращенія военныхъ силъ,—въ критическій фазисъ мароккскаго вопроса, политика Франціи преслѣдовала, кромѣ того, иную цѣль. Въ извѣстныхъ французскихъ сферахъ преобладало первоначально желаніе нанести намѣреннымъ пренебреженіемъ интересами Германіи ударъ ея міровому положенію; въ послѣдствіи же было предположено воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы свести счеты съ Германіей при помощи Англіи. Указанныя теченія выдвинули дважды мароккскій вопросъ въ передовую линію международной политики, угрожая сохраненію европейскаго мира.

Непримиримость Франціи.

Въ то время, когда никто въ Германіи не думалъ еще о возникновеніи міровой войны, я изложилъ въ своемъ очеркѣ „Германская политика въ царствованіи

Вильгельма II" нижеслѣдующія соображенія о непримиримости Франціи, которыя были встрѣчены не безъ извѣстныхъ возраженій въ германскомъ обществѣ.

„При разсмотрѣніи франко-германскихъ отношеній не слѣдуетъ терять изъ виду, что Франція непримирима и что конечной цѣлью французскихъ стремленій останется еще надолго надежда найти поводъ къ успѣшной ликвидаціи своихъ счетовъ съ германской имперіей. Памятуя это, Германія вѣрнѣе всего опредѣлитъ свои отношенія къ Франціи. Настолько же мало умѣстны возмущенные возгласы о неисправимости Франціи, какъ и безплодныя ухаживанія за нею. Лишь постепенное сознаніе непоправимости понесенной въ 1871 году утраты можетъ заставить Францію свыкнуться окончательно съ положеніемъ вещей, созданнымъ Франфуртскимъ миромъ. Возможно, что крайнее напряженіе военныхъ силъ Франціи, чувствительно отражаясь на экономическомъ и социальномъ ея развитіи, ускорить этотъ „процессъ успокоенія“ согласно смысла пословицы „l'excès du mal amène la guérison“.

До той поры Франція будетъ всегда враждебна Германіи. Сколько усилій она ни прилагаетъ къ пополненію своей боевой готовности, она теряетъ, ввиду сокращенія своего народонаселенія, прежнюю вѣру въ собственныя силы и стремится достигъ союзами и дружбами перевѣса надъ нѣмецкимъ сосѣдомъ. Благодаря этому Франція утратила до извѣстной степени прежнюю свободу своей инициативы и стала болѣе зависимою отъ другихъ державъ. Раздражительная и гордая французская нація примиряется съ этимъ положеніемъ, что, въ свою очередь, указываетъ на ея затѣнную надежду; врядъ-ли мыслима какая либо международная конъюнктура, которая заставила бы ее отказаться отъ политики, вдохновляемой воспоминаніями 1870-го года.

Когда, нѣсколько дней спустя послѣ извѣстной телеграммы Императора Вильгельма президенту Крюгеру, одинъ изъ англійскихъ министровъ спросилъ французскаго дипломата, намѣрена ли Франція стать на сторону Германіи, тотъ отвѣтилъ: „Будьте увѣрены, что, покуда Эльзасъ-Лотарингія въ нѣмецкихъ рукахъ, французскій народъ будетъ видѣть всегда въ Германіи своего постоянного врага, въ каждой же другой державѣ лишь случайнаго противника“. Я полагаю, что событія послѣднихъ лѣтъ подтвердили мой „діагнозъ“.

Фашода.

Насколько легче французы взвѣшиваютъ свои прочіе успѣхи или неудачи сравнительно съ утратой, понесенной въ Европѣ, доказалъ исходъ спора о Фашодѣ. Франція потерпѣла тогда безусловное пораженіе отъ Англіи. Фашода означала для Франціи окончательный отказъ отъ давнишней мечты ея колониальной политики и дала ей почувствовать превосходство Англіи. Французское общественное мнѣніе стихійно вскипѣло противъ Англіи, и масса людей, не умѣющихъ отличать въ политикѣ преходящее отъ постоянного, была склонна уловить въ этомъ явленіи симптомы переменъ французской политики. Думали, что раздраженіе противъ Англіи заставитъ Францію встать на сторону Германіи, что разочарованіе въ Суданѣ сгладитъ воспоминаніе объ утратѣ Эльзаса и Лотарингіи и надежда на возмездіе за Фашоду уступитъ мѣсто мысли реванша за Мецъ и Седанъ. Нельзя было болѣе ошибиться въ основахъ французской политики. Народъ, сжившійся цѣлымъ поколѣніемъ съ одной только надеждой и идеаломъ, не можетъ быть выбитъ изъ колеи случайной невзгодою. Ненависть къ Германіи не могла быть сгла-

жена или устранена раздраженіемъ противъ Англіи. Мгновенная злоба противъ Англіи могла бы быть еще болѣе страстной, но она не превратилась бы въ постоянную ненависть уже по той причинѣ, что англо-французскія отношенія были учтены, еще до конфликта въ Суданѣ, французской политикой. Франція видѣла въ англійскомъ соперничествѣ съ Германіей естественнаго союзника противъ побѣдителя 1870-го года и льнула въ сторону Англіи. Въ Парижѣ были разочарованы тѣмъ, что Англія не пожелала пожертвовать своими интересами въ Суданѣ и на Нилѣ въ угоду французской дружбѣ. Франція сама была готова, хотя и скрѣпя сердце, уплатить ту же, или даже высшую, цѣну за англійскую дружбу. Пораженіе въ спорѣ изъ-за Фашоды было поставлено въ счетъ издержекъ французской политики реванша и, въ концѣ концовъ, породило не столько неблагоприятное настроеніе противъ Англіи, сколько вызвало новое озлобленіе противъ Германіи. Для характеристики создавшагося положенія приведу отвѣтъ французскаго посла своему итальянскому коллегѣ, обратившемуся къ нему съ вопросомъ, какъ отразится это событіе на англо-французскихъ отношеніяхъ. Французскій посолъ сказалъ: „По улаженіи недоразумѣнія изъ-за Судана, ничто болѣе не препятствуетъ полному согласію съ Англіей“.

Тройственное Согласіе.

Дѣйствительно, скоро послѣ инцидента въ Фашодѣ создалось Тройственное Согласіе. Благодаря своему союзу съ Франціей и замѣшательствамъ на Востокѣ Россія нерѣдко присоединялась къ англо-французскому соглашенію, такъ что можно было говорить о Тройственномъ Согласіи, ставшемъ противъ Тройственнаго

Союза. Въ тѣсно замкнутую коалицію Тройственное Согласіе превратилось, конечно, только благодаря войнѣ. Еще въ Апрѣлѣ 1914 г. Бельгійскій Посланникъ въ Берлинѣ, Баронъ Бейэнсъ, писалъ касательно слуховъ о перемѣщеніи въ Лондонѣ Русскаго Посла въ Парижѣ г. Извольскаго, что г. Извольскій можетъ убѣдиться на берегахъ Темзы въ томъ, что англійское общественное мнѣніе не сочувствуетъ заключенію Англіею формальнаго союза, который лишилъ-бы ее свободы дѣйствія, связавъ ее судьбу съ Россіей и Франціей. Лишь Лондонскій протоколъ отъ 5-го Сентября 1914 г. превратилъ слабую связь между тремя державами въ тѣсный союзъ. Этимъ, однако, не устранено на всегда существующее между нашими противниками разногласіе интересовъ *). Созданная войной солидарность между Англіей и Россіей, Франціей и Англіей, Россіей и Японіей и спаянное совмѣстно пролитой кровью ихъ настоящее единеніе не естественны. Кромѣ того существуютъ напр. между Америкой и Японіей, Японіей и австралійскимъ „Commonwealth“ противорѣчія, которыя только временно отодвинуты войной на задній планъ. Также до міровой войны политика Тройственнаго Согласія направлялась въ рѣшающіе моменты большею частію Англіею. При этомъ англійское руководство оказывало нерѣдко отрезвляющее вліяніе на Францію и содѣйствовало сохраненію мира. Но начало и дальнѣйшій ходъ войны доказали, насколько англійскія руководящія сферы были готовы использовать свое преобладающее вліяніе на политику державъ согласія рѣшительнымъ ея направленіемъ противъ Германіи въ минуту, когда имъ казалось болѣе невозможнымъ сохранить европейскій миръ.

*) Прим. переводчика: Постоянныя попытки германской политики нарушить незыблемую связь между нами и нашими союзниками.

Германія—Франція—Англія.

Большинство англійскихъ политиковъ возвели въ политическій догматъ, что съ исчезновеніемъ нѣмецкаго соперника Англія могла бы только выиграть то, что, по выраженію Монтэна, *le dommage de l'un est le profit de l'autre*. Между настроеніемъ въ Англіи и Франціи по отношенію къ Германіи существовала однако явная разниа. Со времени подписанія Франкфуртскаго мира Франція всегда была готова напасть на Германію, когда она была увѣрена въ своихъ силахъ и могла рассчитывать на одновременное выступленіе Россіи противъ Германіи. Англія же, только придя къ убѣжденію, что ея вмѣшательство въ войну могло-бы привести къ политическому и экономическому ослабленію Германіи. Побудительной причиной англійской политики по отношенію Германіи былъ ея слѣпой національный эгоизмъ, а французской — ошибочный национальный идеализмъ. Кто хладнокровно преслѣдуетъ свои интересы, тотъ превзойдетъ въ рѣшающій моментъ того, кто гонится за одной мечтой. Грядущее должно доказать ошибочность англійской политики, ибо бывшія разногласія англо-германскихъ интересовъ вовсе не оправдываютъ борьбы за существованіе.

Англо-Германскія отношенія.

Англійскій торговый міръ несомнѣнно ощущалъ иногда неудобство нѣмецкой за-океанской конкуренціи, ибо здѣсь и тамъ соперничали германскіе и англійскіе экономическіе интересы.

Однако на обширныхъ путяхъ своей міровой политики Англія рѣдко встрѣчала столь мало сопротивленія со стороны какой-либо изъ великихъ державъ, какъ со стороны Германіи. Долгое время англичане сами признавали это, не смотря на то, что они были озабочены ростомъ германскаго флота. До 1914 г. Англія и Германія были единственными европейскими великими державами не пролившими между собой ни единой капли крови. Между ними существовали разногласія и натянутыя отношенія, но никогда не бывало войны. Въ Англіи были люди, понимавшіе, что Англія сама себѣ вредитъ постоянной непріязнью къ Германіи и преслѣдованіемъ крайней анти-нѣмецкой политики. Они признавали также, что Англія и Германія являются другъ для друга наилучшими покупателями и что англійская экономическая жизнь ощутила бы паденіе нѣмецкой торговли. Существовавшая между Германіей и Англіей противорѣчія уравнивались общностью многихъ жизненныхъ интересовъ. Опасенія передъ новой міровой и морской державою, угрожавшей будто-бы англійскому владычеству на морѣ, существовали только въ области возможности, или, вѣрнѣе говоря, въ воображеніи, но не въ дѣйствительности. Положеніе, занятое Англіей по отношенію къ Германіи, нельзя было сравнивать съ положеніемъ Франціи.

Не смотря на то, что, при первомъ своемъ выступленіи на пути міровой политики, Германія встрѣтила сопротивленіе Англіи, по достиженіи Германіей достаточно сильной обороны на морѣ, отношенія ея съ Англією могли стать вполне дружественными и даже дружескими.

Именно созданіемъ флота Германія устранила главное препятствіе, мѣшавшее согласованію на почвѣ полного равенства интересовъ обѣихъ странъ въ области міровой политики. Англійскіе же министры не хотѣли

понять это и не желали разумнаго соглашенія съ Англіей. Поэтому они не должны удивляться, если мы, въ виду неблагоприятныхъ условій нашей береговой защиты, стараемся добиться серьезныхъ и реальныхъ гарантій, чтобы обезопасить себя со стороны Англіи. Какъ въ прежнія войны, такъ и нынѣ въ Англіи медленно совершился переходъ отъ мира къ войнѣ. Англія бросаетъ на всѣхъ свой вѣсъ не разомъ, а постепенно. Опытъ исторіи научилъ насъ считаться съ этой особенностью англійской націи. По словамъ одного нейтральнаго наблюдателя въ началѣ войны многіе англичане держались того мнѣнія, что Англія поступила бы умнѣе, оставаясь нейтральной; въ дальнѣйшемъ теченіи войны подобные взгляды утратили однако всякую почву. Такъ въ Январѣ текущаго года бывшій министръ Лордъ Розбери обвинялъ Германію въ возбужденіи міровой войны „by a deliberate and infamous conspiracy against the liberties of the world“ *) и могъ до того забыть, что назвалъ всѣ наши прежнія вниманія по адресу Англіи, всѣ визиты и попытки къ установленію добрыхъ отношеній съ ней, нѣмецкими „Judaskisses“. А нынѣшній англійскій премьеръ Асквиль отвѣтилъ на предупредительную рѣчь Германскаго Канцлера съ такой рѣзкостью, которая не допустима даже въ военное время по отношенію въ руководящему государственному дѣятелю недавно еще дружественной страны.***) Въ сознаніи, что миръ и дружба между Германіей и Англіей одинаково благотворны для обѣихъ странъ, Виль-

*) „Предумышленнымъ и гнуснымъ заговоромъ противъ міровыхъ вольностей.“

**) Прим. переводчика: Это болѣе чѣмъ странное замѣчаніе автора отражаетъ, какъ-бы, сожалѣніе о происшедшемъ разрывѣ

гельмъ II съ неутомимой энергіей работалъ со дня своего воцаренія надъ созданіемъ хорошихъ отношеній между обѣими великими германскими націями. Во многихъ областяхъ оба народа имѣли параллельные интересы. Фактъ, что опасность вооруженныхъ столкновеній между Англіей и Германіей не разъ уже была близка, не доказывалъ еще, что возможность конфликта только отсрочена, но не упразднена. Уже нерѣдко случалось, что, исчерпавъ всѣ средства мирнаго улаженія, дипломатія должна была предоставить военной силѣ дальнѣйшія рѣшенія. Но иногда бывало достаточно близости критическаго момента, чтобы подвинуть впередъ застрявшіе переговоры и привести ихъ къ конечному примирительному результату. Воинственные облака присущи картинѣ политическаго неба; но число облаковъ, раздражающихся грозю, несомнѣнно меньше тѣхъ, которыя разсѣиваются. Пожалуй еще болѣе значительныя опасности угрожали миру между Англіей и Франціей въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка и въ эпоху Второй Имперіи. Равнымъ образомъ казалась неизбежной война между Россіей и Англіей въ 1885 году въ виду обостренія афганскаго вопроса. Всѣ эти грозныя тучи разошлись, не разразившись катастрофами. При этомъ я невольно припоминаю, какъ четыре года послѣ Франкфуртскаго мира, когда въ газетѣ „Post“ появилась сенсационная статья о близости новой войны съ Франціей, Бисмаркъ критиковали съ разныхъ сторонъ за то, будто онъ не хочетъ понять, что война неминуема. Послѣ Берлинскаго конгресса и еще болѣе въ зиму 1887/88 г. упрекали Бисмарка въ томъ, что не смотря на панславистскія теченія и военныя приготовленія Россіи онъ старается сохранить миръ. Бисмаркъ не далъ ввести себя въ заблужденіе. Онъ велъ три войны, но умѣлъ избѣгать конфликтовъ, которыхъ онъ не желалъ.

Бисмаркъ не раздѣлялъ наивнаго взгляда, будто война неминуемое явленіе природы, какъ землетрясеніе или грозовой дождь. Не смотря на угрожавшіе въ 1875 г., 1878 г. и 1887/88 г.г. конфликты онъ сумѣлъ сохранить миръ. Мнѣ приходилось слышать, что было-бы лучше, если бы война разразилась въ 1905 году по поводу Марокко или въ 1909 г. изъ за Боснійскаго кризиса. Что бы случилось, если бы тогда произошло военное столкновение, настолько же трудно теперь сказать, какъ и предугадать, возгорѣлась ли бы позже міровая война, если бы въ Іюль 1914 г. не произошло столкновения, или наоборотъ, наступили ли бы событія, которыя на долго-бы исключили возможность всеобщей войны. Во всякомъ случаѣ, не въ интересахъ Германіи было затѣвать міровую войну. За нѣсколько недѣль до ея начала Бельгійскій Посланникъ Баронъ Бейэнсъ доносилъ своему правительству: „въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ равновѣсіе силъ между Германіей и Франціей измѣнится. Германіи только слѣдуетъ имѣть терпѣніе, продолжать заботиться въ мирное время о дальнѣйшемъ своемъ финансовомъ и экономическомъ развитіи и выждать результатъ перевѣса численности своей рождаемости, чтобы, не встрѣчая противодѣйствія и безъ борьбы, господствовать въ центральной Европѣ.“ Уже это соображеніе доказываетъ неосновательность обвиненія, будто Германія желала войны. Германія стремилась къ восстановленію дружескихъ отношеній съ Англіей, но не боялась и плохихъ. Сообразно съ этимъ официальная Германія и нѣмецкая нація должны были поставить себя относительно Англіи. Запальчивая политика была настолько же непригодна, какъ и политика ухаживанія. Долгое время германская внѣшняя политика состояла въ извѣстной степени въ зависимости отъ вопросовъ вооруженія, и ей приходилось работать при ненормальныхъ условіяхъ. По-

созданіи флота, было восстановлено нормальное положеніе, и готовое вооруженіе находилось въ распоряженіи политики. Дружба или вражда, опирающаяся на сильный флотъ Германіи, получили для Англіи иное значеніе, чѣмъ дружба или вражда съ слабой морской державой. Англія не пожелала дружить съ нами и отвергла протянутую ей руку. Она полагала извлечь большую пользу изъ вражды къ Германіи. Исторія Англіи, которая была всегда безпощадна къ побѣжденнымъ, даетъ намъ представленіе о томъ, что могло бы ожидать насъ въ случаѣ пораженія. Разъ рѣшившись на борьбу, Англія вела свои войны, пользуясь всѣми средствами. Англійская политика всегда руководствовалась тѣмъ, что Гамбетта называлъ *la souveraineté du but*. Съ Англіей мы можемъ бороться только съ одинаковой рѣшимостью и съ твердымъ сознаниемъ цѣли. Воюя съ ней въ первый разъ въ исторіи, мы должны приложить всѣ силы и не брезгать никакими средствами, чтобы добиться побѣды и открыть себѣ свободный путь. Послѣ войны, которую Германія ведетъ съ небывалымъ героизмомъ, но и съ громадными жертвами противъ полъ-міра, мы должны добыть, кромѣ собственной безопасности и независимости на морѣ, достаточныя и реальные гарантіи свободы морей въ цѣляхъ дальнѣйшаго осуществленія задачъ нашей міровой и экономической политики. Въ этомъ отношеніи исходъ великой борьбы явится рѣшающимъ, какъ для конечнаго результата, такъ и для общей оцѣнки всей войны.

Германская міровая политика.

Германская политика сумѣла еще до созданія сильного флота обезпечить себѣ важныя точки опоры въ цѣляхъ своихъ міровыхъ интересовъ. Она расширяла

и развивала свои колоніальныя владѣнія. Первое возстаніе гереро въ юго-восточной Африкѣ было подавлено съ большими усилиями. Надо надѣяться, что кровь нѣмецкихъ борцовъ не была напрасно пролита тамъ и что послѣ нынѣшней войны Германія вернетъ себѣ эту первую свою африканскую колонію съ ея алмазными залежами.

Въ 1897 году Германія заняла Кіао-Чау и заключила, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Шантунскій договоръ съ Китаемъ, обезпечившій ей мѣсто "на солнечной сторонѣ", на побережьи Тихого океана. До исхода XIX вѣка Европа могла касаться только окраинъ Китая, затѣмъ же открылся доступъ и во внутрь страны. Послѣ паденія Тцингъ-Тау одинъ нѣмецкій путешественникъ писалъ въ „Neue Freie Presse“, что съ утратой этой колоніи рушится одна великая надежда на будущее. Но мы уповаемъ на то, что благодаря настоящей войнѣ мы не навсегда потеряли положеніе, которое мы создали себѣ на Дальнемъ Востока со времени боксерскаго возстанія. По окончаніи испано-американской войны, Германіи представилась возможность заручиться, въ 1899 году, опорнымъ пунктомъ въ Полинезіи, путемъ приобрѣтенія Каролинскихъ и Маріанскихъ острововъ, а годъ спустя, былъ удачно улаженъ соглашеніемъ съ Англіей и Америкой споръ изъ за Самоа. Приобрѣтеніемъ Самоа и Каролинскихъ и Маріанскихъ острововъ завершились долготѣтнія старанія нашей дипломатіи, и мы не теряемъ надежды, что мы теперь не окончательно ихъ лишились. Осенью 1898 года было приступлено къ осуществленію проекта Багдадской желѣзной дороги, которая должна открыть вліянію и предпріимчивости Германіи обширнѣйшее поле дѣйствія. Германія стала не только съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ, но и по своимъ политическимъ средствамъ, міровою

державою въ томъ смыслѣ, что она можетъ простираť свою руку въ отдаленнѣйшіе края свѣта. Германія создала себѣ, въ лицѣ своего флота, орудіе національной обороны и безопасности и никогда имъ для другихъ цѣлей не пользовалась.

Сто лѣтъ спустя послѣ войны за освобожденіе и четверть вѣка по воцареніи Вильгельма II, закладка фундамента германской міровой политики могла считаться, въ общемъ, вполне законченной. Германія достигла намѣченной цѣли созданиемъ своего флота и преодоленіемъ препятствій, какъ въ области внѣшней, такъ и внутренней своей политики.

Въ теченіе перваго десятилѣтія послѣ внесенія морского законопроекта 1897 года, Германія прошла критическій фазисъ своей внѣшней политики, ибо она должна была создать себѣ морскую оборону, будучи въ то время еще почти беззащитной на морѣ. Германія пережила этотъ періодъ, не поступившись своимъ престижемъ и достоинствомъ. Осенью 1897 года въ англійскомъ журналѣ „Saturday Review“ появилась известная статья, кончавшаяся словами „Germaniam esse delendam“. Двѣнадцать лѣтъ спустя, нѣкоторыя, даже нерасположенныя къ Германіи, англійскія газеты говорили, что положеніе Германіи стало болѣе внушительнымъ и сильнымъ, чѣмъ оно было до ухода Князя Бисмарка. Съ тѣхъ поръ совершился переходъ Германіи къ міровой политикѣ. Сохранивъ полное спокойствіе во время бурской войны, Германія не подавала Англіи и въ дальнѣйшемъ повода помѣшать росту германскаго флота. Съ другой стороны, при строгомъ соблюденіи интересовъ Тройственного Союза она избѣгла столкновеній съ Двойственнымъ Союзомъ, которыя могли бы задержать осуществленіе нѣмецкой морской программы. Повторяю, что между англо-французскимъ соглашеніемъ и Двойственнымъ Союзомъ.

Германія шла узкою тропинкою, которая все болѣе суживалась по мѣрѣ того, какъ англо-французское соглашеніе расширялось въ Тройственное Соглашеніе, и по которой она могла только съ трудомъ двигаться впередъ, когда Англія стала окружать Германію сѣтью союзовъ и соглашеній. Когда же, наконецъ, проявился горизонтъ международной политики во время боснійскаго кризиса и когда мощь германской континентальной политики порвала путы политики „окруженія“, то вопросъ объ обладаніи сильнымъ флотомъ миновалъ уже опасный подготовительный періодъ.

Мысль о флотѣ въ Германіи.

На ряду съ препятствіями во внѣшней политикѣ, пришлось преодолевать затрудненія и во внутренней, Нѣмцамъ вообще не дано идти радостно и добровольно на встрѣчу требованіямъ новыхъ эпохъ. По выраженію Гете, нѣмцы тяжеловѣсны. Борьба у нихъ между старымъ и новымъ временемъ болѣе длительна, чѣмъ у другихъ народовъ. Это проявлялось въ каждомъ фазисѣ нѣмецкаго національнаго развитія. Съ другой стороны, присущее нѣмцамъ критическое отношеніе къ новизнѣ ограждало ихъ отъ опрометчивыхъ увлеченій. Если же нѣмецкое общество убѣждается въ необходимости данной мѣры, то создавшееся мнѣніе получаетъ несокрушимую силу.

Мысль о необходимости флота стала теперь общимъ достояніемъ всѣхъ нѣмцевъ. Отъ ярыхъ аграріевъ до крайнихъ либераловъ нѣтъ болѣе принципиальныхъ противниковъ германской морской политики.

Позволю себѣ заключить свой очеркъ разсказомъ о посѣщеніи Бисмаркомъ, послѣ его отставки, Гам-

бургской гавани, гдѣ онъ уже давно не бывалъ. Когда извѣстный директоръ Гамбургъ-Американской пароходной линіи, Балинъ, привелъ восьмидесятилѣтняго князя на одинъ изъ новыхъ трансатлантическихъ пароходовъ, то Бисмаркъ остановился и долго всматривался въ окружающія суда, доки и во всю грандіозную картину порта и сказалъ: „Вы видите, что я пораженъ и взволнованъ. Да, это новый періодъ; это—совсѣмъ новый міръ.“ Великій основатель имперіи, осуществившій задачи континентальной политики Германіи, прозрѣлъ на закатѣ своихъ дней безпристрастнымъ взглядомъ генія будущность, т. е. новыя задачи міровой политики Германіи.

Благодаря міровой войнѣ, гамбургскій портъ захитъ и германскій коммерческій флагъ исчезъ съ моря. Но задача германской арміи, которая борется за упроченіе континентально-политической гегемоніи Германіи, заключается также въ томъ, чтобы оживить вновь нѣмецкія гавани и открыть навсегда для германской міровой политики свободный доступъ къ океану.

Сила обороны и милитаризмъ.

Сила обороны и милитаризмъ.

Новая Германская Имперія, которая въ процессѣ своего небывалаго подъема нашла путь къ міровой торговлѣ и міровому хозяйству, создала себѣ своимъ флотомъ міровую политическую оборону. На ту высь, съ которой нѣмецкій народъ могъ обратить взоры на весь міръ, Германія была поднята на плечахъ своей арміи. Въ настоящей войнѣ мы познаемъ, что всю тяжесть борьбы за будущность міровой политики Германіи несетъ, въ первую очередь, вооруженный народъ, который въ батальонахъ, батареяхъ и эскадронахъ арміи сражается на западномъ, восточномъ и южномъ фронтахъ. Оборона, созданная Пруссіей, унаслѣдована новой Германской Имперіей какъ лучшее ея достояніе, ограждающее народъ и страну отъ цѣлаго міра враговъ. Вновь оправдывается старая истина, что государства сохраняютъ себя тѣми силами, которыя взростили ихъ.

Исторія Бранденбурга-Пруссіи, достигшая съ основаніемъ имперіи подъ предводительствомъ Пруссіи первой, но не окончательной, степени своего германскаго развитія, является исторіей прусской арміи и, въ своихъ колебаніяхъ, исторіей измѣнявшагося прусскаго военнаго счастья. Это не произвольный пріемъ преподаванія, а логическое послѣдствіе историческихъ фактовъ, что нѣмецкое юношество начинаетъ изученіе отечественной исторіи съ военной исторіи, т. е. съ описанія успѣховъ побѣдоносныхъ кампаній и неумолимо тяжелыхъ послѣдствій проигранныхъ сраженій. Въ этомъ отношеніи прусская исторія отличается отъ исторіи другихъ современныхъ государствъ и можетъ быть только сопоставлена съ исторіей древней римской

республики. Въ XVII в. Франція могла достигъ положенія господствующей въ Европѣ великой державы благодаря геніальному руководству Ришилье и тонкому, непроницаемому дипломатическому искусству Маза-рини, ученика Макиавелли; а въ XVIII в. завершить послѣ блестящихъ походовъ Тюренна и Кондэ, несмотря на неблагопріятныя военныя послѣдствія войны изъ-за испанскаго наслѣдства, свое поразительное политическое и культурное развитіе, оставаясь почти не затронутой безславнымъ пораженіемъ при Росбахѣ. Лишь въ эпоху великой революціи исторія Франціи вступаетъ въ суровую школу военного режима, съ которымъ Пруссія успѣла уже свыкнуться въ теченіе четырехъ поколѣній. Англія могла вдаль отъ европейскихъ раздоровъ высвободить и организовать въ теченіе обѣихъ революцій въ XVII в. тѣ силы, которыя поставили ее на путь къ міровому господству, и восторжествовать въ XVIII в. съ незначительными военными средствами надъ своимъ французскимъ соперникомъ, связаннымъ на континентѣ походами Фридриха Великаго.

На начатой Петромъ Великимъ и продолженной его наслѣдниками и ихъ нѣмецкими совѣтчиками организаціи мощи народностей Россійской Имперіи почти не отражались, послѣ побѣды надъ Швеціей, успѣхи и неудачи военныхъ предпріятій. Цорндорфская побѣда не оставила какихъ либо слѣдовъ въ русской исторіи, а лишь когда вихрь войнъ французской революціи втянулъ Россію въ борьбу европейскихъ державъ за существованіе, русская исторія получила тотъ опредѣленный военный оттѣнокъ, который она сохранила по сей день.

Габсбургская монархія вступила въ XVII в. въ полномъ обладаніи унаслѣдованной старой нѣмецкой имперской власти, которая зиждилась на традиціяхъ

Габсбургскаго Дома. Историческая судьба Австріи зависѣла отъ меча. Во время турецкихъ войнъ рѣшался вопросъ дальнѣйшаго существованія Габсбургской монархіи, а на поляхъ сраженія въ Селизін и Богеміи была рѣшена судьба старой, связанной съ габсбургской короной, идеи германской имперіи. Но благодаря тому, что Вѣнскій Кабинетъ всегда обладалъ искусствомъ добиваться конечныхъ результатовъ путемъ дипломатическихъ торговъ, избѣгая послѣдствій боевыхъ рѣшеній,—войны XVIII в. не составили для Австріи эпохи внутренняго ея развитія. Сліяніе государственнаго образа мысленія съ военнымъ должно было поэтому совершиться въ дальнѣйшемъ будущемъ. Иначе обстояло дѣло въ Бранденбургѣ—Пруссіи.

Осторожной и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительной политикѣ стремящагося къ господству владѣтельнаго Дома Гогенцоллерновъ удалось, до начала знаменательнаго съ точки зрѣнія государственнаго склада Европы XVII-го столѣтія, пріобрѣсти и закрѣпить за собою цѣлый рядъ областей въ теченіе длившагося около двухъ столѣтій процесса разложенія средневѣковой Германской Имперіи. Эта совершенно искусственно созданная, не защищенная естественными границами и не сдерживаемая ни единствомъ племеннаго быта, ни вѣковыми традиціями, государственная формація сложилась безъ примѣненія особой военной энергіи въ тѣ времена, когда Германія почти не была затронута какими либо великими военными событіями. Но въ бурныя времена и при безпокойномъ положеніи въ Европѣ она могла быть сохранена лишь военными мѣрами. Это ясно сознавалъ Великій Курфюрстъ, ставшій во время хаотическихъ замѣшательствъ тридцатилѣтней войны у кормила правленія послѣ своего безвольнаго и слабого отца. Онъ спасъ государство тѣмъ, что поставилъ его на фундаментъ военной мощи и, опираясь на со-

зданное имъ въ краткій срокъ войско, добился отъ утомленныхъ тридцатилѣтней войной европейскихъ государствъ признанія требованій Бранденбурга. При заключеніи Вестфальскаго мира Гогенцоллернская монархія выступила уже какъ военная держава съ сознательной волей. Съ тѣхъ поръ Бранденбургъ сталъ принимать участіе въ континентальной политикѣ Европы, при чемъ, становясь оплотомъ Сѣверной Германіи, долженъ былъ отстаивать свои права военной силой и могъ добиваться даже сравнительно скромныхъ требованій лишь только тогда, когда пускалъ въ ходъ свои батальоны.

Бранденбургъ-Пруссія не имѣла выбора подобно южно-германскимъ государствамъ, находящимся въ несравненно лучшихъ географическихъ условіяхъ: либо стремиться къ расширенію своего значенія подъ постоянной угрозой военныхъ осложненій, либо заботиться только о сохраненіи унаслѣдованнаго достоянія вдали отъ споровъ остальной Европы, не рискуя своими военными силами. Бранденбургу-Пруссіи оставалось одно изъ двухъ: увеличиваться и усиливаться или совсѣмъ не быть. Всѣ три, различныя по величинѣ, прусскія области, на западѣ, въ центрѣ и на востокѣ Германіи, не были защищены естественными преградами. Прирейнскія и восточно-пруссскія владѣнія находились въ фокусѣ европейскихъ споровъ. Уже Великому Курфюрсту пришлось изъ за ихъ независимаго сохраненія въ составѣ государства столкнуться съ Польшей, Франціей и Швеціей. Онъ имѣлъ случай убѣдиться на опытѣ, насколько уязвимъ Бранденбургъ для враговъ, когда въ битвѣ при Фербеллинѣ онъ долженъ былъ защищать страну противъ вторженія шведовъ. Побѣда при Фербеллинѣ явилась началомъ военныхъ традицій прусской исторіи, между тѣмъ какъ столкновение бранденбургскихъ войскъ съ арміей Людовика XIV на Рейнѣ

ознаменовало вступленіе гогенцоллернской монархіи въ кругъ европейской континентальной политики. Сила бранденбургъ-прусской обороны была основана на обоихъ главныхъ началахъ національно-государственной жизни: на любви къ отчизнѣ и родинѣ и на идеѣ государственнаго могущества, согласно ея двоякой задачѣ, защищать постоянно угрожаемое отечество и проявлять и расширять внѣшнюю силу государства. Именно это обстоятельство, что на силу обороны Пруссіи выпала съ самаго начала задача защиты отечества, какъ при Фербеллинѣ, такъ тоже и въ семилѣтнюю войну, связало жизнь и судьбу арміи съ жизнью и судьбой прусскаго народа и внѣдрило военные традиции въ память и сознаніе всего народа безъ различія сословій и положенія. Сліяніе народа и арміи могло поэтому совершиться въ Пруссіи на цѣлое столѣтіе раньше, чѣмъ въ остальной Европѣ, не смотря на аристократическій характеръ офицерства и смѣшеніе батальоновъ съ наемными солдатами.

Во Франціи армія была до 1793 г. преимущественно орудіемъ дипломатіи. Не только Вольтеръ, но и весь Парижъ принялъ извѣстіе о пораженіи при Росбахѣ съ усмѣшкой, въ виду того, что разбитый Фридрихомъ Великимъ и Зейдлицемъ Субизъ былъ нелюбимъ какъ фаворитъ Помпадуръ. Русскія военные силы дрались послѣ Нарвы и Полтавы въ пользу иноземныхъ комбинацій, о которыхъ знали лишь при Дворѣ, и могло статься, что послѣ смерти Императрицы Елизаветы онѣ должны были перейти на сторону Фридриха Великаго, противъ котораго онѣ воевали въ теченіе шести лѣтъ. Лишь благодаря событіямъ 1812 года русскій народъ связалъ свою участь съ судьбой русской военной силы. Въ Англіи совершается только въ нынѣшнюю міровую войну превращеніе въ народную армію наемнаго войска, предводительствуемаго офи-

церами изъ дворянъ, которое исполняло до сихъ поръ почти только задачи колониальныхъ войскъ.

Въ войнахъ, которыя Пруссія должна была вести въ теченіе четверти тысячелѣтія, сама страна не пострадала отъ нашествія непріятельскихъ войскъ и бѣдствій войны, только въ 1866 и 1870/71 г.г. — Фербеллинъ, Цорндорфъ, Эйлау и Фридландъ, Кацбахъ, Гросс-Беренъ и Вартенбургъ свидѣтельствуютъ о томъ, что свобода и существованіе родины и народа зависѣли только отъ побѣдъ и поражений войска. Въ нынѣшнюю войну то же самое означаютъ имена Танненбергъ, Ангербургъ и Мюльгаузенъ. Исторія рано научила нѣмцевъ помнить, что въ первую очередь сила вооруженія должна преслѣдовать цѣль защиты и обороны отечества.

Будучи принуждена вооружаться для обезпеченія своихъ незащищенныхъ никакими естественными преградами границъ, Пруссія приобрѣла по необходимости самосохраненія свою внѣшнюю боевую силу, которою она увеличивала свою мощь. Съ момента пробужденія гогенцоллернской монархіи къ самостоятельной жизни въ Европѣ, остальная Европа не оставляла ее въ сомнѣніи относительно того, что возникшему юному государству ничего не будетъ предоставлено кромѣ того, чего оно само добьется съ мечемъ въ рукахъ. Великій Курфюрстъ позналъ въ поммеранскомъ и силезскомъ вопросахъ, а за нимъ и Фридрихъ-Вильгельмъ I, что великія державы не склонны признавать правъ Пруссіи. Сознавая съ самаго начала своего вступленія на путь континентальной политики всю безнадѣжность успѣха дипломатическихъ выступленій, Пруссія могла ожидать признанія своихъ правъ лишь только отъ рѣшеній военною силою. Фридрихъ Великій руководствовался этимъ опытомъ, возбудивъ силезскій вопросъ лишь по окончаніи данныхъ имъ

сраженій. Лишь семилѣтняя война обезпечила за Пруссіей право голоса въ европейскомъ ареопагѣ. Первое безкровное территориальное приобрѣтеніе Пруссія получила при раздѣлѣ Польши, но именно она-то и явилась какъ бы позднимъ плодомъ семилѣтней войны. Въ эпоху Наполеона I прусская внѣшняя политика зависѣла единственно отъ меча. Войной были добыты границы 1815 г. Послѣ долгихъ безплодныхъ попытокъ достигнуть единенія Германіи безъ кровопролитныхъ конфликтовъ, рѣшеніе германскаго вопроса было достигнуто лишь тогда, когда Бисмаркъ сумѣлъ найти его, согласно прусскимъ традиціямъ, на полѣ брани. Кровь и желѣзо отмѣчаютъ каменистый путь континентальной политики Пруссіи, и каждый ея значительный успѣхъ осѣненъ знаменами прусской арміи.

На протяженіи всей исторіи Пруссіи будущность этого государства зависѣла отъ боевой готовности его вооруженныхъ силъ, и такимъ образомъ оправдываются слова Фридриха Великаго, сказавшаго, что „мѣръ не покоится надежныѣ на плечахъ Атласа, чѣмъ Пруссія на плечахъ своей арміи“.

Армія великаго государства является въ своихъ достоинствахъ и недостаткахъ, а равно и, по своей традиціонной самобытности, выраженіемъ государственнаго склада. Измѣненіе конституціоннаго характера государства не можетъ не отразиться также на его арміи. Во Франціи армія бурбонскихъ королей превратилась, во времена французской революціи, въ революціонное войско, съ возникновеніемъ наполеоновской имперіи она стала la grand armée съ ея молодымъ и честолюбивымъ генералитетомъ и преобразовалась послѣ паденія второй имперіи въ народное войско. Англійская армія съ ея знатымъ офицерствомъ и наемными солдатами была отраженіемъ аристократическаго режима. Благодаря упадку господствовавшаго вліянія Верхней па-

латы и сближенію англійскаго государственнаго быта съ формами правленія романской демократіи, положень, въ настоящую міровую войну, и въ Англіи путь къ образованію народнаго войска. Британская армія врядъ-ли когда либо станетъ на подобіе прусской монархическимъ войскомъ, но останется, при обладаніи въ англійской конституціи вѣса парламента, парламентскимъ войскомъ, каковымъ она и была съ самаго начала. Прусская армія была созданіемъ монархіи и осталась монархической. Настоящая германская армія есть армія монархическая, ибо германская имперія является въ полномъ смыслѣ слова государствомъ монархическимъ. Армія была создана прусскими королями въ то время, когда во всѣхъ европейскихъ континентальныхъ государствахъ господствовалъ принципъ абсолютизма въ видахъ сохраненія и расширенія ихъ могущества. То были наемныя войска, набранныя въ различныхъ странахъ, но предводительствуемая мѣстнымъ аристократическимъ офицерствомъ. Между тѣмъ, какъ въ большинствѣ государствъ Европы арміи сохранили во времена абсолютизма свой первоначальный характеръ, прусской арміи было дано гогенцоллернами вполнѣ самобытное развитіе. Король Фридрихъ-Вильгельмъ I былъ не только суровымъ учителемъ потсдамскаго „вахтпарада“, но и творцомъ духа прусской арміи..... Изъ дюжихъ и храбрыхъ „юнkerовъ“-помѣщиковъ онъ создалъ корпусъ прусскихъ офицеровъ съ ихъ щепетильными понятіями о служебномъ долгѣ и чести, ихъ тѣсной связью съ нижними чинами, чувствомъ товарищества, военной гордостью и вѣрностью монархіи. Король, носившій солдатскій мундиръ, былъ первымъ офицеромъ арміи, а офицеры, носившіе королевскій мундиръ, образовали высшее сословіе въ государствѣ, къ которому принадлежалъ самъ король. Тотъ же самый монархъ, ко-

торый крѣпко связалъ армію съ королевской короной первымъ изъ великихъ военныхъ организаторовъ понималъ необходимость тѣсной связи арміи съ народомъ, такъ что въ ней слились во-едино корона, народъ и государство. Устремляя взоръ за предѣлы своего времени, онъ писалъ въ военномъ регламентѣ: каждый прусскій подданный рожденъ для несенія оружія“. Это была идея всеобщей воинской повинности, рожденная не французской революціей, а прусской короной. Ранѣе Лафайета и Карно прусскій король носился съ мыслью создать армію путемъ обязательнаго призыва на военную службу всѣхъ способныхъ къ несенію оружія гражданъ, т. е. установить взаимное проникновеніе войска и народа.

Но эта мысль была еще преждевременна. Лишь послѣдующая прусская исторія создала необходимыя для ея осуществленія условія. Потребовалась семилѣтняя борьба для объединенія въ Пруссіи монархіи съ правительствомъ и народомъ. За послѣдніе годы войны, Фридрихъ Великій пополнилъ армію почти исключительно своими подданными, и прусскій народъ сталъ понимать, что военный наборъ менѣе страшенъ, чѣмъ вторженіе непріятеля и вражеское опустошеніе. Первыя побѣды Фридриха Великаго внушили народу извѣстное чувство національной гордости, пробудивъ въ немъ вмѣстѣ съ тѣмъ большую отзывчивость къ судьбамъ государства. Годины тяжелыхъ испытаній и грозящая опасность пораженія вызвали болѣе ясное государственное самосознаніе и болѣе осязательное отраженіе судеб монархіи на всей народной жизни. Войско, государство и народъ стали сростаться. Въ теченіе же двухъ послѣдующихъ десятилѣтій блѣдной кабинетной политики и безсильныхъ подчасъ военныхъ экспедицій сознаніе этого единства исчезло. Оно воскресло съ новой силой, когда гибельное пораженіе прусской арміи при Іенѣ

привело къ изувѣченію Пруссіи и къ французскому господству. Прусскому народу стало ясно, что ему не измѣнить иначе своей судьбы, какъ только силой оружія и побѣдами прусской арміи. Не понадобилось бы и французскаго примѣра, чтобы приготовить въ Пруссіи почву для всеобщей воинской повинности. Ея введеніе явилось національной потребностью.

То было счастіемъ Пруссіи, что за всякое ослабленіе народной и государственной энергіи ей приходилось жестоко расплачиваться; но ея счастливая судьба сказывалась и въ томъ, что въ наиболѣе тяжелыя минуты ея существованія она находила своихъ спасителей. Когда насталъ часъ крайней необходимости пересоздать силу прусской обороны, явился Шаренгорстъ. Онъ создалъ тѣ формы, въ которыя влилась въ 1813 и 1814 г.г. вся сила вооруженнаго народа. Духъ освободительныхъ войнъ не заступилъ мѣсто духа армій Фридриха Великаго и Фридриха-Вильгельма I, но слился съ нимъ. Офицерство, поставленное на болѣе широкую почву образованнаго „бюргерства“, восприняло традиціи стараго прусскаго офицерскаго корпуса, а войско вступило въ его школу подъ водительствомъ короля.

Въ виду того, что прусская армія, составляя часть общей народной жизни, продолжала всетаки опираться на традиціи существовавшія свыше полутора столѣтій, она не могла быть затронута бурей мартовской революціи. Она въ такой степени являлась носительницей и созидательницей великихъ европейскихъ государственныхъ задачъ, что она стояла выше тѣхъ раздоровъ, которые велись внутри государства изъ за назрѣвшихъ вопросовъ о его преобразованіи. Каждый пруссакъ становился со вступленіемъ на военную службу, не взирая на его политическія убѣжденія, какъ бы непосредственнымъ слугою государства и короля, былъ носителемъ государственной идеи и на-

ціональнаго самосознанія въ чистѣйшемъ и никакими политически тенденціями неискаженномъ видѣ. Послѣдующія поколѣнія ничего не могли измѣнить въ этомъ отношеніи, и въ настоящую мировую войну весь вооруженный германскій народъ воодушевленъ національнымъ идеализмомъ, который и является духомъ арміи.

Среди всего великаго, что Пруссія дала Германіи, величайшимъ даромъ останется создавшаяся вѣками прусская армія, которую бури и невзгоды могли лишь усилить и усовершенствовать. Остальныя нѣмецкія государства сами собою восприняли традиціи прусской арміи. Полнаго своего развитія всеобщая германская армія достигла на французскихъ поляхъ сраженія, когда весь германскій народъ взялся за оружіе и сражался, какъ его научила Пруссія. Между тѣмъ какъ въ настоящее суровое время германскій народъ ожидаетъ отъ усилій всѣхъ нѣмецкихъ соплеменниковъ, безъ различія государственной и родовой ихъ принадлежности, осуществленія великой будущности нѣмецкаго отечества, за-границей съ яростью поносятъ прусскій милитаризмъ, которымъ воодушевлена нынѣ вся вооруженная Германія.

Было время, и оно еще не такъ далеко ушло, когда нѣкоторые нѣмецкіе доктринеры, не наученные и не могущіе быть наученными опытомъ, кисло мечтали о такой будущности, которая избавила бы нѣмецкую жизнь отъ гнета прусскаго милитаризма. Урокъ, который не могла дать прошлое, дала настоящая дѣйствительность, когда милитаризмъ призванъ спасти будущность и свободу Германіи.

Нѣтъ государственнаго строя, въ которомъ не существовало бы теченій протеста противъ того, что у него есть лучшаго и сильнаго. Нерѣдко подобные протесты возникаютъ при сличеніи своихъ собствен-

ныхъ государственныхъ установленій съ иностранными. Правительства, уступающія теченіямъ, которыя ищутъ чужихъ примѣровъ для реформъ и внутреннихъ преобразованій, забываютъ, что они въ первую очередь должны охранять самобытность и силу ввѣренной ихъ попеченію страны. Для нѣмецкаго народа, отличавшагося способностью устремлять взоры и за предѣлы своего отечества и улавливать черты духовной и культурной самобытности въ жизни другихъ націй, всегда существовала большая опасность, заключающаяся въ томъ, что чужіе политическіе порядки невольно разсматривались имъ какъ достойные подражанія примѣры. Подобныя теченія обнаружили напр. въ XIX в., когда Германія дозрѣла до конституціоннаго режима; нѣкоторые нѣмецкіе ученые и неученые люди серіозно призадумывались надъ выборомъ для нея французскаго или англійскаго образа правленія. Для скорѣе слабыхъ, чѣмъ сильныхъ, правительствъ тѣхъ критическихъ временъ было не легко связать съ монархическимъ фундаментомъ самобытнѣйшій строй государственной жизни Германіи. Преимущественно прусскому правительству пришлось бороться съ тѣми теченіями, которыя стремились коснуться традиціонныхъ порядковъ прусской арміи, теченіями, силившимися подорвать тѣсную связь арміи и офицерства съ монархомъ и втянуть ихъ въ кругъ парламентскихъ и политическихъ вліяній. Энергіи принца прусскаго, позднѣйшаго императора Вильгельма I, удалось удержать прусское войско въ унаслѣдовавшихъ традиціяхъ о строѣ и оградить отъ развитія, благодаря коему оно могло бы стать, по французскому образцу, „объектомъ и субъектомъ“ внутренней политической борьбы за власть. Подобное развитіе стало бы гораздо опаснѣе для Германіи чѣмъ для Франціи, народное войско коей не было какъ прусское дѣтищемъ монархіи, а твореніемъ республики и революціонныхъ партій.

Послѣ паденія королевскаго режима составъ французскаго офицерства зависилъ отъ политическихъ убѣжденій господствовавшихъ партій. Великіе полководцы революціонныхъ войнъ назначались и смѣнялись сообразно съ партійными вліяніями. Армія приняла также дѣятельное участіе въ послѣдующихъ государственныхъ переворотахъ. Партійныя теченія среди офицерства, которыя обнаружили въ дѣлѣ Дрейфуса, продолжаютъ до сихъ поръ сказываться при назначеніяхъ. Несмотря на то, что нынѣшнія дѣйствія французской арміи достойны только уваженія, и мы не можемъ не признать за французами права гордиться ихъ войскомъ, у насъ имѣется еще болѣе основаній быть благодарными за то, что германская армія переживаетъ нынѣшнюю міровую войну съ сохраненіемъ своихъ стародавнихъ традицій, являясь въ своей силѣ и волѣ воплощеніемъ стоящаго надъ всякими политическими счетами патриотизма.

Съ самаго начала войны Германія пожалуй болѣе всего удивила своихъ враговъ тѣмъ единодушіемъ воли, съ которымъ нѣмцы всѣхъ государствъ и партій встрѣтились съ тяжелой участію, чтобы побороть ее. Тѣ нѣмцы, которые не давали обмануть себя призракомъ внутреннихъ политическихъ раздоровъ на счетъ истиннаго содержанія національной жизни, ничего иного и не ожидали. За-границей же мало и почти ничего не знали о жившей въ нѣмецкомъ народѣ на ряду съ духомъ разлада силѣ единенія. Тамъ не знали и не могли можеть быть знать, что именно армія, которая призвала нѣмецкій народъ къ послѣднему великому испытанію его жизнеспособности, имѣла потому наибольшую возможность сплотить нѣмецкій народъ, что уже въ теченіе продолжительнаго мирнаго времени она оправдала себя какъ сила германскаго единства.

Отголоски общественнаго мнѣнія непріятельскихъ и нейтральныхъ странъ, изъ коихъ послѣднія въ боль-

шинствѣ враждебно настроены противъ насъ, доказываютъ какого рода представленія о прусско-германскомъ милитаризмѣ распространены въ свѣтѣ, который ненавидитъ нѣмецкій народъ, потому что его либо не знаютъ, либо опасаются. Но голосъ нашей національной совѣсти твердитъ намъ, что нѣмецкій милитаризмъ наилучшая часть нашего государственнаго, національнаго и народнаго развитія.

Ложная картина, которую наши враги видятъ передъ собой и въ подлинность коей они такъ слѣпо вѣрятъ, потому что, къ сожалѣнію и нѣмецкія руки участвовали въ ея созданіи, рисуетъ нѣмецкій милитаризмъ въ видѣ поставленной надъ народной жизнью деспотической власти, которая осуществляется по волѣ монархій военной касты, угнетая свободу нѣмецкаго народа и тормозя развитіе демократическихъ теченій нынѣшняго вѣка. Эта карриатура изображаетъ нѣмецкій милитаризмъ какъ темную силу Пруссіи, приковывающую отдѣльныя германскія государства противъ ихъ воли къ Имперіи. По распространенному за-границей мнѣнію, у мелкихъ германскихъ государствъ, будто-бы нѣтъ болѣе страстнаго желанія, какъ избавиться отъ гнета прусской военной организаціи и продолжать свое существованіе, согласно выраженію Трейчке „въ видѣ академіи искусствъ или биржи“. Нѣмецкій бюргеръ могъ бы только свободно вздохнуть, если-бы армія съ ея суровыми порядками была изъята изъ нѣмецкой жизни.

Мы не можемъ требовать отъ французовъ, чтобы они поняли, что постоянно угрожающій характеръ безпокойнаго французскаго тщеславія заставилъ въ концѣ концовъ Пруссію и Германію собрать всѣ свои военныя силы. Мы не ожидаемъ также отъ незнакомыхъ съ жизненными условіями континентальныхъ народовъ англичанъ пониманія того, какъ благодаря вѣчнымъ треніямъ между европейскими государствами усиливалось ихъ

вооруженіе и какъ Пруссія-Германія должна была сковать себѣ наиболѣе сильную броню и наиболѣе острый мечъ. Политическое перерожденіе Средней Европы стало осуществимымъ только благодаря непрерывнымъ войнамъ, а защита германскихъ границъ въ виду отсутствія естественныхъ преградъ возможной лишь силою оружія. Намъ нѣмцамъ вовсе нежелательно, чтобы враждебные намъ иностранцы уясняли себѣ, насколько было трудно націи, наиболѣе склонной къ вдумчивому и неустанному культурному труду, замѣнить вѣру въ свои идеалы вѣрою въ физическую силу. Надо надѣяться, что навсегда миновали тѣ времена, когда нѣмецкій народъ съ наивною вѣрой въ возможность успѣха рассчитывалъ на признаніе за-границей своей самобытности и своихъ внутреннихъ достоинствъ. Настало время, чтобы нѣмцы сами призадумались надъ собою. Они найдутъ тогда, гдѣ ихъ слабыя стороны и въ чемъ ихъ сила. Тогда нѣмецкій народъ можетъ установить передъ всѣмъ свѣтомъ, что лучшая, испытанная въ прошломъ и настоящемъ, его сила есть та, которая охраняетъ въ нуждѣ и опасности жизнь Германіи, т. е. нѣмецкій милитаризмъ.

Истинная картина милитаризма, какъ нѣмцы могутъ ее видѣть, совсѣмъ иная, чѣмъ та, которая живетъ въ предрассудкахъ и фантазіи иностраннаго общества. Она и не та, какъ рисовали ее въ самой Германіи до войны даже нѣкоторыя партіи, политическіе дѣятели и газеты, можетъ быть не въ полномъ согласіи со своимъ внутреннимъ чувствомъ, а въ политическихъ и тактическихъ цѣляхъ.

Армія является нынѣ тѣмъ, чѣмъ она стала въ исторіи, а именно самымъ яркимъ выраженіемъ единенія имперіи, правительства и народа. То же самое мы наблюдаемъ и во Франціи. Республиканское государство и французская нація срослись въ арміи. Ни одинъ нѣмецъ не будетъ этого отрицать и

не сомнѣвался въ томъ, когда надъ Европой разразилась гроза міровой войны. Соотвѣтственно инымъ условіямъ народной и государственной жизни, національное единеніе въ арміи проявляется въ Германіи въ другомъ видѣ. Этого не хотѣли понять за-границей и все считались съ существующимъ, будто-бы, антагонизмомъ между нѣмецкимъ войскомъ и народомъ.

Когда Князь Бисмаркъ произнесъ извѣстныя слова, что германскій вопросъ долженъ быть рѣшенъ кровью и желѣзомъ, то онъ отлично сознавалъ, что то-же оружіе, на которое онъ полагался для совершенія неминуемаго раздѣла съ Австріей, послужить и средствомъ для необходимаго единенія. Раньше еще чѣмъ французскія поля сраженія обагрились пролитой всѣми германскими племенами кровью за общее нѣмецкое дѣло, отдѣльныя нѣмецкія государства сдѣлали уже рѣшающій шагъ присоединенія къ Пруссіи воспріятіемъ формъ прусской военной организаціи. Военное единеніе предшествовало единенію политическому. Послѣ основанія имперіи, идея германскаго національнаго единства и сплоченія отдѣльных государствъ наиболѣе скоро и естественно осуществились въ арміи. Партикуляристическія колебанія, обнаруживавшіяся еще кое-гдѣ и послѣ 1871 года, совсѣмъ уже не затрагивали арміи. При всей своей привязанности къ мѣстному правительству, особливо къ данной династіи, офицеры нижніе чины на сѣверѣ и югѣ признавали въ первую очередь свою принадлежность къ германской арміи и являлись представителями вооруженнаго нѣмецкаго народа. Ни одна изъ государственныхъ организацій Пруссіи не растворилась такъ цѣликомъ въ имперіи, какъ армія. Поэтому и внутреннее сліяніе нѣмецкихъ союзныхъ государствъ съ Пруссіей совершилось именно путемъ воспріятія ими прусской

военной системы. Не смотря на вполне естественныя и характерныя особенности мѣстныхъ военныхъ континентовъ и на особое положеніе, предоставленное Баваріи, въ національномъ сознаніи существуетъ нынѣ лишь одна только единая армія. Геніальная прозорливость Бисмарка въ связи съ его способностью углубляться при взвѣшиваніи своихъ плановъ въ смыслъ исторіи и ходъ національнаго развитія не въ чемъ пожалуй не обнаружилась съ большей очевидностью, чѣмъ въ достигнутомъ имъ рѣшеніи государственнаго объединенія Германіи путемъ дипломатически подготовленныхъ войнъ. Эти войны дали внѣшней политикѣ Пруссіи, а затѣмъ политикѣ Сѣверо-Германскаго Союза, возможность добиться цѣли основанія Имперіи. Одновременно идея нѣмецкаго единства была изъята въ моментъ ея осуществленія изъ затхлой атмосферы внутренне-политическихъ споровъ и дразгъ. Независимо отъ множества предразсудковъ и партійныхъ теченій, которыми германская имперская идея была опутана свыше полстолѣтія, она была воспринята нѣмецкимъ народомъ, стоявшимъ тогда во всеоружіи на французской территоріи и основана на военныхъ традиціяхъ. Такимъ образомъ армія стала и по своему внутреннему складу носителемъ германской имперіи внѣ всякой внутренней политики, партикуляризма и партійности. Въ виду этого не могла не оказаться наиболѣе обманчивой надежда нашихъ враговъ въ настоящую войну на то, что повсемѣстный призывъ къ оружію и военной службѣ могъ бы возродить въ современной Германіи партикуляристическія преданія и пошатнуть единство имперіи. Военный обликъ, который Бисмаркъ сумѣлъ придать созданной имъ имперіи, въ одинаковой степени воплотилъ въ германской арміи имперскую идею, какъ въ свое время прусская армія воплотила въ себѣ прусскую государственную идею. И въ этомъ отношеніи войско совокуп-

ной Германіи вступило въ военныя традиціи Пруссіи открывъ имъ новую будущность.

Государственный партикуляризмъ, бывшій въ теченіе вѣковъ злосчастной долею Германіи, былъ сметенъ духомъ арміи. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій существованія имперіи до начала міровой войны армія была такимъ образомъ той коренной силой, которая сглаживала трещины въ политической, соціальной и религіозной жизни народа и воспитывала нѣмцевъ въ сознаніи національнаго единства. Подобное значеніе арміи создавалось какъ бы само-собою. Специфически нѣмецкая форма, въ которую Шарангорстъ облекъ идею всеобщей воинской повинности и которая была далѣе развита Вильгельмомъ I и Роономъ, могла безъ всякаго насильственнаго воздѣйствія со стороны включить въ себя всю самобытность нѣмецкой народной жизни. Въ противоположность Франціи прусская, а затѣмъ германская армія, никогда не подпадала вліянію господствовавшихъ политическихъ теченій. Она осталась настолько же незатронутой революціей, какъ и реакціей, тогда какъ французская армія должна была переродиться послѣ блестящей наполеоновской эпохи въ роялистическое и республиканское войско, а затѣмъ вновь въ наполеоновское и вторично въ республиканское. Между тѣмъ какъ культурная борьба вовсе не коснулась германской арміи, борьба между государствомъ и церковью распространилась во Франціи также и на войско. Если бы политическіе и конфессіональные споры перекинулись въ Германіи на армію, то послѣдствія были бы неисчислимы. Непосредственная связь между арміей и монархомъ въ Германіи означаетъ въ дѣйствительности только отчужденіе войска отъ политическихъ, и религіозныхъ и соціальныхъ споровъ націи, внѣ коихъ стоитъ и самъ монархъ. Государственное право отвѣчаетъ вполнѣ національнымъ потребностямъ и обезпечиваетъ каждому

гражданину, носящему мундиръ короля, на время военной службы, преимущество считать себя, безъ различія званія и сословія, исключительно только нѣмцемъ.

Не нужна была война для того, чтобы пробудить въ нѣмцахъ сознаніе, что призванный къ оружію и подъ знамена германскій народъ солидаренъ и стоитъ внѣ теченій и разногласій, которыя издревле волнуютъ нѣмецкую народную жизнь. Мы знали, что въ грозный часъ опасности долженъ проявиться съ новой силой тотъ духъ, который жилъ въ казармахъ и на плацъ-парадѣ, духъ облагороженнаго товариществомъ повиновенія, дисциплинированнаго единообразія и установленнаго равенства.

Германская армія, неразрывно связанная съ идеей имперскаго единства благодаря своимъ непосредственнымъ отношеніямъ вѣрности и повиновенія монарху, не является какъ бы только составной частью правительственной власти надъ народомъ, но частью самой национальной жизни. Подобно народному представительству въ парламентѣ, армія также, хотя и въ другомъ видѣ, является выраженіемъ народнаго единства. Въ арміи и въ военной службѣ не существуетъ никакихъ политическихъ и конфессіональных противорѣчій; въ арміи сглажены всѣ историческія различія, которыя потому такъ выпукло выступаютъ въ нѣмецкомъ народѣ, что историческое развитіе уберегло естественное разнообразіе нѣмецкой умственной и общественной жизни отъ разрушенія насильственными мѣрами сверху или напоромъ снизу. Всеобщая воинская повинность, какъ она дѣйствительно проведена въ Германіи, налагаетъ безъ различія на каждого нѣмца обязанность быть защитникомъ отечества.

Введеніемъ своей системы Шарангорстъ имѣлъ также въ виду использовать для арміи тѣ силы націи, которыя накапливаются въ ней именно благодаря различію

образовательнаго и соціального ценза. Порвавъ съ бывшимъ до той поры порядкомъ временъ Фридриха Великаго комплектованія корпуса офицеровъ исключительно изъ среды родовой аристократіи, творцы прусско-германскаго народнаго войска осуществили чисто нѣмецкую мысль, заключающуюся въ предоставленіи права на занятіе офицерскихъ должностей въ зависимости отъ извѣстной умственной подготовки. Такимъ образомъ вполне справедливое классовое дѣленіе населенія вошло въ бытъ арміи, не нарушая принципа равнаго для всѣхъ гражданъ долга. Демократическая по своему существу организація народнаго войска пріобрѣла вмѣстѣ съ тѣмъ современный аристократическій обликъ. Весьма удачной оказалась также мысль обусловить поступленіе въ корпусъ офицеровъ отъ выбора послѣдняго, что дало возможность сохранить въ войскѣ соціальныя различія. Ничто можетъ быть не обезпечило болѣе превосходство нашей арміи въ прошломъ и настоящемъ, какъ проникшее въ войско сознаніе, что начальствующими лицами должны естественно быть и получившіе лучшее воспитаніе и образованіе. Такимъ образомъ дисциплина и повиновеніе были обоснованы, независимо отъ внѣшнихъ предписаній, на довѣріи, которое именно простой человѣкъ въ Германіи питаетъ къ образованнымъ лицамъ. Міровая война доказала, что преданность безавѣтная храбрость являются достояніемъ каждаго нѣмецкаго воина. Равнымъ образомъ она свидѣтельствуетъ о безпримѣрномъ довѣрчивомъ отношеніи между офицеромъ и нижними чинами.

Подобно усовершенствованной организаціи католической церкви, установленія которой являются лишь внѣшними формами для внутреннихъ силъ, живущихъ въ католической религіи и въ вѣрующихъ католикахъ, германская армія представляетъ собою несравненную организацію, ибо въ своихъ порядкахъ и регламентахъ, какъ

и въ отношеніи къ государственной и національной жизни, она считается съ силами, коими живетъ и держится нація и имперія. Болѣе чѣмъ въ конституціи, гражданскомъ и публичномъ правѣ сказывается единство германскаго государства и народа въ арміи. Когда вся нація призывается къ оружію для защиты родины, то падаютъ тѣ преграды, которыя создаются политическими спорами, сглаживаются волнующія народъ разногласія. Великіе политическіе принципы, къ различному толкованію коихъ въ концѣ концовъ сводится вся политическая борьба, принципы монархическій, аристократическій, демократическій сливаются воедино, когда нѣмецкій народъ поголовно превращается въ армію подъ главенствомъ верховнаго вождя, подъ командой офицерскаго корпуса, обоснованномъ на аристократическомъ правѣ воспитанности и образованія, объединяясь въ духѣ товарищеской демократіи, который призываетъ всѣхъ нѣмцевъ, безъ различія соловій и положенія къ одному великому долгу и дѣлаетъ ихъ братьями въ часъ нужды и испытанія. Духъ нѣмецкаго милитаризма, созданный Пруссіей и воспринятый Германіей, настолько монархическій, какъ аристократическій и демократическій, и онъ пересталъ бы быть нѣмецкихъ и выраженіемъ боевой силы Имперіи, если-бы онъ въ чемъ либо измѣнился. Если враги его поносятъ, то мы знаемъ, что мы должны сохранить его, такъ какъ онъ обезпечиваетъ нашу будущность.

Настоящая безпримѣрная борьба, которую ведетъ Германія за свое существованіе, является испытаніемъ выносливости и силы того, что въ далекомъ и недавнемъ прошломъ создано въ Германіи правительствомъ и народомъ. Это относится въ первую очередь къ арміи. Какъ твореніе столѣтій она подвергнута наиболѣе сильному испытанію. Пожалуй Пруссія и Германія упустили согласовать нѣкоторыя унаслѣдованныя устройства съ

требованіями времени изъ опасенія, при переходѣ въ новый вѣкъ, утратить связь съ историческимъ прошлымъ. Арміи это не касается. Со временъ, когда Великій Курфюрстъ создавалъ первую бранденбургскую военную оборону, до новѣйшей эпохи, въ Германіи работали съ неустанной энергіей надъ усовершенствованіемъ арміи, было ли государство бѣднымъ или богатымъ, угрожаемымъ или въ безопасности, побѣдоноснымъ или безъ успѣховъ, исходило ли противодѣйствіе со стороны встревоженныхъ иностранныхъ правительствъ или отъ неразумнаго большинства въ представительныхъ палатахъ. Творцы армій постоянно заботились о томъ, чтобы духъ времени проникая въ войско, обновлялъ традиціи прошлаго. Такимъ образомъ изъ наемнаго войска, предводительствуемаго при Фербеллинѣ необтесанными юнкерами, создалась современная народная армія.....

Внутренняя политика.

Внутренняя политика.

Исторія нашей внутренней политики была до міровой войны, за исключеніемъ немногихъ свѣтлыхъ эпохъ, исторіей политическихъ ошибокъ. На ряду съ богатствомъ рѣдкихъ преимуществъ и большихъ достоинствъ, которыя даны германскому народу, онъ былъ до сихъ поръ лишенъ политическаго таланта. Ни одной націи не было такъ трудно создать себѣ стойкія формы политической жизни, какъ нѣмецкой, хотя мы послѣ паденія античнаго міра и послѣ бурь переселенія народовъ ранѣе всѣхъ другихъ достигли опирающагося на силу спокойствія національнаго развитія, являющагося условіемъ созданія самостоятельной политической жизни. Насколько легко было нашей военной доблести устранить внѣшнія препятствія, мѣшавшія нашей національной жизни, настолько-же трудно было намъ преодолѣть мелкія и незначительныя препятствія, встрѣчавшіяся въ нашемъ собственномъ политическомъ развитіи. У другихъ народовъ часто военныя несчастія и неудачи во внѣшней политикѣ имѣли пагубное и даже разрушительное вліяніе на ихъ внутреннюю политическую жизнь. Мы же нѣмцы слишкомъ часто лишались успѣховъ нашего оружія вслѣдствіе нашей политической неловкости, спутанности и безформенности нашей внутренней національной жизни. Изъ-за узкой и близорукой внутренней политики мы въ теченіе столѣтій не могли имѣть успѣшной національной внѣшней политики. Мы не были политическимъ народомъ. Не то, чтобы у насъ отсутствовало пониманіе связи политическихъ явленій, пониманіе сути и сочетанія религіозныхъ, нравственныхъ, соціальныхъ, правовыхъ и экономиче-

скихъ силъ, которыя вліяють на политику; такое политическое знаніе мы имѣли во всѣ времена. Мы сознавали даже наши собственные національно-самобытные политическіе недостатки. Но великаго искусства переходить непосредственно отъ сознанія къ практическому примѣненію опыта, и еще болѣе великаго искусства вѣрнымъ творческимъ чутьемъ дѣйствовать политически правильно, не задумываясь и безъ лишняго мудрованія—этого искусства намъ часто не доставало. Чѣмъ можно было-бы иначе объяснить, что въ борьбѣ національностей нѣмцы такъ часто подпадали чехамъ и словакамъ, мадьярамъ и полякамъ, французамъ и итальянцамъ и что въ этой области нѣмцы были обыкновенно менѣе устойчивы всѣхъ прочихъ своихъ сосѣдей. Въ политическомъ отношеніи мы жили въ полномъ несоотвѣтствіи между знаніемъ и дѣйствіемъ. Мы можемъ гордиться расцвѣтомъ государственныхъ наукъ, въ особенности политической экономіи. Но воздѣйствіе развитой учености на политическую практику ощущалось весьма рѣдко. Не то чтобы широкія массы относились безразлично къ знанію небольшого круга образованныхъ людей. Напротивъ того, нѣмецкій народъ болѣе всякаго другого народа, даже въ низшихъ слояхъ, имѣетъ охоту и способность учиться. Это было всегда одной изъ отличительныхъ чертъ его характера. Однако, ознакомленіе съ вопросами политики было для него чисто духовной потребностью, которую онъ неохотно связывалъ съ реальными явленіями политической жизни. Да въ большинствѣ случаевъ онъ почти и не былъ на это способенъ. Хотя развитое логическое мышленіе и приводитъ къ правильнымъ, сужденіямъ, то все-таки слишкомъ часто намъ недостаетъ специфически политическаго чутья для правильнаго примѣненія добытаго опыта на пользу къ общей жизни націи. Недостатокъ

политическаго чутья суживаетъ поле дѣйствія и для развитаго политическаго ума. Въ теченіе моей государственной дѣятельности я живо интересовался вопросомъ распространенія знаній по государственному праву и ожидаю отъ этого и нынѣ тѣмъ лучшихъ результатовъ, чѣмъ шире будетъ дана возможность нѣмцамъ всѣхъ сословій и различныхъ степеней образованія участвовать въ подобныхъ курсахъ. Доколѣ же этимъ путемъ приращенные и привитые слабости и недостатки нашего политическаго характера будутъ устранены, утечетъ еще не мало воды. Тѣмъ временемъ, однако, судьба взяла на себя политически воспитать насъ небывалой войной, которая содѣйствовала расцвѣту высокихъ качествъ нашего народа и которая можетъ не только исцѣлить наши недостатки и слабости, но и даровать намъ талантъ къ политикѣ. Несмотря на прошлыя политическія невзгоды, у насъ еще не было этого таланта. Я однажды бесѣдовалъ на эту тему съ покойнымъ Директоромъ Министерства Народнаго Просвѣщенія Альтгофомъ, который отвѣтилъ мнѣ: „Да чего же вы собственно хотите. Мы нѣмцы самый ученый и самый воинственный народъ въ мірѣ. Мы добились выдающихся успѣховъ во всѣхъ наукахъ и искусствахъ. Величайшіе философы, поэты и композиторы—нѣмцы. За послѣднее время мы заняли первое мѣсто въ естественныхъ наукахъ и во всѣхъ отрасляхъ техники, кромѣ того мы достигли грандіознаго экономическаго подъема. Какъ вы можете удивляться, что мы ослы въ политикѣ? Гдѣ нибудь-же должно не доставать.“

„Общія стремленія поддерживаютъ, а эгоистическія разрушаютъ государство. Поэтому полезно предпочитать общее частному.“ Такъ училъ Платонъ 2000 лѣтъ тому назадъ. Политическое чутье есть пониманіе общаго. Его и не достаетъ нѣмцамъ. Одаренные //

политическимъ чутьемъ народы выдвигаютъ сознательно, либо инстинктивно, въ требуемый моментъ и безъ всякаго внѣшняго понужденія, общіе національные интересы передъ частными стремленіями и желаніями. Нѣмецкому характеру свойственно проявлять энергію въ частномъ, общіе же интересы ставить на второй планъ и даже подчинять ихъ частному, болѣе узкому, непосредственно ощущаемому. Это выразилъ Гете словами, что нѣмцы, каждый въ отдѣльности, превосходны, но вмѣстѣ взятые никуда не годятся.

Свойственное человѣчеству стремленіе объединяться для особыхъ цѣлей въ союзы, артели и общества, это естественное политическое стремленіе находитъ высшую форму развитія въ государственномъ единеніи націи. Гдѣ эта высшая форма сознательно достигается, тамъ побочныя низшія формы все болѣе теряютъ свое значеніе. Національный союзъ подчиняетъ себѣ меньшіе, особые, служащіе духовнымъ и матеріальнымъ цѣлямъ союзы. Совершается это не насильственно, а по мѣрѣ постепеннаго расширенія національнаго сознанія. Успѣхъ подобнаго развитія является мѣриломъ степени національнаго единства. Народы съ сильнымъ политическимъ чутьемъ идутъ на встрѣчу такому развитію, нѣмцы же нерѣдко противились ему, безъ злого умысла и не по недостатку патріотическаго чувства, а слѣдуя своей природѣ, которая чувствуетъ себя въ своихъ маленькихъ „ферейнахъ“ лучше, чѣмъ въ обширномъ національномъ союзѣ. „Нѣмецкіе парламенты“, сказалъ мнѣ однажды бывшій Министръ Финансовъ Микель, „опускаются обыкновенно послѣ короткаго времени на степень уѣздныхъ собраній, которыя, кромѣ личныхъ дразгъ, интересуются только мѣстными вопросами. Въ нашихъ парламентахъ пренія рѣдко держатся на должной высотѣ долѣе одного дня, на второй день наступаетъ уже отливъ, и тогда начинается пустая бол-

товня.“ Часто повторяемая шутка, что двое нѣмцевъ не могутъ встрѣтиться, не образовавъ тутъ же „ферейна“, не лишена глубокаго смысла. Въ своемъ „ферейнѣ“ нѣмецъ чувствуетъ себя хорошо. И если такой „ферейнъ“ преслѣдуетъ какія либо болѣе широкія экономическія или политическія задачи, то его члены и главнымъ образомъ его вожаки считаютъ его Архимедовой точкой, съ которой они могли бы поднять весь міръ. При этомъ они, однако, забываютъ мудрое изреченіе швейцарца Готфрида Келлера, что агитація должна служить цѣлямъ здоровой жизни, но не быть задачей самой по себѣ. Покойный консервативный депутатъ Карддорффъ сказалъ мнѣ не задолго до своей смерти: „Посмотрите пожалуйста, что мы за маніяки ферейновъ. Ферейны заботятся у насъ главнымъ образомъ о своемъ собственномъ благосостояніи. Но возьмите напр. „Alliance française“, которая собрала милліоны на учрежденіе французскихъ школъ за границей, она вѣдь никогда и не думала давать правительству предписанія на счетъ его политической программы. Нашъ Всенѣмецкій Союзъ много содѣйствовалъ оживленію національнаго самосознанія, за то онъ и считаетъ себя высшей инстанціей въ вопросахъ внѣшней политики. Союзъ Флота оказалъ громадныя услуги дѣлу популяризаціи мысли объ увеличеніи морскихъ силъ, но не рѣдко поддавался искушенію указывать правительству и Рейхстагу необходимое направленіе морской политики. Союзъ Сельскихъ Хозяевъ, основанный въ годины тяжелаго испытанія сельскаго хозяйства, принесъ громадную пользу объединеніемъ аграрныхъ сферъ, но теперь онъ уже хочетъ подчинить все своему контролю, и есть опасность, что тетива слишкомъ сильно натянута. Мы такъ отождествляемся съ идеями нашего „ферейна“, что внѣ его мы больше ничего не видимъ.“ Единомышленниковъ нѣмецъ легко находить въ ма-

ломъ кругу, но не въ большемъ. Чѣмъ спеціальнѣе задача, тѣмъ скорѣе образуется для нея союзъ и не на короткое время, а на всегда. Этой особенностью объясняется сила нашихъ большихъ союзовъ и ихъ вліяніе на нашу политическую жизнь. Въ Союзѣ Сельскихъ Хозяевъ свыше 300.000 членовъ, въ Католическомъ народномъ союзѣ—700.000, въ социаль-демократическихъ профессиональныхъ союзахъ было въ 1895 г.—260.000, въ 1900 г.—680.000, въ 1906 г.—1½ милліона, въ 1912 г.—2½ милліона. Ни въ одной другой странѣ не существуетъ такой многочисленной союзной организаціи, и въ политической жизни ни одного другого народа союзы и общества не играютъ такой роли. Однако это стремленіе къ объединенію въ спеціальныхъ цѣляхъ имѣетъ также свою обратную сторону. Если цѣль болѣе общая, то тѣмъ медленнѣе объединяются нѣмцы для ея достиженія и тѣмъ болѣе они склонны изъ-за пустяковъ скоро опять нарушить достигнутое не безъ труда согласіе.

Разумѣется германскій народъ въ высокой степени способенъ къ сильному и сознательному національному подъему. Мы видѣли это въ Августѣ 1914 года, и въ исторіи много такихъ примѣровъ. Иностранцы не отдають себѣ отчета въ томъ, сказали однажды Трейчке, насколько глубоко источники германской жизни. Мы сами не знали, какія сокровища преданности и выносливости, неустрашимости и самообладанія крылись въ этомъ народѣ, какія дарованія на поляхъ сраженія и въ лабораторіяхъ, въ окопахъ и конторахъ. Нѣмецкіе техники и химики стояли на высотѣ офицеровъ генеральнаго штаба. Изобрѣтательность промышленниковъ соперничала съ отвагой подводныхъ мореплавателей и авіаторовъ.... У насъ всегда были національное самосознаніе, національная страсть и готовность нести жертвы, и даже во времена наибольшей государствен-

ной раздробленности чувство національной солидарности не только не притупилось, а, напротивъ, возросло въ страстное желаніе. Времена нашей политической слабости и государственнаго разложенія были эпохой расцвѣта нашей національной духовной жизни. Классики среднихъ вѣковъ и послѣдующаго времени создали нѣмецкую литературу среди распадавшейся національной политической жизни. Молоту Бисмарка удалось сковать насъ въ единый народъ, потому что вожаки націи, наши поэты и мыслители, сумѣли раньше пробудить національное самосознаніе. Съ другой стороны, германскій народъ никогда настолько не утрачивалъ сознанія своей политической солидарности и самостоятельности, чтобы онъ могъ вынести продолжительное чужое господство. Именно въ нуждѣ нѣмцы нашли въ тайникахъ народной души волю и силу для преодоленія національныхъ раздоровъ...

Въ противоположность народамъ, болѣе одареннымъ политическимъ чутьемъ, проявленія національной солидарности были у нѣмцевъ по сію пору болѣе случайны, чѣмъ длительны. Недостатокъ послѣдовательности былъ со временъ Карла Великаго до Бисмарка главной отличительной чертой и несчастьемъ германской исторіи. Попытки Каролинговъ и Оттоновъ, Франконцевъ и Гогенштауфеновъ не были доведены до конечнаго успѣха, и императоры изъ дома Габсбурговъ, задававшіеся подобными же цѣлями, останавливались на полъ-пути. Этотъ недостатокъ въ постоянствѣ былъ главной причиной столь запоздалаго государственнаго единенія Германіи, между тѣмъ какъ одинаковый процессъ совершился гораздо ранѣе во Франціи и Англіи, Россіи и Испаніи. Слишкомъ часто слѣдовало у насъ послѣ вынужденнаго обстоятельствами единенія новое распаденіе на мелкія политическія единицы, государства, племена и сословія, а въ новѣйшее время

на партіи, которыя выдвигали свои особыя цѣли на первый планъ передъ общими національными задачами. Въ теченіе столѣтій германской исторіи національное единство было исключеніемъ, а партикуляризмъ, въ различныхъ его видахъ и проявленіяхъ, господствовавшимъ правиломъ.

Исторія германскаго народа чрезвычайно богата успѣхами на всѣхъ поприщахъ человѣческой производительной дѣятельности. Однако въ исторіи ни одного народа не бывало въ теченіе столѣтій такого несообразнаго соотношенія между политическимъ успѣхомъ и способностью къ дѣятельному труду. Столѣтія нашей національной немощи и вытѣсненія Германіи изъ круга великихъ державъ не были послѣдствіемъ пораженія германскаго оружія, за исключеніемъ Наполеоновской эпохи. Наши долги національныя невзгоды не чужая заслуга, а наша собственная вина.

Мы вступили въ исторію, какъ народъ, раздробленный на враждующія между собою племена. Германская Имперія среднихъ вѣковъ не была основана добровольнымъ объединеніемъ племенъ, а побѣдою одного племени надъ другими, которыя въ теченіе долгаго времени признавали, противъ своей воли, владычество болѣе сильнаго. Блестящей эпохой средневѣковой Германіи и ея неоспоримой гегемоніи въ Европѣ было то время національнаго единенія, когда самовластію отдѣльныхъ племенъ и герцоговъ были поставлены границы волею и могуществомъ императорской власти. Средневѣковая имперія изъ-за того только потерпѣла пораженіе въ борьбѣ съ папствомъ, что политика Рима сумѣла вызвать въ самой Германіи сопротивленіе противъ императора. Упадокъ императорской власти далъ германскимъ владѣтельнымъ князьямъ желанный поводъ усилиться. Въ то время, когда политическая жизнь Германіи раздроблялась на множество само-

стоятельныхъ городскихъ и территориальныхъ единицъ, Франція объединилась подъ сильной королевской властью въ замкнутое національное государство, которое заняло, вмѣсто Германіи, преобладающее положеніе въ Европѣ. Затѣмъ послѣдовалъ религіозный расколъ. Слабо связанныя между собою въ имперіи территориальныя германскія государства стали открытыми врагами изъ-за религіознаго спора и, что столь характерно для нѣмецкихъ нравовъ, нѣмецкія государства не гнушались союза съ иновѣрческими странами для того, чтобы покорять нѣмцевъ, исповѣдовавшихъ другую вѣру. Религіозныя войны отбросили германскій народъ на столѣтія назадъ въ его развитіи, уничтожили старую имперію, оставивъ лишь одно ея имя, и создали отдѣльныя самостоятельныя государства, которыя въ теченіе двухъ съ половиной столѣтій враждовали между собою до основанія новой германской имперіи. Утраченныя нами сѣверную и западную области мы должны были вновь отвоевывать себѣ мечомъ. Открытый новый свѣтъ за океаномъ былъ подѣленъ между другими державами, германскій флагъ исчезъ съ морей и вернулъ себѣ свое право лишь въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Окончательное національное единеніе было достигнуто не путемъ согласія, а борьбою нѣмцевъ противъ нѣмцевъ. И какъ старая германская имперія была основана болѣе сильнымъ изъ нѣмецкихъ племенъ, такъ и новая основана могущественнѣйшимъ изъ отдѣльныхъ государствъ. Борьба за государственное единство, начатая послѣ паденія каролингской монархіи, была рѣшена на полѣ битвы Кенигсгреца въ пользу способнѣйшаго изъ мѣстныхъ владѣтельныхъ домовъ. Кругъ историческаго развитія Германіи былъ этимъ, какъ-бы, замкнутъ. Въ современныхъ формахъ, но на старый ладъ, нѣмецкій народъ послѣ тысячи лѣтъ восстано-

илъ е ще разъ, и въ болѣе совершенномъ видѣ, рано начатое и разрушенное имъ-же по его винѣ твореніе. Только коренастый здоровый народъ съ несокрушимой живучей силою могъ это совершить. Конечно нѣмцамъ потребовалось цѣлое тысячелѣтіе, чтобы создать, разрушить и возстановить то, что составляетъ уже въ теченіе вѣковъ твердый фундаментъ развитія другихъ народовъ,—національную государственную жизнь. Если мы хотимъ продвинуться впередъ по путямъ вновь открытымъ намъ объединеніемъ имперіи, то мы должны стараться подавлять тѣ силы, которыя могутъ оказаться опасными для сохраненія единства нашей національной жизни. Лучшія нѣмецкія силы не должны распыляться какъ раньше въ борьбѣ правительственной власти противъ партикуляристическихъ теченій и въ борьбѣ послѣднихъ между собою, безъ всякой заботы объ общихъ интересахъ имперіи. Дизраэли, который является творцомъ англійской имперіалистической политики, указалъ въ своей программѣ на то, что благополучіе страны зависитъ отъ ея мірового положенія и что поэтому всякая великая страна должна быть, по возможности, тѣсно объединена внутри, чтобы быть сильной извнѣ.

Основаніе имперіи преодолѣло государственное раздробленіе Германіи; преобразовавъ нашу національную политическую жизнь, оно тѣмъ не менѣе не могло измѣнить характеръ германскаго народа и превратить прирожденные намъ политическіе недостатки въ политическія достоинства. Хотя въ иномъ, современномъ видѣ, они таковыми же являются и теперь.

Въ партикуляризмѣ отдѣльныхъ государствъ сказалась наиболѣе наглядно особая черта нѣмецкаго характера. Но она можетъ проявляться и въ другихъ видахъ. Государственный партикуляризмъ сталъ для насъ наиболѣе осязательнымъ, такъ какъ онъ былъ прямой

причиной невзгодъ нашего національнаго развитія за послѣднія столѣтія. Его искорененіе, достигнутое Бисмаркомъ, отвѣчало желанію всѣхъ нѣмецкихъ патріотовъ. По человѣческому расчету намъ больше нечего опасаться, чтобы стремленія отдѣльныхъ государствъ могли нарушить единство нашей національной жизни. Тѣмъ не менѣе, мы нисколько не обезпечены отъ проявленія партикуляристическаго духа. Эти теченія искали себѣ послѣ и даже во время процесса государственнаго объединенія Германіи новое поле дѣйствія и нашли таковое въ борьбѣ политическихъ партій.

Если, въ противоположность къ партійной жизни другихъ народовъ, у насъ сказывается въ этой области специально партикуляристическій характеръ, то это обнаруживается главнымъ образомъ въ тѣхъ моментахъ, которые отличаютъ нашу партійную жизнь отъ политической жизни прочихъ странъ. У насъ существуетъ дробленіе на мелкія партіи, которыя образовывались для преслѣдованія какой-либо особой цѣли, или для веденія особой борьбы, не имѣющихъ, собственно говоря, ничего общаго съ политическими задачами государства. Мы восприняли въ нашу партійную жизнь всю рѣзкость конфессіональныхъ противорѣчій. Борьба сословій и классовъ, болѣе сглаженная въ другихъ странахъ современнымъ соціальнымъ и экономическимъ развитіемъ, обнаруживалась въ нѣмецкой партійной жизни почти съ прежней остротой. Мелочность, сварливость и озлобленность, которыя вызывали прежде нескончаемыя ссоры между нѣмецкими племенами и государствами, унаслѣдованы нашей партійной жизнью. Въ другихъ государствахъ партійная жизнь является чисто внутренне-національнымъ дѣломъ, и партійное единомысліе съ иностранцами исчезаетъ передъ чувствомъ національнаго единенія даже въ отношеніи враждебной туземной партіи. За границей партійно-политическое

единомысліє съ иностранцами подчеркивается, такъ сказать, академически лишь на показъ въ банкетныхъ рѣчахъ на международныхъ конгрессахъ, но не имѣетъ ровно никакого воздѣйствія на вопросы реальной политики. У насъ же въ Германіи обнаружались сильныя теченія, которыя стремились къ „интернаціонализаціи“ партійнаго мнѣнія и не были вполнѣ проникнуты сознаниємъ національной обусловленности партійной жизни. И здѣсь мы также видимъ, въ современной формѣ, повтореніе стараго нѣмецкаго недостатка. Нашимъ партіямъ въ особенности часто не доставало того политическаго чутія и такта, съ которымъ партіи въ другихъ странахъ вполнѣ естественнымъ образомъ не выставляютъ своихъ собственныхъ частныхъ интересовъ на первый планъ передъ общественными, не говоря, разумѣется, о великихъ національныхъ задачахъ. Часто партіи у насъ забывали, что отечество выше партіи. Происходило это не отъ того, что нѣмцы менѣе патріотичны, чѣмъ какіе либо иностранцы, а потому, что любовь нѣмцевъ къ своимъ партіямъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другихъ странахъ. Въ виду этого, мгновенный успѣхъ или временное вліяніе собственной партіи казалось нѣмцамъ часто важнѣе общаго національнаго успѣха.

Нельзя утверждать, чтобы партійная борьба велась въ Германіи съ большимъ жаромъ нежели въ другихъ государствахъ. Политическія страсти достигаютъ у нѣмцевъ даже въ оживленное время не болѣе чѣмъ средней температуры. Это еще счастье. У другихъ народовъ, особливо у романскихъ, партіи не рѣдко даютъ увлечь себя до эксцессовъ, которыхъ мы нѣмцы вовсе не знаемъ. Но за разряженіемъ страстей, которыми рѣшается побѣда или пораженіе данной партіи, либо новая группировка фракцій, слѣдуетъ тамъ обыкновенно въ скоромъ времени сближеніе и примиреніе. Въ нѣмецкой

партійной борьбѣ нѣтъ такихъ грозowychъ бурь, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ очищали-бы напряженную политическую атмосферу, а также нѣтъ легкости примиренія. Нѣмецкія партіи, находившіяся въ оппозиціи другъ къ другу, хотя бы на почвѣ второстепенныхъ политическихъ вопросовъ, долго не забываютъ своей вражды.

Въ связи съ неуживчивостью партій между собою стоитъ непоколебимая вѣрность партіи внутри ея самой. Именно потому, что каждый нѣмецъ такъ любовно преданъ своей партіи, онъ болѣе непріязненно настроенъ по отношенію къ другимъ партіямъ и трудно забываетъ испытанныя благодаря имъ обиды и пораженія. И здѣсь мы встрѣчаемъ вновь, въ современныхъ формахъ, повтореніе старой черты нѣмецкаго характера. Какъ въ былое время племена, которыя должны были служить внутреннимъ оплотомъ государства, ненавидѣли другъ друга, такъ нынѣ и политическія партіи. Нѣмецкая вѣрность сказывается въ первую очередь въ тѣсномъ кругу небольшихъ политическихъ союзовъ и лишь во вторую очередь она обслуживаетъ общіе національные интересы. Бисмаркъ, поборовшій государственный партикуляризмъ, былъ безсиленъ по отношенію къ партикуляризму партій. Трейчке сказалъ однажды, что сердца нѣмцевъ принадлежать поэтамъ и полководцамъ, но не политическимъ дѣятелямъ. Это вѣрно, за исключеніемъ вожakovъ партій. Хотя нѣмцы скоро ихъ забываютъ послѣ ихъ ухода или смерти, но за то они пользуются привязанностью и вѣрностью всѣхъ членовъ партіи безъ исключенія, пока они руководятъ ей. Съ тѣхъ поръ, что мы имѣемъ народныхъ представителей и вожakovъ партій, отдѣльныя фракціи шли за ними и противъ Бисмарка. Правога или неправота, успѣхъ или неуспѣхъ не играютъ здѣсь почти никакой роли. Нѣмецкая вѣрность по отношенію къ руководителю партіи безпрекословна, самоотвержена и безраз-

борщина, какъ вѣрность, проистекающая изъ чувства любви. Въ Германіи рѣдко бывало, чтобы какая либо партія отказывалась слѣдовать за своимъ вожакомъ, хотя-бы было ясно, что онъ заводитъ ее въ болото или даже еслибы тактика партійнаго руководства не совпадала съ задачами и цѣлями государства. Въ Германіи никогда не было особенно трудно организовать оппозицію противъ правительства, но весьма не легко добиться успѣха оппозиціонныхъ движеній въ самой партіи. Надежда на то, чтобы въ борьбѣ съ правительствомъ оппозиціонная партія распалась въ рѣшающій моментъ, была у насъ почти всегда обманчива. Послѣ того, какъ наша партійная жизнь прошла чрезъ неминуемый процессъ внутренняго броженія, отдѣльныя партіи приобрѣли замѣчательную внутреннюю стойкость. Ожидавшіяся иногда раздробленія партій на фракціи новаго и стараго направленія до сихъ поръ весьма рѣдко осуществлялись. Нигдѣ въ нашей политической жизни мы не встрѣчаемъ такого непоколебимаго консерватизма какъ въ нашихъ партіяхъ. Даже самыя крайнія партіи оставались по сіе время консервативными, по крайней мѣрѣ, въ своихъ пріемахъ и радикальнѣйшихъ требованіяхъ своей партійной программы. Это состояніе косности доходитъ до того, что нѣкоторыя партіи продолжаютъ держаться своихъ стародавнихъ требованій, когда уже почти не представляется болѣе ни возможности, ни надобности для ихъ осуществленія.

Эта непоколебимая нѣмецкая вѣрность къ вожакамъ партій и унаслѣдованнымъ партійнымъ традиціямъ сама по себѣ можетъ быть имѣть извѣстную нравственную цѣнность, но если говорить о морали въ политикѣ, то невольно возникаетъ вопросъ, не существуетъ-ли въ концѣ концовъ болѣе высокая форма политической нравственности. Всякая вѣрность въ служеніи партійнымъ интересамъ хороша, но не слѣдуетъ

упускать изъ вида, что партіи существуютъ не ради самихъ себя, а для общаго блага націи. Поэтому высшей политической моралью является патріотизмъ. Жертва партійнымъ убѣжденіямъ или уклоненіе, въ интересахъ государства, отъ точнаго исполненія политической программы предпочтительнѣе вѣрности партіи, когда она не совпадаетъ съ общимъ благомъ. Нѣмцамъ можно было-бы пожелать немного меньше слѣпой преданности партіямъ и больше національнаго чувства и общегосударственнаго пониманія. Надо надѣяться, что партіи, которыя проявили всѣ, въ теченіе нынѣшней войны, свою вѣрность общему отечеству, будутъ и по ея окончаніи ставить національное чувство выше партійныхъ счетовъ, и государственные интересы выше партійныхъ традицій.

Исторія, къ счастью, доказываетъ, что ни одна партія не можетъ безнаказанно противиться національнымъ интересамъ. Краткая исторія нѣмецкой партійной жизни повѣствуетъ также о такихъ примѣрахъ. Общій ходъ политическаго развитія, однако, медленно обнаруживаетъ у насъ послѣдствія ошибочной партійной политики. Собственная критика и вѣрное чутье должны были-бы предупреждать горькій опытъ. Въ этомъ отношеніи партіямъ въ другихъ странахъ легче. Тяжелая задача самовоспитанія, которая поставлена нашимъ партіямъ, отпадаетъ у партій въ странахъ, имѣющихъ парламентарную систему. Такъ вслѣдъ за ошибкой, сдѣланной партійной политикой, слѣдуетъ сейчасъ же неудача и чувствительное назиданіе. Я этимъ не хочу утверждать, что я сторонникъ парламентарнаго режима вообще. Совершенство конституціи сказывается не въ томъ, какое она имѣетъ вліяніе на партійную жизнь. Конституціи созданы не для партій, а для государства. Парламентарная система мало отвѣчала бы самобытности именно германской государственной жизни. Гдѣ

парламентаризмъ оправдываетъ себя, а онъ не всюду годенъ, тамъ сила государственной жизни лежитъ въ вѣсѣ и политической зрѣлости партій. Тамъ партіи своимъ собственнымъ развитіемъ содѣйствовали образованію государства, какъ въ Англіи и, отчасти, въ республиканской Франціи. Въ Германіи создателями государственной жизни является монархическія правительства. Партіи только второстепенныя формации, которыя могутъ развиваться лишь на почвѣ законченнаго государственнаго цѣлаго. Кромѣ того для парламентарнаго режима у насъ нѣтъ ни естественныхъ, ни историческихъ основаній.

Это убѣжденіе не должно, однако, мѣшать намъ видѣть преимущества, которыя даетъ парламентарный режимъ другимъ странамъ. Какъ не существуетъ вполнѣ совершеннаго государственнаго строя, такъ и нѣтъ совершенно непригоднаго. Сдѣланный во Франціи опытъ объединенія преимуществъ всѣхъ конституцій въ одной единственной, до сихъ поръ еще не удавался. Въ странахъ съ парламентскимъ образомъ правленія большія партіи получаютъ политическое воспитаніе благодаря тому, что онѣ сами должны управлять. Если партія имѣетъ за собой большинство и изъ ея рядовъ выходятъ руководящіе государственные дѣятели, то она получаетъ такимъ образомъ возможность осуществлять на практикѣ государственной жизни свои политическія убѣжденія. Партія, призванная къ управленію, отвѣтственна не только за свое собственное благо, но въ неизмѣримо высшей степени за судьбу нации и государства. Партійные и государственные интересы такимъ образомъ совпадаютъ. Такъ какъ немислимо управлять государствомъ по одностороннему шаблону какой либо партійной программы, то правящая партія должна смягчать свои партійныя требованія для того, чтобы не лишиться

своего господствующаго вліянія въ государствѣ. Въ возможности быть призванными къ управленію, лежитъ извѣстный коррективъ, который не имѣется у насъ. Въ государствахъ, гдѣ не существуетъ парламентарскаго образа правленія, партіи считаютъ себя призванными, въ первую очередь, къ критикѣ. Онѣ не чувствуютъ ни необходимости умѣрять свои требованія, ни отвѣтственности за веденіе общихъ дѣлъ. Совершенно вѣрно отозвался въ разговорѣ со мной одинъ остроумный журналистъ о нѣмецкихъ партіяхъ, говоря, что у нихъ много силы убѣжденія, но мало чувства отвѣтственности. По его словамъ, нѣмецкія партіи чувствуютъ себя не артистами, участвующими въ представленіи, а критикующими рецензентами. Главная ихъ забота угодить своимъ мѣстнымъ выборщикамъ.

Когда во время войны Англіи съ Трансваалемъ я въ частной бесѣдѣ съ однимъ депутатомъ Рейхстага обратилъ его вниманіе на нежелательность его выпадовъ противъ Англіи, которые являлись весьма некстати въ виду нашего щекотливаго положенія относительно Великобританіи, онъ возразилъ мнѣ: „Мой долгъ и мое право какъ депутата выражать чувства германскаго народа. Но вы, какъ министръ, навѣрное уже позаботитесь о томъ, чтобы мои чувства не надѣлали вреда за границей.“ Я не думаю, что подобный взглядъ, наивность коего меня обезоружила, могъ бы быть выраженъ въ какой нибудь другой странѣ, кромѣ какъ у насъ.

Когда сознаніе государственныхъ интересовъ оказываетъ своевременное сдерживающее вліяніе, нельзя ничего возразить противъ проявленія чувствъ въ политикѣ. Эти чувства принадлежатъ къ области невѣсомыхъ данныхъ въ политической жизни, которыя умѣлъ цѣнить и Бисмаркъ. Однако во внѣшней политикѣ чувства симпатіи и антипатіи являются не-

достаточно вѣрными руководителями, и мы недалеко ушли бы, если бы наши руководящіе государственные дѣятели слѣдовали въ вопросахъ внѣшней политики болѣе голосу сердца, чѣмъ разума. Въ области же внутренней политики дѣло обстоитъ въ Германіи нѣсколько иначе. Можно было-бы пожелать даже, чтобы у насъ здоровое политическое чутье имѣло большее вліяніе, чѣмъ политическій разумъ. Вліяніе нашего политическаго разума не сказывается въ умѣреніи желаній политическихъ партій и въ согласованіи политическихъ требованій съ данными обстоятельствами. Здѣсь нашъ политическій разумъ стремится къ систематизации явленій политической жизни, не къ трезвому учету дѣйствительныхъ политическихъ фактовъ, а къ ихъ расположенію въ логическихъ построеніяхъ.

Нѣмцы, съ одной стороны, сентиментальный народъ и имѣютъ склонность дѣйствовать по влеченію сердца вопреки здравому разсудку. Но, съ другой стороны, они преисполнены невѣроятнымъ логическимъ фанатизмомъ, и гдѣ только можетъ быть найдена формула или система, тамъ они непремѣнно стараются подчинить имъ дѣйствительность. Обѣ эти стороны нѣмецкаго характера обнаруживаются, какъ въ частной, такъ и въ общенародной жизни, и многія странныя явленія въ настоящемъ и прошломъ объясняются именно этой двойственностью. Событія внѣшней политики, которая связана съ длиннымъ рядомъ грустныхъ и радостныхъ національных воспоминаній, мы охотно переживаемъ чувствами. Явленія же внутренней политической жизни составляютъ для насъ преимущественно область умозрительныхъ настроеній и систематическихъ концепцій. Къ политикѣ нѣмцы рѣдко примѣняютъ методъ современныхъ естествоиспытателей, но обыкновенно способы наблюденія древнихъ философовъ. Для

нихъ дѣло не въ томъ, чтобы стать съ открытыми глазами передъ природою и наблюдать что произошло, что происходитъ и что должно произойти въ дальнѣйшемъ. Наоборотъ, нѣмцы скорѣе размышляютъ о томъ, какъ все должно было бы развиваться иначе и какъ все должно было бы произойти, дабы все вышло логично и восторжествовала система. Программы не согласовываются съ дѣйствительностью, а дѣйствительность должна быть пригнана къ программамъ и не только въ частныхъ подробностяхъ, а во всей совокупности. Съ точки зрѣнія логической послѣдовательности и систематическаго совершенства большинство нѣмецкихъ партійныхъ программъ дѣйствительно образцовы и дѣлаютъ честь нѣмецкой добросовѣстности. Но что касается проведенія ихъ на практикѣ, то ни одна изъ нихъ никуда не годится.

Политика есть жизнь и, какъ всякая жизнь, она не подчиняется правиламъ. Многія условія современной политики кроются въ далекомъ прошломъ нашей исторіи, гдѣ теряются и не поддаются уже изслѣдованію извѣстныя причины, послѣдствія коихъ мы однако по сіе время ощущаемъ. Отъ познанія всѣхъ причинъ и условій политическая практика тѣмъ не менѣе ничего не могла бы выиграть. Мы узнали-бы только, какъ многое совершилось, но не то, что должно случиться сегодня или завтра. Каждый день создаетъ новые факты и ставитъ новыя задачи, которыя требуютъ новыхъ рѣшеній. Совсѣмъ какъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ. Мы должны заботиться о будущемъ по своему усмотрѣнію и по мѣрѣ нашихъ способностей. Чѣмъ могутъ помочь здѣсь правила установленной когда-то программы, какъ бы ни была она хорошо разработана и логически обоснована? Кипучая и изо дня въ день все болѣе осложняющаяся народная жизнь не можетъ быть втиснута въ рамки какого-либо политическаго

принципа или программы. Разумѣется партіи нуждаются въ извѣстномъ программномъ изложеніи своихъ взглядовъ и требованій, дабы уяснить въ странѣ, главнымъ образомъ въ виду предвыборной борьбы, свои цѣли и стремленія. Партія безъ всякой программы оставалось бы неизвѣстной величиной. Только возведеніе ближайшихъ и дальнѣйшихъ задачъ партійной программы въ неподвижную систему безусловно вредно для общей политики. Существуютъ различные, иногда противорѣчащіе другъ другу, интересы народной жизни, и вполне естественно, чтобы представители этихъ интересовъ объединялись и формулировали свои требования. Найденная формула является тогда программой. Существуютъ различныя мнѣнія на счетъ государства, права, общества и порядковъ государственной жизни, особливо касательно распредѣленія политическихъ правъ между народомъ и правительствомъ. И тѣ, которые раздѣляютъ одинаковые или сходные взгляды, будутъ объединяться и излагать свои мнѣнія, въ цѣляхъ пропаганды, въ краткихъ и общепонятныхъ резолюціяхъ. Подобныя резолюціи будутъ тогда программой. Сочетаніе политической и экономической жизни соотвѣтствуетъ тому, что представители одинаковыхъ интересовъ являются одновременно политическими единомышленниками. Ихъ программа будетъ поэтому соотвѣтственно болѣе широкой. Нельзя не указать и на то, что оба конкретныхъ, историческихъ взгляда относительно государства и общества, т. е. консервативный и либеральный, равно какъ оба абстрактныхъ догматическихъ взгляда ультра-монтазовъ и социаль-демократовъ, обнимаютъ множество фактовъ общей политической жизни. Соотвѣтствующія партійныя программы могутъ развивать свои особыя воззрѣнія. Но и тутъ существуютъ границы. Многія явленія государственной жизни остаются внѣ рамокъ подобныхъ

спеціальныхъ, хотябы весьма обширныхъ, программъ, ибо они не могутъ быть разсматриваемы съ консервативной точки зрѣнія иначе, чѣмъ съ либеральной. Въ общемъ преобладаетъ даже число законодательныхъ задачъ, касающихся вопросовъ всеобщей пользы, рѣшеніе, которыхъ должно зависѣть исключительно отъ здраваго практическаго смысла, но не отъ партійныхъ политическихъ убѣжденій. Тѣмъ не менѣе подобная независимость партійныхъ программъ рѣдко допускается. Намъ нѣмцамъ недостаточно связывать партійную политику съ извѣстнымъ числомъ практическихъ требований и политическихъ взглядовъ. Каждая партія желаетъ объять своей программой цѣликомъ всю политику и проникнуть съ своимъ частнымъ мнѣніемъ во всѣ подробности. Но не только въ политикѣ. Даже въ оцѣнкѣ духовной и практической жизни партіи желаютъ подчеркнуть свои частныя различія. Мнѣніе партій должно быть „міровоззрѣніемъ“. Въ этомъ лежитъ извѣстная переоцѣнка политической жизни и недостатокъ пониманія духовной жизни. Нѣмецкая нація глубже и серіознѣе другихъ народовъ вникала въ великія проблемы міровоззрѣнія. Можетъ быть даже слишкомъ часто она подчиняла практическіе интересы и трезвые вопросы политики борьбѣ за міровоззрѣніе. Съ другой стороны, германцы были первымъ народомъ, высвободившимъ умственную жизнь изъ подъ политической опеки. Если-же они нынѣ подчиняютъ міровоззрѣніе партійной политикѣ и готовы смотрѣть на все совершающееся въ мірѣ и жизни сквозь мутныя очки партійныхъ принциповъ, то они сами себя измѣняютъ. Попытка углубить такимъ образомъ политику должна привести къ духовному обмелѣнію и пожалуй привела уже къ этому. Политическое міровоззрѣніе есть nonsense, такъ какъ въ мірѣ, къ счастью, не всюду одна политика. Партійное же міровоззрѣніе не могло

бы даже объять весь политическій міръ, ибо въ политической жизни имѣется слишкомъ много вопросовъ, которые лежатъ внѣ всякихъ партійныхъ программъ и принциповъ. Одинъ англичанинъ сказалъ мнѣ однажды, что его удивляетъ частое повтореніе въ парламентскихъ рѣчахъ въ Германіи слова „міровоззрѣніе“. Всегда слышишь: „съ точки зрѣнія моего міровоззрѣнія я не могу одобрить то-то и требую того-то.“ Когда я старался ему разъяснить то, что нѣмецкіе партійные политики подразумѣваютъ подъ этимъ, онъ замѣтилъ, покачавъ головой: „Объ этомъ англійскіе парламентскіе дѣятели мало что знаютъ. У нихъ существуютъ различныя мнѣнія, они представляютъ различные интересы, преслѣдуютъ различныя цѣли и развиваютъ въ своихъ рѣчахъ практическія размышленія, но никогда почти не говорятъ о столь возвышенныхъ вопросахъ.“ Развивая принципы партійной политики въ систему воззрѣній на всю политическую и неполитическую жизнь, мы вредимъ себѣ не только въ политическомъ, но и въ умственномъ отношеніи. Политически мы углубляемъ противорѣчія, которыя мы и безъ того достаточно остро ощущаемъ, тѣмъ, что мы придаемъ имъ особое духовное значеніе, и увеличиваемъ все болѣе число тѣхъ задачъ государственной жизни, которыя гораздо проще и лучше могутъ рѣшаться безъ всякихъ партійныхъ предразсудковъ. Если же мы вносимъ вопросы духовной жизни въ партійную политику, то это означаетъ утрату умственной многосторонности, которая завоевала нѣмецкой образованности почетное мѣсто въ культурномъ мірѣ.

Въ Германіи сейчасъ-же готовы осуждать за недостатокъ твердости въ принципахъ, если какой либо политическій или государственный дѣятель отступитъ въ виду измѣнившихся обстоятельствъ отъ ранѣе имъ высказаннаго мнѣнія или допустить спра-

ведливость другихъ партійныхъ взглядовъ. Общее же развитіе совершается помимо всякихъ программъ и партійныхъ принциповъ. Поставленный передъ выборомъ—пожертвовать своимъ мнѣніемъ или совершить глупость, человѣкъ практики изберетъ первое. Во всякомъ случаѣ отвѣтственный за рѣшеніе націи министръ не долженъ позволить себѣ держаться предвзятаго мнѣнія, если дѣло идетъ объ исполненіи назрѣвашаго справедливаго требованія. И если его тогда упрекаютъ въ противорѣчіи настоящаго его взгляда съ ранѣе высказаннымъ мнѣніемъ, то ему лишь можно посоветовать хладнокровно относиться къ подобнымъ замѣчаніямъ объ его непоследовательности, ломанной линіи его курса, невыдержанности и къ прочимъ подобнымъ выраженіямъ полемическаго жаргона. Удостоверено опытомъ, что истинные національные интересы никогда еще не могли быть выяснены лишь одной какой нибудь партіей. Они находились обыкновенно по срединѣ между направленіями нѣсколькихъ партій. Дѣло въ томъ, чтобы найти діагональ силъ, которая будетъ склоняться то въ сторону одной, то въ сторону другой партіи. Министръ, къ какой партіи онъ самъ лично не тяготѣлъ-бы, долженъ искать равновѣсія между всѣми справедливыми партійными требованіями. Въ теченіе болѣе продолжительнаго управленія дѣлами и при постоянной смѣнѣ различныхъ задачъ, на него разумѣется будутъ нападать всѣ партіи. Но это не бѣда, лишь бы процвѣтало государство. Упрекъ въ политической безпринципности меня никогда особенно не пугалъ, и я считалъ его даже чуть ли не похвалой, усматривая въ немъ признаніе, что я руководствовался исключительно государственными интересами. Политическіе принципы, которыхъ долженъ держаться министръ, отличаются по своему существу отъ правилъ, съ которыми считаются представители партій. Первые

имѣютъ характеръ государственно-политическій, вторые-партийно-политическій. Министръ долженъ оставаться вѣренъ общимъ интересамъ государства и народа, которые ввѣрены его управленію, не связываясь партийными программами и вступая, если надо, въ борьбу со всѣми партіями, даже съ той, къ которой онъ, можетъ быть по личнымъ убѣжденіямъ, самъ наиболѣе близокъ. Твердость въ принципахъ и безпартийность не только допустимы для министра, но онѣ даже обуславливаютъ другъ друга. Бисмаркъ имѣлъ желѣзные принципы и, руководствуясь ими, онъ довель Германію до ея объединенія и величія. Какъ депутатъ, Бисмаркъ былъ въ свое время партийнымъ представителемъ, но сдѣлавшись министромъ, онъ долженъ былъ выслушивать отъ своей-же прежней партіи порицанія за перемѣну фронта. Десять лѣтъ спустя, его осуждали за новую перемѣну мнѣнія. Въ дѣйствительности же онъ никогда не измѣнялъ своей цѣли, ибо у него не было иной цѣли кромѣ стремленія обезпечить германской имперіи наибольшія выгоды и блага. Эта цѣль не была достижима при посредствѣ одной партіи, ибо всеобщіе интересы рѣдко или никогда не совпадаютъ съ интересами одной только партіи.

Общихъ правилъ для наилучшей политики не существуетъ. Политическія цѣли и политическія средства мѣняются въ зависимости отъ обстоятельствъ, и нельзя рабски подражать даже самому высокому примѣру. Поскольку разнообразная и многогранная жизнь поддается изложенію въ краткой формулѣ, то относительно политики можно было-бы сказать, что она должна быть фанатической гдѣ дѣло идетъ о благѣ и интересахъ страны и государства, идеальной въ своихъ цѣляхъ, реальной въ политической практикѣ и скептической по отношенію къ людямъ, ихъ надежности и чувствамъ ихъ благодарности.

Партийная политика.

Партийная политика.

Никогда я не скрывалъ, даже передъ либералами, что во многихъ важныхъ вопросахъ политической жизни я держусь консервативныхъ взглядовъ. Равнымъ образомъ я не отрицалъ, что я не консервативный партийный дѣятель. Въ занимаемой мною должности и по условіямъ нашей государственной службы я даже не могъ быть таковымъ какъ отвѣтственный министр. Причину, почему, не принадлежа къ консервативной партіи, я тѣмъ не менѣе считаю себя консерваторомъ во многихъ существенныхъ вопросахъ, я излагаю здѣсь только потому, что подобное разсужденіе вводитъ насъ непосредственно въ кругъ реальныхъ вопросовъ германской внутренней политики.

Слѣдуетъ различать между государственнымъ консерватизмомъ, которымъ можетъ руководствоваться правительство, и партийнымъ консерватизмомъ, которому ни одно правительство въ Германіи не должно слѣдовать, дабы не впадать во вредную партийность. Иными словами: правительственная политика можетъ идти рука объ руку съ политикою консерваторовъ, доколѣ послѣдняя соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ государства. Это часто бывало и нерѣдко будетъ еще повторяться. Пути правительства и консервативной партіи должны, однако, разойтись, когда политика партіи не соотвѣтствуетъ общимъ интересамъ, которые призвано блюсти правительство. При этомъ правительство можетъ оказаться консервативнѣе по отношенію къ партіи, чѣмъ партія по отношенію къ правительству, въ томъ смыслѣ консервативнѣе, что оно лучше осуществляетъ задачи сохраненія государства. Въ подобныхъ же условіяхъ Князь Бисмаркъ, который по сво-

имъ убѣжденіямъ былъ консервативнымъ государствен-
нымъ дятелемъ, становился въ рѣзкое противо-
рѣчіе по отношенію къ своимъ прежнимъ партійнымъ
друзьямъ.

Задача консервативной политики была вполне
вѣрно охарактеризована Графомъ Посадовскимъ, замѣ-
тившимъ, что консервативная политика должна такъ
сохранять государство, чтобы въ немъ хорошо жилось
всѣмъ гражданамъ. Такое сохраненіе государства часто
немыслимо безъ измѣненія существенныхъ установленій.
Государство должно примѣняться къ условіямъ совре-
менной жизни, дабы оставаться жизнеспособнымъ.
Было-бы несправедливо отрицать, что консервативная
партія чаще и подчасъ охотнѣе другихъ партій, кото-
рыя кичатся прогрессомъ, содѣйствовала нововведе-
ніямъ. Такъ было напр. въ 1878 году, когда развитіе
экономическихъ условій вызвало громадный перево-
ротъ въ области тарифной и экономической политики.
Такъ было и въ вопросѣ проведенія соціальной поли-
тики, которая была согласована съ измѣнившимся по-
ложеніемъ рабочихъ классовъ населенія. Вожакъ кон-
сервативной группы, фонъ-Гейдебрандъ, первый изъ
числа партійныхъ лидеров произнесъ въ теченіе ны-
нѣшней войны примирительныя слова, сказавъ, что
„было-бы несомнѣнной выгодой, если бы послѣ этой
борьбы исчезло то, что насъ раньше возмущало
другъ противъ друга. Разумѣется останутся экономи-
ческія, соціальныя и сословныя противорѣчія, но
должна измѣниться форма нашихъ взаимныхъ столк-
новеній. Многое, чего раньше не считали возможнымъ,
признано теперь насущной потребностью, и, критикуя
или осуждая, мы должны будемъ сказать себѣ послѣ
этого крещенія огнемъ и кровью, что мы иначе будемъ
относиться къ другъ другу, памятуя, что и политиче-
скій противникъ также сражался за отечество. Это

одно уже можетъ оказаться благомъ для германскаго
норода“.

Благодаря обостренію экономическихъ контрастовъ
консервативная партія стала на подобіе другихъ партій
также въ извѣстномъ смыслѣ представительницей со-
словныхъ интересовъ, и даже въ большей степени, чѣмъ
это могло быть желательнымъ. Поэтому мнѣ пришлось
также выступить противъ консервативной партіи, когда
я убѣдился, что защищаемая ею точка зрѣнія не со-
впадала болѣе съ общими интересами государства. Въ
борьбѣ изъ за тарифнаго закона общіе интересы согла-
совались съ интересами консервативной партіи, при
проведеніи-же финансовой реформы вопросъ обстоялъ
иначе. Что же касается принципиальныхъ консерватив-
ныхъ взглядовъ на общественное, экономическое и
государственное положеніе, то я ихъ всегда раздѣлялъ
и раздѣляю и теперь.

Никогда не слѣдуетъ забывать, что означалъ и
и означаетъ консервативный элементъ для нашей
прусско-германской государственной жизни. Было-бы
тяжелой потерей для націи, если-бы консервативныя
идеи перестали жить въ германскомъ народѣ и консер-
вативная партія утратила въ парламентской и полити-
ческой жизни свое прежнее положеніе. Силы, живущія
въ консервативной партіи, суть тѣ силы, которыя воз-
величили Пруссію и Германію, и которыя наша родина
должна сохранить, чтобы оставаться великой и еще
болѣе возрасти. Идеалы лучшаго консерватизма, т. е.
не униженная покорность, а вѣрность свободныхъ людей
Королю и Царствующему Дому и привязанность къ
родной почвѣ не должны быть нами утеряны. Если
противники консервативной партіи не ограничиваются
партійной борьбой, а стараются все болѣе подчеркнуть
ненависть противъ тѣхъ классовъ населенія, предста-
вители которыхъ преобладаютъ въ рядахъ консерватив-

ной партіи, то не слѣдовало-бы забывать того, что было сдѣлано именно этими слоями населенія въ пользу Пруссіи и Германіи. Юнкеры и крестьяне были въ первую очередь соратниками Гогенцоллерновъ. Прусскій престоль спаянъ кровью прусскаго дворянства. Но слава, которою вполне заслужено пользуется прусское дворянство, никоимъ образомъ не должна означать умаление достоинства и заслугъ прочихъ сословій. Безъ самоотверженной вѣрности буржуазіи, крестьянъ и простого люда дворянство не достигло бы всего. Совершенно вѣрно также, что раньше дворянство имѣло возможность особенно выдѣляться, благодаря особымъ условіямъ времени. Но поставленное на отвѣтственные и опасные посты служенія прусскому государству, оно всегда дѣлало больше, чѣмъ аристократія въ какой-нибудь изъ другихъ современныхъ странъ.

Въ наше время даже безтактно противопоставлять юнкеровъ буржуазіи. Служебная и общественная жизнь настолько объединила старыя сословія, что ихъ трудно различить другъ отъ друга. Но, при воспоминаніи о дѣятельности старыхъ сословій въ прошломъ, справедливо воздать должное каждому изъ нихъ. Прусское дворянство въ правѣ гордиться своимъ прошлымъ. Если оно сохраняетъ въ консервативныхъ идеяхъ тѣ убѣжденія предковъ, которыя возвеличили Пруссію, то оно заслуживаетъ несомнѣнную благодарность. Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что именно эти стародавнія прусскія традиціи руководили политикою консервативной партіи въ наиболѣе тяжелые годы царствованія Вильгельма I. Не слѣдуетъ забывать также услугъ, оказанныхъ консервативной партіей Бисмарку. Мнѣ именно желательно подчеркнуть эти заслуги консерваторовъ потому, что въ концѣ моей государственной дѣятельности я былъ вынужденъ выступить противъ нихъ. Но мнѣ важно провести различіе

между моимъ взглядомъ на консервативныя традиціи вообще и моимъ отношеніемъ къ нѣкоторымъ фазисамъ политики консервативныхъ фракцій. Даже всѣ тѣ, которые, какъ я, дорожатъ основными консервативными убѣжденіями и привѣтствуютъ вліяніе здравыхъ консервативныхъ идей на законодательство, не будутъ отрицать нежелательныхъ послѣдствій полного разлада между правыми и лѣвыми партіями, какъ то случилось въ 1909 г. Наиболѣе счастливыми эпохами нашей внутренней политики были тѣ времена, когда консерваторы и либералы не являлись непримиримыми врагами, а старались уступать другъ другу въ своихъ взаимныхъ требованіяхъ, дабы не разойтись окончательно. Я думаю при этомъ не только о временахъ такъ называемой „политики блока“, но и объ извѣстныхъ фазисахъ бисмарковской эпохи.

Консерватизмъ и либерализмъ не только имѣютъ свои законныя основанія, но они также необходимы для нашей общей политической жизни. Какъ не легко управлять у насъ, явствуетъ уже изъ того, что въ Пруссіи нельзя обойтись безъ содѣйствія консерваторовъ, а въ имперіи—безъ либераловъ. Либеральныя теченія также не должны изсякнуть въ жизни націи и крупныя либеральныя партіи необходимы наравнѣ съ консервативными группами. Консервативныя тенденціи коренятся въ старыхъ государственныхъ воззрѣніяхъ Пруссіи, а либеральныя въ духовномъ складѣ всего нѣмецкаго народа. Высшіе либеральные идеалы также имѣютъ свою непреходящую цѣнность. Нѣмцы не желаютъ утратить права на защиту индивидуальной свободы, какъ ее всегда требовали либералы, при сохраненіи цѣлости государственной связи. Либерализмъ имѣетъ также свои историческія заслуги. Либералы первые выразили идею нѣмецкаго національнаго единства и распространили ее въ народѣ. Однако, ко-

вечная цѣль не могла быть достигнута ихъ путями. Къ этому была призвана консервативная политика, чтобы, по словамъ Бисмарка, осуществить либеральную идею консервативнымъ дѣйствіемъ. Поэтому германская имперія должна быть разсматриваема какъ плодъ совмѣстныхъ трудовъ консерваторовъ и либераловъ.

За немногими исключеніями консервативныя и либеральныя партіи были наиболѣе сильны и вліятельны, когда онѣ шли вмѣстѣ. Благодаря ихъ воздѣйствію была выиграна въ 1907 году выборная кампанія противъ соціалъ-демократовъ. Въ союзѣ консерваторы и либералы разбили соціалистовъ; находясь въ разладѣ, они были поражены ими. Въ 1907 г. правые завоевали себѣ 113 мѣстъ въ Рейхстагѣ, либералы 106, партія центра 105, а соціалисты всего 43. Въ 1912 году картина измѣнилась: соціалисты стали наиболѣе сильной парламентской партіей, получивъ 110 мѣстъ, центръ 90, либералы 85, а консерваторы всего 69. Разумѣется нельзя ожидать успѣшного рѣшенія всѣхъ законодательныхъ задачъ только отъ совмѣстной работы консерваторовъ и либераловъ. Всегда будутъ случаи, когда, какъ въ отдѣльных такъ и въ важныхъ вопросахъ, консервативные и либеральные пути будутъ расходиться. Было-бы также неправильно приписывать всѣ крупныя успѣхи на поприщѣ внутренней политики консервативно-либеральному единенію. Въ области соціальнаго законодательства, а равно и въ вопросахъ обороны и сооруженія флота, рѣшающимъ факторомъ являлась нерѣдко партія центра. Но въ общемъ вражда между консерваторами и либералами всегда отзывалась неблагоприятно на самихъ этихъ партіяхъ, на ходѣ нашей внутренней политики и last not least на настроеніи націи.

Консервативно-либеральныя разногласія никогда не исчезнутъ. Они имѣютъ свое историческое оправда-

ніе и свой практическій смыслъ. Эти тренія составляютъ часть политической жизни. Однако не слѣдуетъ преувеличивать эти разногласія и считать ихъ непримиримыми міровоззрѣніями.

Не только неосновательно, но и непрактично раздувать партійныя различія, а весьма желательно руководствоваться во внутренней политикѣ совѣтомъ стараго Тьера: „donner à chaque chose sa juste valeur“. Партіи обыкновенно не долго идутъ рука объ руку, и заключаемые ими союзы не долговѣчны. Разставаясь съ сегодняшними друзьями и примиряясь со вчерашними врагами, партіи могутъ, въ концѣ концовъ, оказаться въ непріятномъ положеніи, т. к. имъ приходится разрушать тщательно созданную систему партійныхъ контрастовъ съ одинаковымъ трудомъ, съ какимъ она раньше была ими построена. И это повторяется почти настолько-же часто, поскольку мѣняется численность состава отдѣльных партій.

Если-бы партійныя разногласія были дѣйствительно такъ глубоки, какъ то представляется въ моменты партійныхъ разладовъ, то, при многочисленности нашихъ партій, изъ коихъ ни одна не имѣла до сихъ поръ въ Рейхстагѣ абсолютнаго большинства, законодательная работа была бы вполне безуспѣшна. Однако, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, на всѣхъ поприщахъ внутренней политики совершалась плодотворная работа. Партіи не отказывали въ своемъ содѣйствіи и преодолевали нерѣдко съ изумительной быстротой свои прежнія разногласія, подчеркивая за то болѣе ярко другія особенности. Но и это сглаживалось при новыхъ группировкахъ, такъ что, въ сущности, нѣтъ основаній трагически относиться къ партійнымъ разногласіямъ. Что же касается правительства, то оно должно разсматривать ихъ какъ мѣняющіеся факторы, на которые оно кромѣ того можетъ само воздѣйство-

вать. Недостаточно пользоваться большинствомъ, гдѣ и какъ его можно найти. Правительство должно стараться создавать его для осуществленія своихъ задачъ.

Управленіе съ мѣняющимися большинствами въ зависимости отъ случайной обстановки представляетъ несомнѣнныя выгоды, но является и не безопаснымъ. Это не панацея для всѣхъ случаевъ политической жизни. Принято указывать на Бисмарка, который бралъ большинство тамъ, гдѣ онъ его находилъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что главнымъ условіемъ эры Бисмарка было то, что онъ самъ стоялъ тогда у кормила правленія и настолько твердо держалъ бразды его въ своихъ желѣзныхъ рукахъ, что временное вліяніе которое онъ удѣлялъ тому или другому большинству, никогда не могло быть захвачено парламентомъ. Онъ пользовался даннымъ большинствомъ, но не подчинялся самъ его вліянію. Этотъ способъ выбрасывать, такъ сказать, на рынокъ законъ и продавать его съ торговъ возможенъ только, если правительство достаточно сильно и ловко, какъ было правительство Бисмарка. Если-же правительство дастъ увлечь себя, то можетъ случиться, что внесенный имъ законъ будетъ искаженъ вслѣдствіе взаимной борьбы партій и превратится чуть ли не въ противоположность тому, чего правительство первоначально желало.

Въ виду особенныхъ условій партійной жизни въ Германіи, является необходимымъ мѣнять большинство. Но для этого требуется твердая рука. Для самихъ партій полезно принимать непосредственное участіе въ законодательной работѣ. Партіи, которыя постоянно остаются въ оппозиціи, костенѣютъ въ концѣ концовъ въ своей партійной программѣ и оттягиваютъ, доколѣ онѣ не совсѣмъ замрутъ, жизненные силы политическаго организма. Въ такомъ положеніи оказалось

напр. въ теченіе десятковъ лѣтъ крайнее крыло нѣмецкаго либерализма по отношенію къ важнымъ вопросамъ національной жизни. Задача привлечь свободомыслящихъ къ активной работѣ въ вопросахъ обороны и колоніальной политики была рѣшена созданіемъ такъ называемаго блока. Я далекъ отъ мысли рекомендовать политику блока какъ панацею и, съ самаго начала осуществленія этой комбинаціи, я отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что блокъ продержится въ теченіе ограниченнаго времени, такъ какъ никогда я не считалъ возможною длительную изоляцію партіи центра.

Партія центра—сильный бастионъ, созданный католической частью нѣмецкаго народа съ цѣлью защиты противъ насилія со стороны протестантскаго большинства. Исторію центра можно прослѣдить до того времени, когда въ старой имперіи *corpus evangelicorum* былъ противопоставленъ *corpus catholicorum*. Между тѣмъ какъ въ старой имперіи католицизмъ и протестантизмъ были почти равносильны, въ новой имперіи первый оказался въ меньшинствѣ, и католическую имперскую власть смѣнила протестантская. Это однако не должно свидѣтельствовать о томъ, что монархіи Гогенцоллерновъ присвоенъ особый конфессіональный характеръ; оно лишь указываетъ на то, что вѣнценосцы въ старой германской имперіи, въ особенности изъ дома Габсбурговъ, принадлежали къ католической церкви, а домъ Гогенцоллерновъ принадлежитъ къ евангелическому вѣроисповѣданію, и что этотъ фактъ вызвалъ послѣ объединенія Германіи опасенія въ католической части населенія. При этомъ домъ Гогенцоллерновъ всегда стремился осуществлять принципъ религіознаго равенства, отказываясь отъ какой либо односторонности въ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ, благодаря чему можно надѣяться, что указанныя опасе-

нія католическаго меньшенства со временемъ всецѣло исчезнуть. Между тѣмъ нельзя не отмѣтить, что по сравненію съ протестантскимъ большинствомъ католическое меньшенство пользуется преимуществомъ большаго внутренняго единенія и замкнутости. Я самъ не могу отрицать, что если протестанты нерѣдко имѣютъ основаніе жаловаться на недостаточное пониманіе ихъ католиками, то, съ другой стороны, въ протестантскихъ сферахъ часто ощущается также отсутствіе должной терпимости по отношенію къ католикамъ. Мой бывшій полковой командиръ, фельдмаршалъ Баронъ Лое, бравый пруссакъ и вѣрный сынъ католической церкви, сказалъ мнѣ однажды, что въ этомъ отношеніи положеніе не улучшится, доколѣ известная французская формула „la recherche de la paternité est interdite“ не будетъ примѣняема въ Германіи въ смыслѣ „la recherche de la confession est interdite“. Въ такомъ же духѣ онъ отвѣтилъ на вопросъ одной иностранной высокой особы, желавшей знать, какое процентное отношеніе существуетъ между протестантскими и католическими офицерами въ ввѣренномъ ему армейскомъ корпусѣ: „Я знаю сколько батальоновъ, эскадроновъ и батарей мнѣ поручено, но мнѣ нѣтъ дѣла до того, къ какой церкви принадлежатъ мои офицеры.“ Такъ думаютъ въ арміи, а также и въ дипломатіи, и такого взгляда слѣдуетъ держаться вездѣ. Оба вѣроисповѣданія имѣютъ полное осознаніе помнить слова фонъ Герра, сказавшаго: „Мы всѣ, католики и протестанты, согрѣшили въ нашихъ отцахъ и продолжаемъ, каждый по своему, прясть у веретена человѣческихъ заблужденій. Никто не имѣетъ права надменно превозноситься надъ другимъ, и Богъ этого не терпитъ въ особенности у тѣхъ, которые именуютъ себя Его друзьями.“ Въ настоящей войнѣ католики и протестанты несутъ одинаковыя жертвы на алтарѣ

отечества. Дѣла милосердія одинаково велики, какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ. Протестантскія діакониссы и католическія сестры милосердія творятъ тѣ-же подвиги смиреннаго геройства. Многіе монахи, въ томъ числѣ и іезуиты, награждаются на полѣ брани знаками высшаго военного отличія. Вопреки нападкамъ изъ иностранныхъ католическихъ лагерей, наши католическіе сограждане примѣрно борются за успѣхъ нѣмецкаго дѣла. А проникнутыя глубокимъ чувствомъ христіанской любви посланія Бенедикта XV встрѣчены всюду въ Германіи съ одинаковой признательностью. Всѣ истинные патріоты должны надѣяться и желать, чтобы въ будущее мирное время религіозныя разногласія настолько же мало обнаруживались, какъ и теперь въ теченіе войны. Это легко достижимо, если наша общественная жизнь будетъ проникнута сознаниемъ полного равенства. Испытываемое въ католическихъ сферахъ чувство известнаго отчужденія можетъ быть преодолено только политикой полного равенства, исходящей изъ того, что нѣтъ ни католической, ни протестантской Германіи, а существуетъ лишь одна нераздѣльная нація какъ въ матеріальномъ, такъ и въ идейномъ отношеніяхъ.

Съ другой стороны, однако, нежелательно, чтобы религіозная партія пріобрѣла исключительный вѣсъ въ политической жизни, какъ то было въ Германіи въ теченіе многихъ лѣтъ. Центръ является партией, сплотившейся на вѣроисповѣдныхъ началахъ, но представляющей клерикальное меньшинство. Какъ таковая она имѣетъ безусловно свои права, но она не должна имѣть притязаніе на особое политическое положеніе. Каждая партія, обладающая вліяніемъ въ парламентѣ, склонна злоупотреблять своей силой. Для партіи, занявшей, какъ партія центра, почти несокрушимую позицію въ Рейхстагѣ, было особенно великъ

соблазнъ вести политику насилія, когда ей представлялась возможность создавать большинство при помощи социаль-демократіи и препятствовать такимъ образомъ осуществленію нежелательныхъ ей законопроектовъ. Подобное парламентское большинство, которымъ отвергались исполнѣ законныя и обоснованныя требованія правительства, было не только вредно, но и грозило серьезной опасностью нашей національной жизни. До 1906 г. центръ неоднократно пользовался принципиальной оппозиціей социалистовъ для образования большинства съ тѣмъ только, чтобы дать почувствовать правительству свою силу. Вплоть до парламентскихъ выборовъ 1907 г. и созданія блока, послѣ чего центръ не противился болѣе проведенію ни одного изъ военныхъ, морскихъ и колоніальныхъ законопроектовъ, политика правительства находилась подъ постоянной угрозой сліянія центра съ социалистами въ оппозиціонное большинство. При этомъ не слѣдуетъ конечно забывать участія партіи центра въ осуществленіи истинныхъ національныхъ задачъ, какъ напр. морского закона, новаго тарифа и проектовъ социальной политики. Но уклончивое поведеніе центра въ колоніальныхъ вопросахъ въ 1906 г. доказало, что эта партія во всякое время готова изъ-за своихъ тактическихъ цѣлей пользоваться содѣйствіемъ социалистовъ и производить недопустимое давленіе на правительство.

Вызванный въ то время центромъ конфликтъ долженъ былъ быть разрѣшенъ такимъ образомъ, чтобы правительство могло впредь опираться на большинство, которое не исключало-бы партіи центра, но которое было-бы достаточно сильнымъ для осуществления національныхъ задачъ, независимо отъ его поддержки. Не противъ самой партіи центра, какъ таковой, а противъ возможной ея оппозиціи совмѣстно съ социаль-демократами, было образовано

большинство блока. Выборы 1907 года, приведшіе къ созданію блока, были вѣрно поняты въ странѣ какъ чисто національное дѣло.

Идея блока была, такъ сказать, примѣненіемъ къ современнымъ условіямъ старой комбинаціи Бисмарка, объединившаго консерваторовъ съ національ-либералами. Эти партіи были размолены, въ теченіе времени, жерновами центра и социаль-демократіи. И дабы обойтись безъ помощи центра, было необходимо привлечь свободомыслящихъ къ создаваемому большинству. Когда послѣдніе протянули въ 1906 году правительству руку, правительство ухтатилось за нее. Дѣло было не въ томъ, чтобы правительство овладѣло партіей, а въ томъ, чтобы была найдена болѣе широкая почва для распространенія національной идеи въ народѣ. Въ первый разъ со времени основанія имперіи свободомыслящіе высказались безъ оговорокъ въ пользу колоніальной, военной и міровой политики.

Съ 1907 года свободомыслящіе высказывались за всѣ предложенія, касавшіяся обороны. Малыя военные и морскія программы 1912 г. были одинаково приняты ими какъ и проектъ увеличенія арміи 1913 г. и колоніально-политическія требованія. Для оцѣнки помощи со стороны свободомыслящихъ не только важенъ вопросъ, нашлось-ли бы вообще для проведенія этихъ законовъ большинство въ Рейхстагѣ безъ ихъ содѣйствія. Главная выгода заключалась въ томъ, что съ 1907 г. всѣ буржуазныя партіи сплотились противъ социалистовъ и сепаратистскихъ націоналистическихъ партій. Национальные вопросы имперіи перестали быть предметомъ постоянныхъ внутренне-политическихъ опасеній. Кромѣ того, единодушное выраженіе національныхъ стремленій въ вопросахъ обороны имперіи должно было произвести впечатлѣніе за-границей.

Стоить только оглянуться на судьбу болѣе крупныхъ законопроектовъ, касающихся обороны, за послѣднія десятилѣтія, чтобы оцѣнить достигнутый успѣхъ. Національная идея не должна была болѣе развиваться односторонне по путямъ старой прусско-германской континентальной политики, но и подвигаться къ цѣлямъ новой міровой политики, которыя лежали болѣе въ будущемъ, чѣмъ въ настоящемъ. Дѣло касалось не только арміи, но и флота.

Въ сущности, довольно странно, что именно въ наиболѣе воинственномъ народѣ Европы парламентскія партіи такъ туго соглашались съ новыми требованіями для обороны имперіи и что потребовалось болѣе трехъ съ половиною десятковъ лѣтъ, чтобы достичь единодушія, по крайней мѣрѣ, буржуазныхъ партій въ этомъ вопросѣ. Главной виной этого былъ не недостатокъ патриотизма, а насильственность партійной политики и упорство въ отстаиваніи партійныхъ программъ. Правительству пришлось пробуждать и оживлять патриотическія чувства всѣхъ партій и привлекать ихъ, пренебрегая всякими предвзятыми идеями, къ совмѣстной національной работѣ, если онѣ казались достаточно для этого сильными. Правительство, которое отталкивало-бы отъ себя изъ-за какихъ либо предубѣжденій извѣстную партію, изъясвившую готовность трудиться въ національныхъ цѣляхъ, или которое пренебрегало бы національными жертвами партіи изъ-за неугоднаго ему общаго ея политическаго направленія, дѣйствовало-бы не въ національномъ духѣ. Для правительства главнымъ мѣриломъ для каждой партіи должна быть сила ея національнаго сознанія. Съ надежной въ національномъ отношеніи партіей можно работать. При существующемъ въ Германіи тяжеломъ выборѣ между общественными и партійными интересами, такая партія можетъ быть въ важнѣйшихъ во-

просахъ подчинена въ концѣ концовъ національнымъ требованіямъ. Твердая вѣра въ конечное торжество національной идеи является первымъ условіемъ истинно національной политики.

Обзоръ участи германскихъ законопроектовъ относительно обороны за четверть столѣтія наиболѣе наглядно уяснить развитіе національной идеи среди различныхъ партій. Консерваторы имѣютъ полное право гордиться тѣмъ, что они не отказали правительству ни въ одномъ солдатѣ. Національ-либералы также никогда не тормозили проведенія военныхъ законовъ. Бисмаркъ оставилъ въ наслѣдство новому Рейхстагу 1890 г. военный законопроектъ, который былъ однако внесенъ на разсмотрѣніе парламента въ нѣсколько урѣзанномъ видѣ. Графъ Каприви требовалъ 18.000 человѣкъ и 70 батарей. Несмотря на то, что престарѣлый Мольтке высказался за этотъ проектъ, судьба его была долгое время не обезпечена. Свободо-мыслящіе отказали въ своей поддержкѣ. Наконецъ проектъ этотъ былъ принятъ консерваторами и національ-либералами при содѣйствіи центра, который оговорилъ однако свое согласіе требованіемъ двухлѣтней службы.

Военный законъ 1893 года, которымъ долженъ былъ быть восполненъ недостаточный контингентъ, добытый предшествовавшимъ закономъ, доказалъ шаткость парламентскаго большинства, на которое опиралось правительство. Центръ, разочарованный въ прусскомъ школьномъ вопросѣ, отомстилъ правительству отказомъ въ военномъ законѣ, не смотря на то, что правительствомъ было принято во вниманіе требованіе центра касательно двухлѣтней службы. Изъ свободомыслящей партіи голосовали въ пользу новаго закона всего шесть депутатовъ. Въ 1893 г. промелькнула, какъ бы, слабая надежда на осуществившееся, 16 лѣтъ

спустя, единеніе консерваторовъ, либераловъ и свободомыслящихъ. Но время тогда еще не назрѣло. Послѣ отклоненія закона центромъ, социалистами и свободомыслящими, Рейхстагъ былъ распущенъ. При выборной кампаніи выдѣлился изъ партіи прогрессистовъ расположенный въ пользу военного закона свободомыслящій союзъ, но требуемаго большинства безъ партіи центра не создалось, Число социалистовъ увеличилось. Большинство свободомыслящихъ осталось въ оппозиціи. Большинство—201 голосъ противъ 185—получилось только благодаря увеличенію польской партіи съ 16 до 19. Внесенный правительствомъ новый проектъ, шесть лѣтъ спустя, былъ также урѣзанъ, и его удалось не безъ труда провести, вопреки оппозиціи свободомыслящихъ и социалистовъ, съ центромъ. Проектъ былъ встрѣченъ безъ всякаго энтузіазма, и грозилъ даже внутренней конфликтъ *). Увеличенію арміи на 10.000 человекъ весною 1905 г. содѣйствовало большинство, согласное на проведеніе тарифныхъ законовъ, при чемъ свободомыслящіе все еще продолжали уклоняться. Не иначе обстояло дѣло съ морскими законопроектами. И по этому вопросу разгорались нескончаемые споры, и согласіе на нихъ добывалось лишь послѣ длительныхъ переговоровъ правительства съ отдѣльными партіями. Послѣ отклоненія въ 1897 г. постройки всего двухъ новыхъ крейсеровъ удалось въ слѣдующемъ году образовать съ немалыми усилиями въ Рейхстагѣ большинство для принятія перваго большого морского законопроекта. Монархъ самъ долженъ былъ выступить въ защиту этого національнаго дѣла. Именитые ученые, какъ Адольфъ Вагнеръ, Шмоллеръ, Сэрингъ, Лампрехтъ, Эрихъ Маркъ и многіе другіе, начали под-

Примѣч. переводчика: Примѣръ какъ мало народъ сочувствовалъ первоначально воинственнымъ планамъ правительства.

готовлять почву для распространенія идеи о флотѣ въ особенности въ интеллигентныхъ кругахъ. Предложеніе 1898 г. было наконецъ принято большинствомъ 212 голосовъ противъ 139 голосовъ, при чемъ 20 членовъ партіи центра и всѣ свободомыслящіе и социалисты оказались въ оппозиціи. Равнымъ образомъ свободомыслящіе голосовали противъ морского законопроекта 1900 г. Однако, на этотъ разъ, весь центръ далъ свое согласіе послѣ того, какъ число затребуемыхъ крейсеровъ было понижено съ 64 до 51. Въ 1906 году большинство, принявшее тарифные законы, согласилось на восстановленіе полностью первоначальныхъ требованій правительства, а примѣръ Англіи повліялъ на принятіе предложенія относительно размѣровъ проектируемыхъ броненосцевъ.

Разумѣется, въ концѣ концовъ, удалось образовать требуемое большинство для проведенія всѣхъ законопроектовъ по оборонѣ. Но принятію этихъ проектовъ предшествовали почти всегда продолжительные торги, и нерѣдко заключались неудобные компромиссы. У насъ не было возможности рассчитывать на постоянное и надежное большинство для осуществленія столь необходимыхъ и обоснованныхъ военныхъ требованій. Не одинъ разъ рѣшеніе висѣло на ниточкѣ. И если бы не появлялась, какъ при военномъ законѣ 1893 г., неожиданная помощь со стороны поляковъ, то успѣхъ или неудача зависѣли постоянно отъ достаточной или недостаточной готовности центра поддержать правительство. Благодаря этому партія центра не только была проникнута сознаниемъ своего вліянія, но и имѣла дѣйствительно большую власть. Перемена фронта свободомыслящихъ и выборная побѣда новаго большинства, т. е. блока, означала знаменательный поворотъ. Центръ понялъ, что судьба національныхъ вопросовъ не будетъ болѣе зависѣть отъ него одного и что уклончивое его

отношеніе къ этимъ вопросамъ можетъ подорвать его положеніе въ парламентѣ. Свободомыслящіе, въ свою очередь, остались при совершенной ими въ 1906 году эволюціи, доказавъ это весною 1912 г. и лѣтомъ 1913 г.

Подобное развитіе національной идеи и совершившаяся перемѣна въ отношеніи партій къ вопросамъ, касающимся военной обороны имперіи, должны были вселить въ нѣмецкихъ патріотахъ радостную увѣренность. 50 лѣтъ тому назадъ, Вильгельмъ I отстаивалъ одинъ со своимъ министерствомъ и съ небольшимъ числомъ консерваторовъ необходимость преобразования прусской арміи. Послѣ основанія имперіи, Бисмарку приходилось упорно бороться съ партіями изъ-за всякаго, даже минимальнаго, военнаго требованія. Въ 1893 г. возникъ по поводу военнаго закона серіозный внутренній конфликтъ. Въ октябрѣ 1899 г. Вильгельмъ II жаловался, что въ теченіе первыхъ восьми лѣтъ его царствованія было отказано въ увеличеніи флота, несмотря на неустанныя его просьбы и предостереженія. Когда даже идея о флотѣ стала распространяться въ народѣ, то и тогда еще отдѣльные морскіе законопроекты не могли быть осуществлены безъ тяжелой парламентской борьбы.

Военныя предложенія 1912 г. были одобрены всѣми буржуазными партіями Рейхстага. Военный законъ 1913 г. былъ встрѣченъ партіями съ небывалой готовностью, какъ ни одно еще требованіе по сухопутной и морской оборонѣ. По существу этотъ проектъ не вызвалъ даже особенно серьезныхъ преній. Если партіи спорили о вопросѣ финансированія закона, то это объясняется причинами общаго партійнаго характера и серіознѣйшими соображеніями финансовой политики. Ни одна изъ буржуазныхъ партій, начиная съ крайней правой до свободомыслящихъ включительно, не помышляла ставить одобреніе закона въ зависимость отъ за-

трудненій и разногласій касательно изысканія способа его финансированія. Уже до войны всякое необходимое военное и морское требованіе могло рассчитывать на вѣрное парламентское большинство. Эра блока въ значительной степени подготовила этотъ успѣхъ и она составляетъ немаловажное звено въ развитіи продолжительной борьбы, которую правительство вело съ партіями за національную идею. Эта борьба отразилась глубже, чѣмъ что бы то ни было, на ходѣ всей внутренней политики со времени основанія имперіи до начала войны, и надо надѣяться, что она теперь разъ навсегда окончена и принадлежитъ исторіи.

Въ августѣ 1914 г., когда Вильгельмъ II сказалъ, что онъ не знаетъ болѣе никакихъ партій, а только однихъ нѣмцевъ, социалисты, уклонявшіеся до тѣхъ поръ отъ обсужденія всѣхъ національных вопросовъ, также примкнули къ фронту всего германскаго народа. Они, подобно остальнымъ партіямъ, голосовали въ пользу военныхъ кредитовъ и такимъ образомъ доказали, насколько былъ правъ Бебель, сказавшій, что онъ самъ возьмется за ружье, если на Германію будетъ совершено нападеніе *).

Въ числѣ столькихъ великихъ и радостныхъ переживаній, вызванныхъ неожиданнымъ еще такъ скоро серіознымъ часомъ 1914 года, поведеніе социалистовъ явилось безусловно однимъ изъ наиболѣе отрадныхъ. Я самъ, не разъ ожесточенно боровшійся съ социаль-демократіей въ теченіе моей государственной дѣятельности, глубоко испытывалъ по этому поводу общую національную радость. Собственно говоря, никто изъ тѣхъ, которые знаютъ, какой здравый патріотизмъ живетъ въ нѣмецкомъ рабочемъ населеніи, серіозно не

*) Примѣч. переводчика: Одна изъ явныхъ причинъ ложнаго гипноза, чтобы побудить социалистовъ къ высту-
пленію.

опасался, чтобы въ минуту нужды боевая сила имперіи и народа могла быть парализована социалистическимъ движеніемъ. Сомнѣнія могли существовать только относительно того, поспѣшаютъ-ли парламентскіе вожаки социалистической партіи согласовать свое рѣшеніе съ патріотическимъ настроеніемъ рабочихъ массъ. Событія опровергли подобныя сомнѣнія. Учитывая патріотическія чувства и сознаніе національнаго долга стоящихъ за ними рабочихъ массъ, вожаки социаль-демократической партіи не только поступили патріотично, но и дѣйствовали весьма дальновидно и ловко въ интересахъ партіи. Вожакіи социалистической партіи сами лучше всѣхъ сознаютъ, что своимъ поведеніемъ въ началѣ войны они оказали громадную услугу своей партіи, не говоря уже объ услугѣ, оказанной ими въ тяжелый часъ правительству. Въ сущности, это только лишній разъ доказываетъ, что самая разумная партійная политика та, которая сообразуется съ надобностями государства. То, что относится къ потребностямъ военнаго времени, примѣнимо въ концѣ концовъ и къ подѣ часу неудобнымъ и тягостнымъ требованіямъ мирнаго времени.

Если сами нѣмцы не сомнѣвались въ томъ, что социалисты—рабочіе не будутъ отклоняться отъ исполненія патріотическаго долга національной обороны во время войны, то за-границей было весьма распространено мнѣніе, что социалистическій вопросъ можетъ причинить Германіи серіозныя затрудненія въ случаѣ войны. Въ иностранной печати отразилось извѣстное чувство удивленія, когда германскіе военные кредиты были единогласно приняты и партійные вопросы совсѣмъ заглушили. Заблужденіе иностраннаго общественнаго мнѣнія объясняется непониманіемъ самобытности германской социаль-демократіи, которая совсѣмъ иная, чѣмъ социаль-демократія другихъ странъ.

Когда Карлъ Марксъ выпустилъ свое пламенное воззваніе: „Рабочіе всѣхъ странъ, объединяйтесь! Вамъ нечего терять, кромѣ вашихъ цѣпей, но вы можете завоевать цѣлый міръ“, то во всѣхъ культурныхъ странахъ стали образовываться, отчасти на старыхъ, отчасти на новыхъ началахъ, социалистическія рабочія партіи и организаціи, которыя стремились затѣмъ къ взаимному единенію. Между тѣмъ какъ социалистическія партіи въ другихъ странахъ, особливо въ романскихъ, вошли въ рамки общей національной жизни партій и преслѣдовали практическія цѣли реальной политики, германская социаль-демократія ввела въ свою программу отдаленныя и утопическія цѣли идеологіи Маркса, проповѣдовавшаго новыя государственныя, общественныя и народныя порядки, и заняла положеніе внѣ національной жизни остальныхъ нѣмецкихъ партій. Въ сущности, германская социаль-демократія была единственная, которая серіозно считалась съ социалистическимъ идеаломъ, и навѣрное также послѣ войны пройдетъ не мало времени, раньше чѣмъ она не научится отличать достижимый идеалъ отъ неосуществимой утопіи *).

Долгое время въ германской социаль-демократіи преобладало теченіе, отрицавшее всякое участіе въ парламентской жизни существующаго государственнаго и общественнаго строя, какъ несовмѣстимое съ социалистическимъ идеаломъ. Лишь постепенно и весьма медленно социаль-демократія вошла въ парламентскую жизнь и сравнительно недавно она рѣшилась на положительное сотрудничество въ законодательныхъ работахъ. Она постоянно подчеркивала, что ея идеи не имѣютъ ничего общаго съ правовыми понятіями, обще-

*) Примѣч. переводчика: Цѣнное и отрадное признаніе

ственными порядками и національными идеалами, на которые опирается германская государственная жизнь. Она жила съ совокупностью своихъ политическихъ представленийъ совсѣмъ въ иномъ, а не въ существующемъ политическомъ мірѣ.

Изъ всѣхъ социалистическихъ партій культурнаго міра она была единственной, которая правовѣрно включила въ свою программу космополитическую сторону идей Маркса и защищала ихъ съ той настойчивостью, какую обнаруживаютъ всѣ вообще нѣмецкія партійныя организации въ програмныхъ вопросахъ. Международная общность интересовъ пролетаріата признавалась за-границей въ томъ видѣ, что социалистическіе вожаки проносили на международныхъ конгрессахъ социалистовъ болѣе или менѣе остранныя рѣчи, въ которыхъ они превозносили „интернаціональ“, не находя однако способа для практическаго его осуществленія. Для германской социаль-демократіи интернаціональ составляетъ именно ея догматъ и является, что еще важнѣе у нѣмцевъ, дѣломъ чувства. Какъ въ политическихъ и главнымъ образомъ въ конституціонныхъ идеяхъ германской социаль-демократіи содержится много разнаго рода возможныхъ и невозможныхъ традицій, такъ и ея космополитизмъ основывается на чисто нѣмецкихъ преданіяхъ, принявшихъ въ социалистической программѣ одностороннюю партійную форму. Нѣмецъ во всѣ времена охотно и сознательно бывалъ немного космополитомъ. Космополитизмъ намъ часто вредилъ въ нашей внѣшней политикѣ, въ области же духовной жизни онъ былъ вдохновителемъ высшихъ твореній нашей поэзіи и философіи и содѣйствовалъ завоеванію міра германскимъ духомъ. Космополитизмъ и интернаціонализмъ, какъ бы, составляютъ часть нашей національной самобытности. Въ социалистическомъ рабочемъ движеніи космополитическій идеалъ получилъ извѣстное на-

правленіе къ практически достижимой цѣли; но вслѣдствіе этого получилось и умаленіе идеала, которое лишило его германской свободы и величія. Идея духовнаго и нравственнаго общенія народовъ, выраженная еще Шиллеромъ, была низведена въ нѣмецкомъ социализмѣ къ лозунгу общности интересовъ и боевыхъ мѣръ особой народной кассы: рабочаго пролетаріата, чего именно требовалъ Марксъ въ своемъ слѣпомъ увлеченіи. Духъ нѣмецкаго сепаратизма сочетался съ нѣмецкимъ космополитизмомъ. Направляя свои высшія политическія стремленія къ международному идеалу, германская социаль-демократія разошлась со всѣми остальными нѣмецкими партіями, преслѣдующими различными способами на почвѣ національныхъ традицій идеи національнаго развитія. Въ національной жизни она хотѣла быть антинациональной партіей и была въ дѣйствительности таковой въ теченіе десятковъ лѣтъ, противодѣйствуя всѣмъ требованіямъ національной нѣмецкой политики.

Обособленіе социаль-демократіи вслѣдствіе уклоненія ея отъ національной идеи усугублялось еще подчеркиваемой нетерпимостью классоваго самосознанія пролетаріевъ, что явилось, въ сущности, особымъ видомъ нѣмецкаго кастоваго духа. Задача социалистической реорганизации міровыхъ порядковъ должна была быть осуществлена пролетаріатомъ въ пользу пролетаріевъ. Прочіе классы населенія рассматривались какъ страдательные объекты политики пролетаріевъ. Соціалисты приписывали только себѣ однимъ право устанавливать новый міровой строй и распоряжаться благами мнимой высшей общественной и духовной жизни. Получилось странное историческое явленіе, что въ теченіе XIX в. четвертое сословіе въ Германіи горделиво обособилось отъ прочихъ сословій, которыя раньше ограждали себя отъ низшихъ классовъ населенія. Упраздненіе въ со-

временной государственной жизни прежних сословных привилегий имѣло послѣдствіемъ то, что четвертое сословіе, которое въ теченіе долгаго времени не пользовалось безъ всякихъ основаній почти никакими правами, стало, въ свою очередь, добиваться извѣстныхъ классовыхъ и сословныхъ преимуществъ. Какъ въ свое время борьба высшихъ классовъ, такъ и новая борьба социалистическаго класса мало-по-малу притупилась въ суровой дѣйствительности практической жизни, которая выдвинула на первый планъ политической борьбы необходимость удовлетворенія жизненныхъ экономическихъ интересовъ всѣхъ сословій.

Въ концѣ концовъ, социалистическія рабочія организации, испытывая на себѣ экономическія нужды, не могли жить только пустой надеждой на благо будущаго социалистическаго государства, въ которомъ блаженствовали бы пролетаріи грядущихъ вѣковъ. Рабочіе стремились напротивъ того къ облегченію даннаго тяжелаго экономическаго положенія, требуя высшей платы, сокращенія рабочихъ часовъ, помощи на случай болѣзни и заботы въ старости. Эти результаты могли быть однако добыты только на почвѣ существующихъ экономическихъ порядковъ и законодательными актами существующей государственной власти, благодаря чему борьба не удалялась отъ національной жизни, а напротивъ—все болѣе углублялась въ нее. Помимо желанія самихъ социаль-демократовъ, они почти безсознательно обращались отъ социалистическихъ и интернаціональных цѣлей къ задачамъ социальной политики, которыя лежатъ въ области національной жизни.

Этотъ поворотъ отъ социалистической идеологіи къ практикѣ социальной политики совпадаетъ по времени и вызвавшимъ ее причинамъ съ усиленіемъ движенія такъ называемыхъ профессиональных союзовъ. Между тѣмъ какъ число партійно-организованныхъ социали-

стовъ только медленно продолжало расти, численность членовъ свободныхъ ремесленныхъ союзовъ быстро умножалась. Съ тѣхъ поръ число послѣднихъ почти утроилось, такъ что сила нѣмецкой социаль-демократіи почитается нынѣ почти только на профессиональных союзахъ. Союзы-же эти выдвигали на первый планъ своихъ стремленій борьбу за осязаемыя экономическія выгоды для рабочихъ, выгоды, которыя въ концѣ концовъ могутъ быть длительно обеспечены лишь законодательствомъ государства. Свободные социалистическіе союзы держались еще социалистической программы и являлись носителями идеи будущаго социалистическаго государства и радикально-демократическихъ стремленій, которыя являются наслѣдіемъ великой французской революціи и мартовскихъ событій 1848 г. Въ этомъ отношеніи они не оказали ни малѣйшаго смягчающаго воздѣйствія, ни на республиканскія цѣли, ни на революціонныя наклонности социаль-демократіи. Однако преслѣдованіемъ опредѣленной насущной политики съ осязательными цѣлями они содѣйствовали постепенному преобразованію социаль-демократіи изъ антинаціональной партіи слѣпой классовой борьбы въ представительство интересовъ нѣмецкихъ рабочихъ. Они показали рабочему, что не только будущее социалистическое государство сулитъ ему выгоды, но что онъ можетъ извлекать также не мало пользы для себя въ современномъ государствѣ.

Наряду съ свободными профессиональными союзами, примкнувшими къ социаль-демократіи, возникли и другія рабочія организации, которыя обслуживали интересы рабочаго сословія, не преслѣдуя социалистическихъ и радикально-демократическихъ цѣлей социаль-демократической партіи. Съ 1½ милл. организованныхъ членовъ онѣ представляютъ совместно съ 2½ милл. участниковъ свободныхъ профессиональных союзовъ

часть общаго рабочаго движенія и, не придавая сословному представительству острiе радикальной политической оппозиціи, онѣ многое сдѣлали для улучшенія экономическаго положенія нѣмецкаго рабочаго населенія. Именно тѣ партіи, которыя покровительствовали не-соціалистическимъ рабочимъ организаціямъ, какъ напр. партія центра, во многомъ помогли успѣшному осуществленію задачъ нѣмецкой соціальной политики.

Когда началась мировая война, нѣмецкое рабочее сословіе могло уже обозрѣть плоды полувѣковой рабочей политики германскаго правительства, оглянуться на успѣхи своей собственной борьбы и ощутить послѣдствія правительственной законодательной работы, которая пошла навстрѣчу пожеланіямъ и требованіямъ рабочаго населенія. Не смотря на то, что соціалъ-демократическая партія была сильнѣе прежняго, она являлась уже представительницей иной рабочей массы, чѣмъ была та, къ которой обращался Марксъ со словами: „вамъ нечего терять, кромѣ вашихъ цѣлей.“ Нѣмецкому рабочему, будь онъ соціалистомъ или нѣтъ, и тогда было уже многое что терять. Хотя онъ далеко еще не дошелъ до конечныхъ своихъ цѣлей, хотя онъ иногда находился еще подъ гнетомъ тяжелой экономической борьбы, онъ тѣмъ не менѣе двинулся уже впередъ, имѣлъ нѣкоторое довольствіе и видѣлъ себя обеспеченнымъ на случай болѣзни и старости. Большая часть нѣмецкаго пролетаріата вошла въ бытъ мелкой буржуазіи. А постепенное восхожденіе нѣмецкаго рабочаго сословія совсѣмъ уже не подчинялось условіямъ интернаціональных интересовъ пролетаріата, но обще-экономическому и мировому развитію современной Германіи. При этомъ нельзя не задаться вопросомъ было ли бы вообще мыслимо послѣ пораженія Германіи дальнѣйшее развитіе соціальнаго за-

конодательства? *) Не явно-ли, что въ побѣжденной Германіи должно было-бы рухнуть возведенное въ теченіе десятковъ лѣтъ съ необычайной и нигдѣ еще не виданной осмотрительностью и широтою строеніе соціальнаго законодательства? Когда отечество оказалось въ опасности, то всѣ соціалистическіе и интернаціональные идеалы не смогли пошатнуть крѣпкій и основанный на личныхъ выгодахъ патріотизмъ, отождествляющій національную войну съ борьбой за собственные интересы. Взаимность интересовъ рабочаго населенія и правительства была доказана и тѣмъ, что именно свободные соціалъ-демократическіе ремесленные союзы тотчасъ же послѣ объявленія войны поставили себя въ распоряженіе имперіи для выполненія великихъ экономическихъ требованій, вызванныхъ войной.

Въ будущемъ соціалъ-демократамъ будетъ не легко согласовать занятое ими во время войны положеніе по отношенію къ правительству и государству съ соціалистической и радикально-демократической программой, которой они очевидно намѣрены и впредь держаться. Имъ пришлось бы пожертвовать той или другой изъ ихъ прежнихъ цѣлей и отказаться отъ стремленій и приемовъ бывшей классовой борьбы, если они хотятъ и для мирной работы сохранить связь съ общей жизнью націи. Колебанія и отступленія будутъ неминуемы. Однако желательно въ виду общихъ нѣмецкихъ интересовъ рабочаго сословія, чтобы соціалъ-демократія сохранила занятое ею своей сдержанностью и пониманіемъ національныхъ требованій въ теченіе этой войны равноправное мѣсто среди нѣмецкихъ партій.

Съ другой стороны, одной изъ главныхъ задачъ правительства и прочихъ партій будетъ облегчить со-

Примѣч. переводчика: Этотъ вопросъ обнаруживаетъ одинъ изъ демагогическихъ приемовъ воздѣйствія на рабочее населеніе въ цѣляхъ войны.

ціалъ-демократіи, привлеченной въ военное время къ національному дѣлу, ужитья въ общемъ складѣ государственной жизни. Правительство должно относиться справедливо и безъ предразсудковъ къ рабочимъ—соціалистамъ. Оно должно помочь имъ чувствовать себя полноправными гражданами, какъ въ государственномъ, такъ и въ общественномъ отношеніяхъ.

Всякій уравновѣшенный патріотъ, къ какой-бы партіи онъ ни принадлежалъ, не можетъ не одобрить словъ, сказанныхъ въ мартѣ 1915 г. соціалистическимъ депутатомъ Гейне: „Присущія издревле нѣмцамъ склонность къ спорамъ и разрозненность существуютъ и послѣ объединенія имперіи, онѣ только вогнаны внутрь. Германія завязла въ представленіяхъ до-мартовской эпохи и въ узкихъ мѣщанскихъ взглядахъ. Нѣмецъ видитъ въ каждомъ человѣкѣ, имѣющемъ другія политическія убѣжденія, личнаго врага. Такимъ образомъ народъ былъ разбитъ на отдѣльные лагеря. Война измѣнила это. Но мы должны ясно сознать, что Германіи не только угрожаетъ опасность, но что даже послѣ побѣдоноснаго окончанія войны она останется въ такомъ же положеніи, что наша работа будетъ тяжелѣе, заработокъ меньше, гнетъ сильнѣе и опасность новыхъ войнъ ближе.*) Поэтому сознаніе національнаго единства не должно быть нарушаемо. Презрѣніе и неуваженіе къ политическому противнику должны исчезнуть, такъ какъ они подрываютъ чувство солидарности. Поэтому должна прекратиться травля соплеменниковъ. Каждый долженъ защищать свои убѣжденія, но вполне трезво, и не забывать, что противникъ также только желаетъ блага народа. Только въ томъ случаѣ,

*) Примѣч. переводчика: Нельзя не обратить особаго вниманія на эти слова соціалиста Гейне, подъ которыми такъ сказать публично расписывается въ своей книгѣ бывшій Канцлеръ Германской Имперіи.

если мы преодолѣемъ среди насъ духъ узкаго различія, который не терпитъ другихъ мнѣній, мы достигнемъ внутренняго мира, при которомъ возможна плодотворная работа въ интересахъ народа.“

Лучшимъ средствомъ исцѣлить рабочій классъ отъ ложной вѣры соціализма въ иную лучшую будущность, остается смѣлая и дальновидная политика, способная вселять чувство удовлетворенія настоящей національной жизнью, политика, напрягающая лучшія національныя силы, привлекающая къ себѣ все болѣе разрастающееся среднее сословіе, которое въ своемъ подавляющемъ большинствѣ твердо стоитъ за монархію и правительство, политика, открывающая безъ бюрократическихъ предубѣжденій таланту свободный путь также въ государственной жизни и вызывающая къ наилучшимъ національнымъ чувствамъ. Национальный моментъ долженъ быть всегда выдвигаемъ на первый планъ національными заданіями, дабы національная идея не переставала быть двигателемъ партій и звеномъ между ними. Ничто не приводитъ въ большее уныніе и смущеніе умственно развитой и живой народъ, подобный германскому, какъ безцвѣтная и безжизненная политика, опасаящаяся возбудить страсти мужественными рѣшеніями, дабы только избѣжать борьбы. Когда мой предшественникъ, Князь Хлодвигъ Гогенлоэ, былъ посломъ въ Парижѣ, онъ отозвался однажды въ разговорѣ со мной съ полнымъ одобреніемъ объ одномъ баварскомъ государственномъ дѣятелѣ, восхваляя его способности, прилежаніе и добросовѣстность. На мой вопросъ, почему Князь, въ свою бытность баварскимъ Министромъ-Президентомъ, не предложилъ этому лицу министерскаго поста, онъ совсѣмъ серьезно мнѣ отвѣтилъ: „Для министра этотъ человѣкъ не былъ достаточно легкомысленъ“, прибавивъ: „мое замѣчаніе не должно быть понято вами какъ поощреніе легко-

мысленнаго образа жизни, къ чему молодежь и безъ того склонна. Я хотѣлъ это сказать въ политическомъ смыслѣ. Министръ долженъ обладать извѣстной долей рѣшимости и импульсивности. Иногда онъ долженъ рисковать крупной ставкой и брать на лету высокій барьеръ, не то ничего не выйдетъ." Это замѣчаніе Князя Гогенлоэ напоминаетъ подобныя же изреченія Бисмарка. Правительства и министры не должны избѣгать борьбы. Болѣе чѣмъ въ треніяхъ между партіями здоровый народъ нуждается въ треніяхъ съ правительствомъ. Такое треніе даетъ живительное тепло, безъ котораго политическая жизнь націи становится въ концѣ концовъ скучной. У нѣмцевъ издавна существуетъ потребность препираться иногда съ начальствомъ. Ничто болѣе не досаждало нѣмцу, какъ если онъ чувствуетъ, что не сопротивляются удару, а избѣгаютъ его. *) И всегда можно наблюдать, что партіи также наиболѣе склонны обострять оппозицію, если правительство не расположено принять ихъ вызовъ. Страсть нѣмцевъ къ борьбѣ, которую мы встрѣчаемъ въ исторіи и легендахъ, сохранилась до сихъ поръ въ нашей политической жизни. Лучшей политикой является для нѣмца не та, которая даетъ ему покой, а та, которая держитъ его въ постоянномъ боевомъ настроеніи, предоставляя ему возможность испытать свои силы, словомъ, политика, возбуждающая жизнь своей живостью.

Разумѣется, большая разница между политической борьбой и политической раздражительностью. Въ народѣ отлично понимаютъ, пользуется ли правительство своими силами для достиженія великихъ цѣлей или расходуетъ ихъ попусту въ мелочахъ. Хозяинъ въ го-

*) Примѣч. переводчика: Психологическое наблюденіе имѣющее также значеніе въ области германской внѣшней политики.

сударствѣ, то-же что и хозяинъ у себя дома. Домашніе тираны обыкновенно слабые люди, люди съ сильной волей у себя дома скорѣе снисходительны къ мелочамъ, такъ какъ имъ нужна сила для болѣе важнаго. Политикой булавочныхъ уколовъ правительство дѣлается нелюбимымъ, не приобрѣтая уваженія. Ничто не создаетъ большаго неудовольствія существующимъ, ничто не настраиваетъ болѣе народъ въ радикальномъ смыслѣ, какъ узкій бюрократизмъ, полицейская неуклюжесть и главнымъ образомъ придирки на духовной почвѣ, гдѣ культурная нація не желаетъ быть затрагиваема политикой. Это не специально нѣмецкая, но общечеловѣческая черта, что лично испытанная неприятность или досада по поводу какого-либо промаха со стороны властей глубже засѣдаетъ въ памяти, чѣмъ лучшее и наиболѣе твердое политическое убѣжденіе. Изъ цвѣточковъ бюрократіи социаль-демократія высасываетъ поэтому свой лучший медъ. Надо пожить за-границей, чтобы понять значеніе прусскаго чиновничества, созданнаго великими правителями и мудрыми министрами изъ рѣдкой матеріи нѣмецкой вѣрности, добросовѣстности и работоспособности. Если передъ возвращающимся на родину нѣмцемъ страна между Альпами и Балтійскимъ моремъ, Маасомъ и Нѣманомъ разстилается какъ благоустроенный садъ, то мы отчасти обязаны этимъ нашему чиновничеству. Это чиновничество и въ будущемъ будетъ тѣмъ успешнѣе работать, чѣмъ болѣе оно будетъ освоенно, при сохраненіи своихъ традиціонныхъ достоинствъ, отъ прирожденныхъ недостатковъ педантизма и кастоваго духа, чѣмъ шире будетъ его взглядъ, гуманнѣе его обращеніе съ прочими сословіями и просвѣщеннѣе его образъ мышленія. Уступчивость и отсутствіе предубѣжденій въ мелкихъ вопросахъ вполне примиримы съ не обращающей ни на что вниманія

энергіей въ крупныхъ дѣлахъ.*) У насъ часто впадаютъ въ ошибку, ища энергію болѣе въ манерахъ и выраженіяхъ, чѣмъ въ дѣйствіяхъ, и считая грубыя формы и громкія рѣчи дѣйствующей силой, и, на оборотъ, соблюденіе приличнаго тона—слабостью. Любезность и рыцарское поведеніе не должны исключать рѣшимость и силу дѣйствія, учтивыя формы вполне совмѣстимы съ рѣшительными поступками. Въ противоположность извѣстной латинской поговоркѣ *) нѣмцы слишкомъ склонны подчеркивать „fortitudo“ въ формѣ и въ мелочахъ, а въ дѣловомъ отношеніи и важныхъ вопросахъ выказываютъ слишкомъ большую „suavitas“. Это относится одинаково, какъ къ внѣшней, такъ и къ внутренней политикѣ.

Что касается нашей внутренней политики въ будущемъ, то поведеніе социаль-демократовъ въ августѣ 1914 года подкрѣпляетъ вновь мою увѣренность, выраженную мною 13 лѣтъ тому назадъ въ Рейхстагѣ словами, что монархія, совершившая въ началѣ прошлаго столѣтія безъ насильственныхъ потрясеній переходъ отъ стараго къ новому государственному порядку, и нынѣ еще достаточно сильна и предусмотрительна, чтобы уврачевать тѣ недостатки и изъяны, которые породилъ на ряду со многими свѣтлыми явленіями ходъ современнаго развитія и которые мы называемъ вкратцѣ „соціальнымъ вопросомъ“, и по мѣрѣ возможности устранить ихъ, насколько это вообще осуществимо въ этомъ несовершенномъ мірѣ.

*) Примѣч. переводчика: Эта „rücksichtslose Energie“ рекомендованная въ свое время еще Бисмаркомъ, является имено той двигательной силой, во имя которой Германія готовила мировую войну и которая подточила бывшее культурное значеніе Германіи.

*) „Fortiter in re, suaviter in modo“, т. е. слѣдуетъ быть твердымъ въ дѣлѣ и мягкимъ въ обращеніи.

Политика въ Восточныхъ окраинахъ.

(Польскій вопросъ).

Политика въ восточныхъ окраинахъ.

(Польскій вопросъ).

Необходимо проводить различіе между сферой государственнаго верховенства народа и площадью національнаго заселенія. Обѣ онѣ рѣдко совпадаютъ. Попытки полнаго ихъ сліянія, будь то путемъ распространенія государственнаго верховенства надъ площадью національнаго заселенія, или воздѣйствіемъ національной культуры на области территоріальнаго владѣнія, являются источникомъ самыхъ сложныхъ вопросовъ новѣйшей исторіи. Эти стремленія принято нынѣ обозначать тѣмъ видомъ современной колоніальной политики, который именуется весьма часто некстати „империализмомъ“.

Народы, годные въ военномъ отношеніи и способные къ экономическому развитію, которые обладаютъ кромѣ того превосходствомъ культуры, обыкновенно простираютъ свое вліяніе дальше благодаря своей государственной власти, чѣмъ воздѣйствіемъ національной культуры, и переходятъ къ національному завоеванію лишь послѣ захвата политической силой.

Слабыя-же и неспособныя къ рѣшительнымъ выступленіямъ народности должны допускать въ предѣлахъ своихъ государственныхъ границъ распространеніе и вліяніе чужихъ національностей. *Tertium non datur*. Въ борьбѣ національностей между собою одна нація должна быть либо молотомъ, либо наковальней, побѣдительницей или побѣжденной. Если бы всѣ націи были бы такъ точно размежеваны между собою пограничными столбами, какъ отдѣльныя государства, то всемірная исторія и политика, которая создаетъ исторію, были бы избавлены отъ самой трудной задачи. Однако,

государственные границы не отмежевывают наций друг от друга.

Если бы представители различных по языкам, нравам и духовной культуре наций уживались в пределах одного государства, не подпадая соблазну навязывать друг другу свою национальность, то на земле царил бы больше мира и согласия. Но таков закон исторического развития, что там, где соприкасаются друг с другом различные национальные культуры, между ними возникает борьба за преобладание и весьма трудно удовлетворить одновременно требования двух живущих на одной площади народностей, из-за чего легко происходят нежелательные трения. Принимаемая одной стороной, с наилучшими намерениями, мѣры вызывают у другой стороны возбуждение и отпоръ. Наглядным примѣромъ могутъ служить въ этомъ отношеніи тѣ части старой Польши, гдѣ, послѣ раздѣла, больше всего старались идти навстрѣчу польскимъ пожеланіямъ. Удалось-ли полякамъ удовлетворить русинъ въ Галиціи? Не жалуются-ли русины на Карпатахъ и украинцы на Прутѣ въ одинаковой, или пожалуй еще большей степени на поляковъ, чѣмъ поляки на нѣмцевъ на Вартѣ и Вислѣ? Другія страны также полны вѣчной борьбой национальностей и спорами и враждой националистовъ между собой.

Всѣ націи убѣждены въ превосходствѣ своей культуры и воодушевлены стихійнымъ стремленіемъ распространять ее. Однако, не всѣ народы ясно сознаютъ эту силу. Ее понимали великіе римскіе полководцы и государственные дѣятели, устремлявшіеся, какъ первые носители идеи міровой политики, въ Грецію, Малую Азію и Сѣверную Африку, въ Галлію и Германію, и закрѣплявшіе свои военныя завоеванія насажденіемъ римской культуры. Англичане проникнуты сознаниемъ превосходства англо-саксонской расы. Они убѣждены,

что англійское владычество и вытекающее изъ него „инглизированіе“ являются благодѣяніемъ, и основываютъ право на свое расширеніе и распространеніе въ свѣтѣ на совершенствѣ англо-саксонской культуры и англійскихъ установленій. Величественное значеніе британскаго имперіализма, которое можетъ быть только сравнено съ Римской Имперіей, зиждется главнымъ образомъ на сознаниі и непоколебимой волѣ англійскаго народа, быть представителемъ высшей культуры всюду, куда только простирается британская власть. Сила подобнаго самосознанія даетъ до сихъ поръ англичанамъ возможность господствовать незначительнымъ числомъ чиновниковъ и войскъ надъ 300.000.000 индусовъ,

Высшая культура во всѣ времена служила основой для политическихъ правъ. Когда Франція эпохи великой революціи наводнила Европу своими арміями, она создала себѣ право на завоеванія на основаніи мнимыхъ благодѣяній республиканскихъ вольностей.

Франція считала себя носительницей высшей политической культуры въ сравненіи съ другими народами, особливо по отношенію къ нѣмцамъ и итальянцамъ. Культурная миссія французской революціи основывалась, однако, на принципиально ложномъ толкованіи понятія истинной культуры, въ которой на ряду съ религіей, нравственностью и образованіемъ политическія установленія имѣютъ лишь второстепенное значеніе, и Франція тогда сама себя осудила грубымъ насилиемъ Наполеоновскаго господства. Между тѣмъ существуютъ и законныя культурныя миссіи. Такія задачи, исполняли современныя христіанскія колоніальныя Державы въ Африкѣ, а въ Центральной Азіи носительницей высшей культуры была Россія. Если-же борьба высшей культуры съ низшей прекратилась-бы въ исторіи, то мы должны были бы утратить вѣру въ развитие

человѣчества и лишились одной великой идеальной надежды.

Во исполненіе свой культурной миссиі нѣмцы двинулись однажды чрезъ Эльбу и Одеръ на Востокъ. Колонизаторское дѣло на германскомъ востокѣ, начатое почти тысяча лѣтъ тому назадъ и не законченное еще понынѣ, является не только величайшей, но и единственной колонизаторской задачей, которая удалась нѣмцамъ. Никогда колонизація въ подобныхъ размѣрахъ не была совершена съ меньшей потерей крови и меньшимъ насиліемъ.

Это относится главнымъ образомъ къ нѣмецкой колонизаціи въ бывшемъ Польскомъ Королевствѣ. Въ теченіе столѣтій жили тамъ нѣмецкіе колонисты, какъ вѣрные подданные польскихъ королей, призвавшихъ ихъ въ страну, и были въ качествѣ представителей высшей культуры учителями поляковъ. Даже во времена, когда въ Польшѣ нѣмцы притѣснялись и лишались нерѣдко своихъ правъ, неизвѣстны случаи нѣмецкихъ возстаній въ Польшѣ. Когда-же поляки, въ концѣ концовъ, оказались неспособными къ дальнѣйшему сохраненію самостоятельнаго государственнаго существованія и сильное, правовое прусское государство подчинило своему господству части бывшаго польскаго королевства, то въ этихъ областяхъ была уже завершена поколѣніями нѣмецкая культурная работа. Въ данномъ случаѣ мы наблюдаемъ рѣдкое явленіе, что утвержденіе политическаго господства не предшествовало, а слѣдовало за колонизаторскимъ и культурнымъ присвоеніемъ. Присоединеніе къ Пруссіи Познани и Западной Пруссіи не могло-бы совершиться, если-бы польская аристократическая республика представляла изъ себя жизнеспособный государственный организмъ. Включеніе этихъ частей въ сферу нѣмецкаго владычества Пруссіи послѣдовало какъ запоздалое осуще-

ствленіе политическаго права, прибрѣтеннаго нѣмецкими колонистами въ Познани и Восточной Пруссіи ихъ долготѣйшей культурной работою. При этомъ нельзя не замѣтить, что если-бы Пруссія не подчинила нѣмцевъ въ Польшѣ своему господству, они подпали бы подъ русское владычество.

Восточныя прусскія окраины являются нѣмецкою „новью“. Не смотря на то, что онѣ вошли ранѣе Эльзаса-Лотарингіи и Шлезвигъ-Гольштейна въ государственную орбиту Германіи, онѣ представляютъ изъ себя болѣе молодыя національныя прибрѣтенія. На западѣ было только возвращено бывшее достояніе германской имперіи, которымъ безспорно владѣли древніе германскіе императоры еще до той поры, когда нѣмецкій мечъ не скрещивался еще съ мечомъ Вендовъ и нѣмецкій плугъ не бороздилъ вендской земли. Эти, завоеванныя въ эпоху высшаго расцвѣта старой имперской власти, восточныя окраины должны были вскорѣ стать для Германіи возмѣщеніемъ національнаго достоянія, утраченнаго на Западѣ. Въ произнесенной мною въ 1902 г. въ прусскомъ ландтагѣ рѣчи, я указалъ на то, что „было время, когда никто не помышлялъ о возможности европейской катастрофы и измѣненіи существовавшихъ въ Европѣ порядковъ, когда Священная Римская Имперія нѣмецкой націи простиралась дальше на Западъ и Югъ, чѣмъ нынѣ. Мы далеки отъ мысли желать возврата тѣхъ временъ и мы не намѣрены расширять своихъ границъ въ какомъ либо направленіи. Однако то, что намъ дано судьбою въ возмѣщеніе бывшихъ утратъ, т. е. наши Восточныя окраины, мы обязаны и должны удержать за собой“.

Въ VII вѣкѣ мы покинули области по правую сторону Эльбы и продвинулись на Западъ во французскія владѣнія. Голландія, Фландрія, Брабантъ, Бургундія, Луксембургъ и Швейцарія были германскимъ государ-

ственнымъ достояніемъ и отчасти національно-нѣмецкими землями.

Еще въ XVI вѣкѣ верховья р. Роны образовали границу германской имперіи. Но мы потеряли эти области, въ политическомъ отношеніи съ упадкомъ нѣмецкой имперской власти, а въ національномъ отношеніи изъ за того, что „тѣло нашей народности въ дѣйствительности не могло заполнить широкаго хитона Священной Имперіи“.

Никто въ Германіи не думаетъ объ обратномъ завоеваніи областей на истокахъ и устьяхъ Рейна. Полная независимость и суверенитетъ Голландіи и Швейцаріи всегда уважались нами, и также впредь мы будемъ соблюдать ихъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

Въ противоположность нашимъ нынѣшнимъ врагамъ мы никогда ничѣмъ не препятствовали свободному развитію народовъ и государствъ какъ въ Европѣ, такъ въ Азіи, Америкѣ и въ Сѣверной и Южной Африкѣ. Надежда-же многихъ нѣмецкихъ патриотовъ на удержаніе нами пріобрѣтеннаго цѣною потоковъ крови положенія въ Бельгіи и особливо на бельгійскомъ побережьи Сѣвернаго моря объясняется весьма понятнымъ соображеніемъ, что только благодаря подобной стратегической позиціи мы могли бы быть ограждены отъ поползновеній мести и новыхъ нападеній со стороны нашихъ противниковъ. Никто изъ разумныхъ людей не будетъ однако помышлять у насъ о возвращеніи областей, не имѣющихъ для насъ ни стратегическаго, ни экономическаго значенія. Когда на исходѣ среднихъ вѣковъ мы нашли себѣ на Востокѣ возмѣщеніе утраченныхъ на Западѣ территорій, нѣмцы отхлынули назадъ въ свою старую германскую родину, покинутую ими во времена переселенія народовъ, куда тогда вторглись славянскія племена. И нѣмецкіе колонисты, поселившіеся на востокъ отъ Эльбы, за Оде-

ромъ, на Вислѣ и Прегелѣ, были выходцами изъ западныхъ областей, отчасти именно изъ тѣхъ, которыхъ мы затѣмъ лишились.

Колонизаторское дѣло на восточныхъ окраинахъ было завершено не однимъ только изъ нѣмецкихъ племенъ. Въ немъ участвовали всѣ они. Саксы, Франки, Баварцы, Швабы, Тюрингенцы, Лотарингцы, Фланмандцы и Фризы высыпали своихъ родичей на нѣмецкій востокъ, мірянъ и духовныхъ лицъ, рыцарей и крестьянъ. То была обще-нѣмецкая область, съ нѣмецкимъ населеніемъ въ противоположность вендамъ и полякамъ.

То, что въ средніе вѣка нѣмецкія племена Запада и Юга дали болѣе суровымъ восточнымъ окраинамъ, то воздала имъ Пруссія государственнымъ объединеніемъ Германіи. Подъ тѣми же знаменами, съ которыми нѣмецкіе рыцари завоевывали восточныя области для „нѣмечества“, борются нынѣ на Западѣ и на Востокѣ германскія войска, унаслѣдовавшія отъ стараго ордена краски, имя и прежній духъ. Первый императоръ новой Германіи короновался прусской короною въ Кенигсбергѣ, столицѣ орденской области, и нѣмцы поминаютъ нынѣ съ большей благодарностью Нѣмецкій орденъ, давшій имъ Пруссію, Гвельфовъ, завоевавшихъ Гольштинію и Мекленбургъ, и бранденбургскихъ Асканіевъ, чѣмъ побѣды властелиновъ Священной Римской Имперіи въ Италіи и Палестинѣ. Самымъ ужаснымъ національнымъ несчастіемъ было не паденіе Гогенштауфеновъ, а день Танненберга, уничтожившій добрую часть вѣковой нѣмецкой колонизаторской работы и имѣвшій послѣдствіемъ національную утрату Западной Пруссіи и Данцига, отошедшихъ къ Польшѣ, и пресѣченіе самостоятельнаго существованія Нѣмецкаго Ордена. Остается открытымъ вопросъ, оказался ли бы Нѣмецкій Орденъ въ состояніи безъ чер-

наго дня Танненберга навсегда отстоять нѣмецкую восточную окраину противъ превосходства силъ польскаго натиска. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Восточная и Западная Пруссія были бы потеряны на вѣчныя времена, какъ раньше Западные и Южные владѣнія, если бы Германія въ Домѣ Гогенцоллерновъ не нашла неутомимыхъ и рѣшительныхъ защитниковъ и хранителей нѣмецкихъ рубежей. Великій Курфюрстъ завоевалъ право на Восточную Пруссию, сломивъ въ Варшавской битвѣ цѣпи ленной зависимости отъ Польши. Первый Король мудро назвалъ себя „Королемъ въ Пруссіи“, выразивъ этимъ ожиданіе, что его наслѣдники станутъ „Прусскими Королями“ по своевременномъ приобрѣтеніи Западной Пруссіи. Это ожиданіе сбылось, когда Фридрихъ Великій получилъ при первомъ раздѣлѣ Польши эту провинцію, явившуюся, по словамъ историка Козера, побѣднымъ призомъ за семилѣтнюю войну. Лишь побѣдителю при Росбахѣ, Лейтенѣ и Цорндорфѣ Императрица Екатерина II удѣлила часть Польши, утратившей право на самостоятельное политическое существованіе по вторженіи полной анархіи во внутреннее состояніе аристократической республики.

Западная Пруссія считалась не новымъ приобрѣтеніемъ, а возвращеніемъ бывшей нѣмецкой области. Земля эта была въ политическомъ отношеніи нѣмецкой подъ владычествомъ Ордена и стала нѣмецкой благодаря труду нѣмецкихъ поселенцевъ. Пруссія не только вернула нѣмцамъ Западной Пруссіи нѣмецкое господство, но даровала также своимъ новымъ польскимъ подданнымъ свободу и право. Самъ Король Станиславъ Лещинскій назвалъ свою страну единственной въ мірѣ страной, гдѣ народная масса лишена всѣхъ человѣческихъ правъ. Строгое, но справедливое, правленіе Фридриха Великаго дало такимъ обра-

зомъ польскому населенію, то, чего оно до тѣхъ поръ не имѣло.

„Самое вѣрное средство“, писалъ Фридрихъ II до раздѣла Польши въ 1772 году, „привить этому порабощенному люду лучшія понятія и нравы, это смѣшать ихъ постепенно съ нѣмцами, хотя бы поселяя въ началѣ двухъ или трехъ нѣмцевъ въ каждой деревнѣ“. Такъ еще до приобрѣтенія Пруссіей пяди польской земли, Фридрихъ Великій намѣтилъ будущую культурную задачу Пруссіи въ польскихъ областяхъ въ смыслѣ ихъ германизаціи. Вскорѣ же по полученіи части Польши, онъ приступилъ къ дѣлу поселенія, набирая для этой цѣли поселенцевъ изъ всей Германіи. Такимъ образомъ Король только продолжалъ то, что было начато въ средніе вѣка, а именно національное завоеваніе нѣмецкаго Востока поселеніемъ нѣмецкихъ сельскихъ хозяевъ въ деревняхъ, и ремесленниковъ, купцовъ и промышленниковъ въ городахъ. Когда же въ 1886 году Бисмаркъ взялся за осуществленіе своего грандіознаго плана заселенія, онъ вернулся, какъ и во многихъ другихъ своихъ рѣшеніяхъ относительно національной политики, къ предначертаніямъ Фридриха Великаго, оставшимся неиспользованными послѣ его смерти. Поскольку вѣрно, что при измѣнившихся условіяхъ нельзя рабски подражать великимъ примѣрамъ прошлаго, постольку, однако, также справедливо, что главнѣйшія національныя точки зрѣнія, которыми руководствовались наши великіе предки, сохраняютъ свою цѣнность на всѣ времена и случаи, и что нельзя безнаказанно грѣшить противъ нихъ.

Отъ громаднаго прироста за счетъ бывшей польской территоріи, выпавшаго на долю Пруссіи при второмъ и третьемъ раздѣлахъ Польши, Пруссія сохранила при ея возстановленіи въ 1815 году лишь не-

значительную часть, т. е. на ряду съ Западной Пруссіей нынѣшнюю Познань, въ общемъ, не болѣе 7½% старого польскаго королевства. Хотя Познанская провинція, съ находящейся въ ней съ 1000 года резиденціей архіепископа, составляла какъ бы сердцевину польской монархіи, но все-таки-же она съ теченіемъ времени стала той ея частью, которая наиболѣе густо была заселена нѣмецкимъ элементомъ.

Съ присоединеніемъ къ Пруссіи этого издревле нѣмецкаго населенія при приобрѣтеніи восточныхъ окраинъ, Пруссія взяла на себя заботы о своихъ родичахъ наравнѣ съ государственными обязанностями по отношенію къ живущимъ на присвоенной территории полякамъ, ставшимъ ея подданными.

Въ одномъ своемъ разговорѣ о различіи между частной и политической этикой Гете замѣтилъ, что поляки должны были погибнуть вслѣдствіе сбивчивости и неясности своего мышленія. Тѣмъ не менѣе никто не можетъ не содрогнуться при мысли о трагической судьбѣ этого даровитаго и храбраго народа. Насколько несправедливо задѣвать въ борьбѣ съ социаль-демократіей рабочіе классы, настолько-же несправедливо оскорблять въ оправдываемой государственными соображеніями борьбѣ съ велико-польской пропагандою нашихъ польскихъ согражданъ, которые нынѣ, какъ и въ войнахъ 1866 и 1870 гг., доказали свою военную доблесть подъ прусскими знаменами. Однако, сострадательному отношенію къ національнымъ воспоминаніямъ поляковъ положена граница тамъ, гдѣ могутъ обнаружиться вожделѣнія и стремленія къ нарушенію единства и цѣлости прусской монархіи. Уваженіе къ польской національности не должно мѣшать намъ заботиться о закрѣпленіи нѣмечества въ бывшихъ польскихъ областяхъ. Мы не смѣемъ потерять нѣмецкій посѣвъ на нашихъ восточныхъ окраинахъ на

подобіе того, какъ мы уже лишились посѣвовъ въ другихъ частяхъ свѣта. Многіе народы обязаны Германіи и нѣмецкому быту своимъ расцвѣтомъ и величіемъ: Соединенные Штаты съ десятью милліонами гражданъ нѣмецкаго происхожденія, Россія со своими нѣмецкими колонистами, государственными людьми и полководцами, Венгрія и Богемія, учителями коихъ были нѣмцы, Данія и Швеція съ дворянствомъ и буржуазіей отчасти нѣмецкой крови, Франція и Англія, гдѣ въ военномъ, ученомъ и торговомъ сословіяхъ съ давнихъ поръ есть нѣмецкая примѣсь. Почти всѣ европейскія династіи нѣмецкаго происхожденія, всюду переселеніе народовъ занесло германскіе осадки. Что-же осталось отъ столькихъ брошенныхъ сѣмянъ? По крайней мѣрѣ въ предѣлахъ имперскихъ границъ мы должны видѣть нѣмецкіе всходы. Борьба за нѣмечество на Востокѣ велась съ перемѣннымъ успѣхомъ и различными способами въ теченіи столѣтія со времени возстановленія прусской монархіи на Вѣнскомъ конгрессѣ. Рѣшеніе польскаго вопроса легче далось бы Пруссіи, если-бы искусственное и шаткое зданіе Наполеонскаго Герцогства Варшавскаго не возбудило въ полякахъ несбыточныхъ надеждъ.

Болѣзненные испытанія 1830, 1848 и 1863 г.г. не выпали-бы можетъ быть на долю поляковъ, если-бы въ нихъ не жило воспоминаніе объ эфемерномъ государственномъ строительствѣ Перваго Наполеона. Мысль о томъ, что раздѣлъ Рѣчи Посполитой между восточными державами въ 1793 и 1807 г.г. былъ лишь преходящимъ эпизодомъ, вполне естественно мѣшала полякамъ примириться съ совершившимся фактомъ и признать создавшееся положеніе окончательнымъ послѣ паденія Наполеона и государствъ, созданныхъ имъ для военныхъ цѣлей Франціи.

Образованіе самостоятельной польской государственности Князь Бисмаркъ считалъ несовмѣстимымъ

съ жизненными интересами Германіи и откровенно и убѣдительно изложилъ этотъ взглядъ въ своемъ политическомъ завѣщаніи.

Обсуждая съ бывшимъ германскимъ посломъ въ Вѣнѣ, Княземъ Рейссъ, въ теченіе зимы 1887/88 года, когда отношенія между Россіей и Австріей были крайне натянутыми, возможность войны между тремя имперіями, Бисмаркъ сказалъ: „И что-же мы будемъ дѣлать, если мы побѣдимъ? Неужели возстановлять Польшу? Тогда намъ черезъ двадцать лѣтъ пришлось бы заключать между собою новый союзъ для четвертаго раздѣла Польши. Изъ за этого, собственно говоря, и не стоитъ затѣвать великую и тяжелую войну.“ Князь Бисмаркъ неоднократно указывалъ вообще на опасность возрожденія, въ какомъ бы то ни было видѣ, самостоятельной Польши, которая, по его мнѣнію, неминуемо сдѣлалась бы союзникомъ Франціи, Англіи и другихъ враговъ Германіи. Сочетаніе Новой Польши съ Австріей, угрожало-бы габсбургской монархіи въ томъ отношеніи, что подобная комбинація отозвалась бы ослабленіемъ нѣмецкаго элемента въ Австріи. На ряду съ этимъ польскія вождедѣнія на прусскія восточныя окраины и соотвѣтственная пропаганда не могли бы не отразиться на австро-германскихъ отношеніяхъ. Таковъ былъ взглядъ Бисмарка на польскій вопросъ.

Ни въ какомъ случаѣ мы не должны забывать, что Пруссія возвеличилась благодаря распаденію польской республики. Если нынѣшней міровой войнѣ суждено осуществить давнишнюю мечту поляковъ и воскресить, 150 лѣтъ спустя послѣ перваго ея раздѣла, самостоятельную или автономную Польшу, то тѣмъ сильнѣе должна быть скрѣплена неразрывная связь прусской монархіи съ ея восточными окраинами, а будущность нѣмечества въ этихъ областяхъ тѣмъ

болѣе заботливо обезпечена. Нельзя допустить, чтобы добываемое для польскаго дѣла германскимъ мечемъ и кровью въ послѣдствіи оказалось пагубнымъ для Пруссіи и для нѣмечества.

Задача, которую Пруссія слѣдовало рѣшить въ прибрѣтенныхъ ею въ 1815 г. польскихъ областяхъ, была не особею сложна. Съ одной стороны, Пруссія должна была подавить велико-польскую пропаганду, а, съ другой, заботиться о сохраненіи и развитіи нѣмецкаго элемента въ восточныхъ окраинахъ. Центробѣжныя стремленія поляковъ должны были утрачивать свою силу по мѣрѣ возрастанія нѣмецкаго вліянія въ восточныхъ окраинахъ. Если-бы эта задача была вѣрно понята съ самаго начала, послѣ войнъ за освобожденіе, и неуклонно преслѣдовалась и прусское правительство не сбивалось, благодаря различнымъ вѣяніямъ, съ ясно предначертаннаго Фридрихомъ Великимъ пути, то рѣшеніе проблемы было бы уже теперь почти достигнуто. Какъ часто бываетъ въ политикѣ, и въ данномъ случаѣ грѣшили не тѣмъ, что не рѣшались быстро сдѣлать самое естественное, а тѣмъ, что вообще не могли остановиться на какомъ либо ясномъ рѣшеніи, вѣчно колеблясь подъ вліяніемъ разныхъ сентиментальныхъ соображеній. Въ большинствѣ случаевъ и въ политикѣ самыя простыя рѣшенія бываютъ самыми лучшими.

Цѣлью прусской политики въ восточныхъ окраинахъ было всегда примиреніе подданныхъ польскаго происхожденія съ прусскимъ правительствомъ и германской націей, но это примиреніе не должно совершаться за счетъ нашего національнаго территориальнаго достоянія на востокѣ и въ ущербъ единству и суверинетету прусской монархіи. По возвращеніи Пруссіей отнятыхъ у ней Наполеономъ провинцій Познани и Западной Пруссіи, прусское правительство

отнеслось съ особой заботливостью къ своимъ полякамъ. На польское населеніе были распространены добродѣя внутренней реформы, для облегченія нуждъ тяжело испытаннаго войнами польскаго сельскаго хозяйства былъ созданъ кредитный союзъ, провинціальный сеймъ въ Познани объединилъ мѣстные польскіе интересы, земскіе начальники избирались по польскому обычаю, и рядомъ съ прусскимъ Оберъ-Президентомъ былъ поставленъ польскій Намѣстникъ. За это поляки отплатили возстаніемъ 1830 года. Пруссія не только ухаживала за своими поляками, но забыла даже въ угоду полякамъ заботиться о мѣстныхъ нѣмцахъ, подчинивъ эту смѣшанную польско-нѣмецкую область чисто польскому управленію.

Въ тридцатыхъ годахъ, нѣкоторые государственные дѣятели, какъ Оберъ-Президентъ Флоттвель и Генераль Грольманъ вспомнили опять о національно-нѣмецкихъ задачахъ Пруссіи на ея восточныхъ окраинахъ.

Начался второй фазисъ восточной окраинной политики, воскресившій національныя традиціи среднихъ вѣковъ и политики Фридриха Великаго, которыми руководствовался затѣмъ Бисмаркъ. Польскій Намѣстникъ исчезъ, выборная система земскихъ начальниковъ была замѣнена порядкомъ назначенія прусскихъ чиновниковъ, и было положено начало насажденію въ восточныхъ окраинахъ нѣмецкихъ помѣщиковъ. Эта политика не имѣла враждебнаго по отношенію къ полякамъ характера. Поляки не были лишены гражданскихъ правъ, но утратили только извѣстныя привилегіи.

Попытка расположить къ себѣ поляковъ дарованіемъ имъ особыхъ правъ была возобновлена послѣ 1840 г. проектомъ „національной реорганизаціи“ Познани, имѣвшей въ виду отдѣленіе восточной части Познанской провинціи, съ болѣе густымъ польскимъ

населеніемъ, отъ западной—нѣмецкой и предоставленіе первой полному ополяченію. Поляки-же требовали автономіи всей провинціи на подобіе положенія нынѣшней Венгріи въ составѣ габсбургской монархіи. Нѣмецкіе элементы были крайне встревожены опасностью утратить свою національность, и результатомъ этой злоплучной попытки явилось небывалое до тѣхъ поръ взаимное раздраженіе обѣихъ народностей на востокѣ.

Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ вниманіе было отвлечено отъ этой національной борьбы сложными вопросами въ связи съ основаніемъ и строительствомъ новой имперіи.

Послѣ подчиненія школъ въ Познани надзору правительства и обязательнаго введенія въ нихъ преподаванія на нѣмецкомъ языкѣ, Бисмаркъ выступилъ въ 1886 году съ планомъ націонализаціи Восточныхъ окраинъ. До сихъ поръ прусское правительство ограничивалось тактикой обороны, Бисмаркъ же началъ національное наступленіе съ цѣлью огражденія и возможнаго усиленія нѣмечества на Востокѣ. Само собою разумѣется, что поляки всполошились и стали защищаться, опираясь въ этой борьбѣ на свои образцовыя національныя организаціи. Національныя противорѣчія обострились до крайности. Проводимая въ восточныхъ окраинахъ политика затронула при этомъ разныя струны партійной парламентской жизни. Внутреннее политическое положеніе страны осложнилось благодаря возгорѣвшейся борьбѣ и усиленію велико-польской пропаганды среди прусскихъ поляковъ. Противники прусской политики въ восточныхъ окраинахъ, какъ нѣмцы, такъ и поляки, ссылаются обыкновенно въ своихъ доводахъ на то безпокойство, которое было вызвано въ странѣ принятыми Бисмаркомъ и его послѣдователями въ этомъ вопросѣ мѣрами. Подобная аргументація касается, однако, только внѣшней политической стороны, а не

національного ядра польського питання. Критика эта сводится къ избытой истинѣ, что, какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ, не трудно имѣть покой и миръ, если никогда не задаваться цѣлью, которая достижима только борьбой и преодоленіемъ препятствій. Такое спокойствіе дается въ политикѣ всегда безъ особыхъ затрудненій.

Весь вопросъ политики относительно восточныхъ окраинъ заключается въ томъ: можемъ-ли мы допустить и содѣйствовать нашимъ бездѣйствіемъ, чтобы Познань, Западная Пруссія, Верхняя Силезія и части Восточной Пруссіи вновь были-бы утрачены нѣмечествомъ или нѣтъ? Ставить этотъ вопросъ, значитъ уже дать на него отвѣтъ. Обязанность и право нѣмцевъ защищать свое національное достояніе на Востокѣ и, по возможности, заботиться о его расширеніи. Въ теченіе 70 лѣтъ со времени Вѣнскаго конгресса до начала прусской колонизаторской политики выяснилось, что ни предупредительное, ни безразличное отношеніе къ польской національности не могло воспрепятствовать постепенному поглощенію нѣмецкаго элемента польскимъ вліяніемъ въ восточныхъ окраинахъ. Лишь планомѣрное попеченіе о нѣмечествѣ могло предупредить окончательный упадокъ. Если благодаря такимъ мѣрамъ національный антагонизмъ обострился, то это было прискорбно, но неминуемо. Въ политической жизни бываютъ иногда неотложныя задачи, которыя приходится исполнять съ тяжелымъ сердцемъ, но отрѣшенія коихъ не могутъ избавить никакія сентиментальныя соображенія. Политика—суровое ремесло, въ которомъ сентиментальныя натуры рѣдко достигаютъ успѣха. Рѣшеніе политической проблемы въ восточныхъ окраинахъ является менѣе вопросомъ политической мудрости, чѣмъ вопросомъ политическаго мужества.

На основаніи поселенческаго закона Бисмарку удалось приобрести въ теченіе пяти лѣтъ съ 1886 по 1890 приблизительно 46.000 гектаторовъ польскихъ помѣстьевъ. При тогдашнемъ быстромъ паденіи земельныхъ цѣнъ, вызванномъ сельско-хозяйственнымъ кризисомъ, было-бы не трудно приобрести достаточное количество земли для цѣлей дальнѣйшаго заселенія края нѣмецкимъ элементомъ. Однако, въ ту пору Графъ Каприви счелъ необходимымъ въ виду парламентскихъ соображеній измѣнить вновь курсъ польской политики. Вслѣдъ за уступками въ школьномъ и церковномъ вопросахъ, послѣдовало оказаніе помощи польскому Земельному банку, т. е. вспомошествованіе именно тѣмъ польскимъ поземельнымъ собственникамъ, изъ рукъ которыхъ поселенческая коммиссія старалась приобретать необходимыя земельныя участки. Непосредственная парламентская цѣль была достигнута Графомъ Каприви, и военный законъ 1893 г. былъ проведенъ въ Рейхстагъ при содѣйствіи польской фракціи *). Однако вскорѣ обнаружилось, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, что поступокъ парламентской фракціи не соотвѣтствовалъ взглядамъ польской партіи въ странѣ.

Послѣ отставки Каприви получили вновь перевѣсъ традиціи политики Бисмарка. Въ 1898 году были усилены средства поселенческой коммиссіи для приобретения польскихъ имѣній. Но благопріятный моментъ былъ уже упущенъ. Польскіе поземельные собственники использовали время для организаціи борьбы. Между тѣмъ, какъ съ 1886 по 1888 г.г. приобретались

*) Примѣчаніе переводчика: Такимъ образомъ содѣйствіе, оказанное поляками при проведеніи военныхъ законопроектовъ въ Рейхстагъ, явилось результатомъ извѣстнаго рода вымогательства со стороны Правительства.

коммиссіей ежегодно приблизительно по 11.000 гектаровъ польскихъ помѣстьевъ, съ 1897 по 1899 г.г. было скуплено отъ поляковъ не болѣе 2.500 гектаровъ, и постепенно коммиссіи пришлось добывать необходимые для заселенія участки изъ рукъ нѣмецкихъ помѣщиковъ.

Энергія, съ которой поляки противодѣйствовали захвату ихъ земельныхъ участковъ со стороны нѣмцевъ, заслуживаетъ удивленія. Поляки сами начали раздроблять свои имѣнія, заселяя участки польскими рабочими, привлекаемыми съ Запада. При этомъ поляки гнушались продавать свои имѣнія нѣмцамъ, между тѣмъ, какъ нѣмцы, къ сожалѣнію, не рѣдко, прельщаясь высокой цѣной, уступали свою земельную собственность полякамъ. Дабы предпринятое цѣною громадныхъ затратъ денегъ и труда дѣло нѣмецкаго заселенія восточныхъ окраинъ не оказалось, въ концѣ концовъ, бесплоднымъ, пришлось вернуться къ высказанной уже Бисмаркомъ въ 1886 г. мысли о земельной экспроприаціи. Законъ 1908 года далъ Правительству право приобрѣтать необходимыя для поселенія земли путемъ отчужденія, что явилось логическимъ послѣдствіемъ начатой въ 1886 году поселенческой политики.

Борьба за землю, преслѣдующая цѣль насыщенія восточныхъ окраинъ нѣмецкимъ элементомъ, всегда останется альфой и омегой національной германской политики на востокѣ. На ряду съ этимъ должна продолжаться борьба за нѣмецкую культуру, образованіе и нѣмецкій языкъ. Разумѣется, мы не хотимъ лишать поляковъ родного языка, но мы должны стремиться къ тому, чтобы съ усвоеніемъ нѣмецкой рѣчи имъ открывался путь къ пониманію нѣмецкой умственной жизни. Мѣрами поселенческой политики мы боремся за нѣмечество на востокѣ, а проведеніемъ школьной политики мы въ сущности отстаиваемъ нашихъ поляковъ, кото-

рыхъ мы желаемъ сблизить съ нѣмецкой духовной жизнью. И въ этой области нельзя обойтись безъ строгихъ мѣропріятій, которыя будутъ усилены или смягчены, смотря по тому, какой отпоръ они встрѣтятъ со стороны поляковъ. Учрежденіемъ нѣмецкой технической школы и Академіи въ Познани созданы уже центры нѣмецкой умственной жизни въ восточныхъ окраинахъ, которые должны служить очагами нашего вліянія.

Прусская политика относительно восточныхъ окраинъ вызывала критику и съ нѣмецкой стороны. Главнѣйшимъ аргументомъ этой критики служить утвержденіе, будто эта политика не дала никакихъ положительныхъ результатовъ, ибо въ теченіе двадцати лѣтъ процентное соотношеніе нѣмецкаго и польскаго населенія въ восточныхъ областяхъ почти не измѣнилось. Дѣйствительно, цѣль далеко еще не достигнута. Только въ томъ случаѣ мы можемъ надѣяться со временемъ рѣшить нашу національную задачу на нѣмецкомъ востокѣ, если мы, безъ мелочныхъ придирокъ и излишнихъ насилій, сознательно и неуклонно будемъ слѣдовать по предначертанному Фридрихомъ Великимъ пути, къ которому вновь вернулся Бисмаркъ. Въ этомъ вопросѣ мы главнымъ образомъ грѣшили непостоянствомъ. При встрѣчѣ въ 1902 году въ Познани съ однимъ выдающимся мѣстнымъ земскимъ дѣятелемъ, мнѣ пришлось выслушать отъ него слѣдующее сужденіе о положеніи дѣлъ въ восточныхъ окраинахъ: „Главное—это постоянство; ничто намъ здѣсь такъ не повредило, какъ вѣчныя колебанія. Теперь мы должны выдержать“. Начатая тысяча лѣтъ тому назадъ, прерванная въ теченіе четырехъ вѣковъ и возобновленная опять за послѣдніе три десятка лѣтъ колонизаторская работа нѣмцевъ на востокѣ не можетъ быть завершена въ нѣсколько лѣтъ. Рѣчь идетъ не о какомъ нибудь политическомъ скоро-

спѣломъ мѣропріятіи; мы находимся тамъ въ центрѣ міроваго историческаго процесса, въ которомъ должны принять участіе цѣлыя поколѣнія,

Обозрѣвая нашу національную работу съ этой точки зрѣнія, нельзя отрицать достигнутыхъ уже извѣстныхъ успѣховъ. Съ 1886 года по 1911 годъ пріобрѣтено Правительствомъ для цѣлей поселенія нѣмецкихъ крестьянъ 394.398 гектаровъ земли, изъ нихъ 112.116 гектаровъ, отошедшихъ къ намъ отъ поляковъ. Въ нѣмецкихъ поселеніяхъ насчитывается 150.000 душъ. Основано 450 новыхъ деревень и селъ, и въ 300 деревняхъ умножилось число нѣмецкихъ жителей. Не смотря на сильный приростъ польскаго населенія, численность нѣмецкаго элемента увеличилась въ процентномъ отношеніи со времени расширенія прусской колонизаторской дѣятельности въ началѣ текущаго столѣтія. Но мы не должны, съ другой стороны, не сознать, что въ борьбѣ національностей нѣмцы не всюду обладаютъ достаточной силой сопротивленія и что нѣмецкіе элементы легко могутъ затеряться благодаря этой борьбѣ, если правительство не оказываетъ поддержки и защиты. Поэтому долгъ Правительства заботиться о томъ, какъ я выразился въ своей парламентской рѣчи въ декабрѣ 1901 года, чтобы „нѣмцы и нѣмечество не попали на востокъ подъ колеса“.

Но какъ-бы обстояло дѣло на нѣмецкомъ востокѣ, если-бы ничего не было сдѣлано для усиленія тамъ нѣмецкаго элемента?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ содержитъ лучшее сужденіе о достигнутомъ, нежели перечень отдѣльныхъ успѣховъ. Раньше, чѣмъ думать вообще о національныхъ завоеваніяхъ на востокѣ, мы должны были уберечь наше національное достояніе отъ утраты. Это удалось, потому что за это мы боролись.

Положеніе, которое засталъ Бисмаркъ, клонилось къ постепенному ополяченію восточныхъ областей. Предотвращеніе угрожающей опасности означаетъ иногда въ политикѣ лучшій успѣхъ, чѣмъ достиженіе мгновенной выгоды. Если-бы усилившейся польской агитаціи не была противопоставлена сознательно начатая правительствомъ германизація, то въ Познани и Западной Пруссіи было-бы нынѣ то же самое, что въ Галиціи. Вполнѣ понятно, что Галиція стала теперь ослабявшейся областью, ибо австрійская монархія, которая не является основаннымъ на одномъ національномъ базисѣ государствомъ, отказалась въ семидесятыхъ годахъ, по причинамъ внутренней и внѣшней политики, отъ дальнѣйшей германизаціи Галиціи и пошла навстрѣчу польскимъ пожеланіямъ. Пруссія-же является носителемъ германской имперіи и національной идеи и, въ качествѣ нѣмецкаго національнаго государства по преимуществу, не имѣетъ права измѣнить своему національному призванію. Пруссія должна управляться согласно нѣмецкимъ національнымъ соображеніямъ. Если-бы мы дали славянскимъ элементамъ усилиться на восточныхъ окраинахъ прусской монархіи и заглушить нѣмцевъ, какъ то случилось съ извѣстной части Цислейтаніи, то вмѣсто тяжелой борьбы за сохраненіе нѣмечества въ восточныхъ областяхъ у насъ была-бы борьба за сохраненіе цѣлости прусскаго государства и мы имѣли-бы дѣло не съ польскимъ вопросомъ, а съ польской опасностью.

Наша политика въ восточныхъ окраинахъ вытекаетъ изъ національнаго долга германскаго народа по отношенію къ самому себѣ. Высокоразвитая и сильная нація не должна уступать безъ борьбы пріобрѣтенное ею національное достояніе и должна питать такую вѣру въ силу своей національной культуры и свои собственные способности, чтобы считать себя призван-

ной и имѣющей право на оплодотвореніе своихъ пріобрѣтеній. Вопросъ о томъ, сохранимъ-ли мы или нѣтъ наше національное достояніе на востокѣ, останется-ли эта наша политика въ предначертанной національной колѣѣ, и что станетъ въ будущемъ съ нашими восточными окраинами,—не есть вопросъ партійной политики, а обще-національный, отъ рѣшенія котораго зависитъ не только дальнѣйшая судьба нѣмцевъ на прусскомъ востокѣ, но и будущность Пруссіи, имперіи и всего нѣмечества. До сихъ поръ я считаю вопросъ о нашихъ восточныхъ окраинахъ однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей политики, независимо отъ того, какія перемѣны могутъ произойти послѣ нынѣшней міровой войны около или по ту сторону прусской восточной границы.

Экономическая политика.

Экономическая политика.

Ни одна страна еще не достигла въ столь короткое время такого экономического подъема, какъ германская имперія въ промежутокъ съ Франкфуртскаго мира до начала нынѣшней міровой войны. Государственное объединеніе Германіи и упроченіе великодержавнаго ея положенія въ Европѣ въ связи съ вступленіемъ на путь міровой политики, при одновременномъ сооруженіи сильнаго флота, отразились непосредственно на развитіи нашей экономической жизни. Въ теченіе четырехъ десятилѣтій полного мира пробудившійся вновь духъ нѣмецкой предприимчивости имѣлъ случай использовать усовершенствованія путей сообщенія, техническихъ знаній и современныхъ денежныхъ оборотовъ для цѣлей умноженія нѣмецкаго благосостоянія. Бѣдная Германія превратилась въ богатую страну. Легкость, съ которой Германія добыла громадныя суммы военныхъ займовъ, доказала силу нѣмецкаго капитала, изумившую не только иностранцевъ, но и насъ самихъ. Лишь въ теченіе войны мы постигли, какъ мы разбогатѣли въ мирное время. Народъ мыслителей, поэтовъ и воиновъ сталъ первостепенной купеческой и торговой націей.

До начала войны германская промышленность имѣла своихъ кліентовъ во всѣхъ, даже самыхъ отдаленныхъ, частяхъ свѣта. Иностранные порты свыклись съ появленіемъ германскаго коммерческаго флага, находившагося подъ защитою германскихъ морскихъ силъ. Германскіе капиталы работали за-границей на ряду со старыми державами-капиталистами, Англіей и Франціей, закрѣпляя наши финансовыя и экономическія связи съ другими народами. На почвѣ мірового

хозяйства наиболее осязательно обнаружались послѣдствія нашего національнаго возрожденія, и статистическія данныя касательно международнаго общенія и торговли показали быстрый ростъ германской имперіи на ряду со старыми державами.

Могучій строй германской экономической жизни покоится на рабочей силѣ, организациі и методичности, которыя, въ свою очередь, имѣютъ источникомъ чувство долга, добросовѣстность и научную подготовку. Только вполне здоровому съ сильной волей и самолюбивому народу могло быть дано достигнуть такого экономического развитія въ столь краткій срокъ. Но, съ другой стороны, мы не могли не видѣть, что почти бѣшеный ходъ нашего экономического развитія во многомъ мѣшалъ спокойному органическому развитію и создавалъ диссонансы, которые требовали извѣстнаго выравниванія.

Быстрый экономическій ростъ Германіи содѣйствовалъ расцвѣту ея торговли и промышленности. Усовершенствованные пути сообщенія шире, чѣмъ раньше, открыли намъ доступъ на рынки отдаленныхъ странъ. Богатства нашей родной почвы не были еще истощены, а несравненные успѣхи машиностроенія и электротехники поставили въ наше распоряженіе совершенно новыя средства для промышленнаго производства; съ другой стороны, быстрый ростъ населенія далъ намъ рабочія массы для основанія и расширенія нашей индустріи. Въ теченіе четырехъ десятилѣтій мира мы имѣли возможность обработать во всѣхъ отношеніяхъ міровой рынокъ. Коммерческія и промышленныя дарованія нѣмцевъ, которыя нѣсколько вѣковъ тому назадъ выдвинули ихъ въ первый рядъ торговыхъ народовъ и которыя затѣмъ были подавлены въ послѣдней трети XIX в. тяжелой борьбой за національное существованіе, были вновь поощрены са-

мыми благопріятными условіями. Когда нашлись предприниматели и коммерческіе короли, какъ Штуммы, Круппы, Баллины, Ратенау, Кирдорфы, Борзиги, Сименсы и Гвиннеры, сумѣвшіе воспользоваться вѣяніемъ времени, то успѣхи ближайшей будущности должны были принадлежать промышленности и торговлѣ. Нація все болѣе стала интересоваться открывавшимися перспективами. Низшіе слои народа потянулись изъ деревень въ промышленныя производства, а изъ среднихъ и высшихъ слоевъ буржуазіи образовался многочисленный классъ дѣловыхъ промысловыхъ служащихъ.

„Индустриализація“, начавшая обнаруживаться во второй половинѣ XIX в., завершилась въ Германіи, по основаніи имперіи, на исходѣ восьмидесятыхъ годовъ, съ такимъ порывомъ, который наблюдался только въ Соединенныхъ Штатахъ. Еще во 1882 году сельское хозяйство прокармливало почти одинаковое число лицъ, какъ торговля и промышленность, вмѣстѣ взятыя; въ 1895 году въ промышленности насчитывался уже перевѣсъ въ 2 милліона рабочихъ и служащихъ. Въ 13 лѣтъ совершился полный переворотъ.

Экономическое законодательство имперіи двояко могло отнестись къ этому явленію. Оно могло содѣйствовать превращенію Германіи въ чисто промышленное и торговое государство, предоставивъ сельское хозяйство своей судьбѣ. Графъ Каприви и его сотрудники избрали этотъ путь.

Препятствуя же вырожденію Германіи въ односторонне промышленное государство, законодательство могло заботиться о сохраненіи жизнеспособнаго сельскаго хозяйства на ряду съ развитіемъ сильной индустріи.

На послѣдній путь сталъ я съ проведеніемъ тарифнаго закона 1902 года, въ убѣжденіи, что намъ

необходимо, какъ въ экономическомъ, такъ и въ національномъ и социальномъ отношеніяхъ, сохраненіе сельскаго хозяйства, именно въ виду постепенно совершающагося процесса „индустриализаціи“ Германіи. Я держусь того мнѣнія, что весьма поучительно бесѣдовать съ людьми, которые держатся иныхъ взглядовъ, чѣмъ я, и умѣютъ ихъ защищать. Du choc des opinions jaillit la vérité. Обсуждая, однажды съ депутатомъ одной изъ лѣвыхъ фракцій экономическія проблемы, я спросилъ его наконецъ: „Думаете ли вы, что въ случаѣ возникновенія тяжелой войны или серіозной революціи, наши новые, народившіеся изъ торговыхъ и промышленныхъ сферъ, слои могли-бы, при всемъ своемъ дарованіи и совершенствѣ, вполне замѣнить намъ въ часъ опасности тѣ силы, которыя возвеличили Пруссію?“ Мой политическій противникъ, но мой личный добрый пріятель, нѣсколько подумавъ, отвѣтилъ: „Вы правы, сохраните намъ сельское хозяйство и даже самихъ „юнkerовъ“. Эти слова, сказанныя 14 лѣтъ тому назадъ, мнѣ хочется теперь сопоставить съ мнѣніемъ другого парламентскаго представителя того-же направленія, сказавшаго мнѣ на одиннадцатомъ мѣсяцѣ міровой войны: „Слава Богу, что въ свое время наша оппозиція не воспрепятствовала проведенію вашего таможеннаго тарифа. Что стало бы съ нами безъ жизнеспособнаго сельскаго хозяйства?“

Мы очень многимъ обязаны нашей торговлѣ и промышленности. Онѣ сдѣлали насъ состоятельной страной и дали намъ возможность въ финансовомъ отношеніи вынести наше сухопутное и морское вооруженіе. Выдающийся представитель нѣмецкой экономической жизни, Князь Генкель-Доннерсмаркъ, обыкновенно говорилъ, что сельское хозяйство должно поставлять намъ нашихъ солдатъ, а промышленность содер-

жать ихъ. Современная торговля и промышленность питаютъ и занимаютъ ту часть населенія, которой мы прежде лишались благодаря эмиграціи. На плечахъ индустріи и торговли мы поднялись на положеніе міровой державы. Однако выгоды, добытыя въ одномъ направленіи нашего національнаго развитія, были куплены потерями во многихъ другихъ отношеніяхъ. Для точнаго вычисленія дѣйствительныхъ національныхъ выгодъ отъ „индустриализаціи“ Германіи должны быть учтены и вызванныя ею потери. Тогда мы усматриваемъ, что современное развитіе экономической жизни наталкиваетъ насъ еще на другія и болѣе трудныя обязанности, чѣмъ задача заботиться по мѣрѣ силъ о дальнѣйшемъ ростѣ торговли и промышленности. Современное развитіе имѣетъ свои опасныя стороны, и, только когда удалось парализовать ихъ, мы могли радоваться достигнутымъ новымъ успѣхамъ. Пришлось дѣйствовать, какъ умному врачу, который слѣдитъ за тѣмъ, чтобы организмъ сохранялся здоровымъ и крѣпкимъ во всѣхъ его частяхъ и функціяхъ, и который во время принимаетъ надлежащія мѣры, когда онъ видитъ, что чрезмѣрное развитіе отдѣльныхъ органовъ отнимаетъ соки у другихъ. Дѣйствительно, въ теченіе первыхъ десятилѣтій своего развитія нѣмецкая промышленность усилилась за счетъ сельскаго хозяйства. Не будь принято надлежащихъ мѣръ, сельскому хозяйству угрожало-бы подпасть подъ молотъ индустріи и быть раздробленнымъ ею. Это означало-бы, однако, не только причиненіе вреда сельскому хозяйству, но и явилось-бы ущербомъ для всей націи. Сельское хозяйство даетъ слишкомъ цѣнныя и нужныя силы нашей національной жизни, ради сохраненія коихъ мы обязаны всемѣрно заботиться о процвѣтаніи нашего сельскаго хозяйства. Экономическая жизнь народа не есть какое либо многостороннее торговое предпріятіе, для котораго

отдѣльныя отрасли представляютъ большій или меньшій интересъ, смотря по временной ихъ прибыли. Это испытываетъ теперь Англія. Англіійскій министръ земледѣлія, Лордъ Сельборнъ, сказалъ недавно, что въ концѣ концовъ Дизраэли былъ правъ, предсказавшій, что фритредерство принесетъ вредъ сельскому хозяйству, и что міровая война доказала, какой громадный притокъ силъ имѣетъ страна, когда она въ состояніи сама прокармливать свое населеніе. Англія, замѣтилъ далѣе министръ, стала теперь понимать громадное значеніе сельскаго населенія. Послѣ войны парламенту придется подвергнуть основательному пересмотру свое отношеніе къ вопросамъ сельскаго хозяйства. Эти вопросы должны въ будущемъ обсуждаться съ точки зрѣнія безопасности націи и національной обороны, и Англіи надо много переучить въ этомъ отношеніи.

Не смотря на то, что сельское хозяйство является, какъ производитель и потребитель, вполне равноправнымъ на ряду съ промышленностью, для справедливой оцѣнки экономическихъ силъ народа должны быть учтены не одни только матеріальныя данныя. Национальное хозяйство народа имѣетъ не только экономическое, но и національное значеніе. Спрашивается, какое вліяніе оказываютъ данныя производства на состояніе и развитіе физическихъ и умственныхъ силъ народа. Разумѣется, народъ нуждается въ умноженіи своего благосостоянія и финансовой дѣеспособности. Современное государственное управленіе со своимъ громаднымъ полемъ дѣйствія и въ особенности современная національная оборона нуждаются нынѣ въ всѣмъ иныхъ матеріальныхъ средствахъ, чѣмъ раньше. Но одними матеріальными средствами ни одинъ народъ не можетъ ни сохранить, ни упрочить своего положенія въ свѣтѣ. Физическое, нравственное и духовное здравіе по сію пору составляетъ еще главный источникъ

народнаго богатства. На что способенъ бѣдный, но здоровый тѣломъ и духомъ, народъ, доказала Пруссія въ семилѣтнюю войну и во время борьбы за освобожденіе, между тѣмъ какъ избытокъ богатства никогда еще не предупреждалъ пагубныхъ послѣдствій упадка народной силы. Горе народу, богатства коего растутъ, между тѣмъ какъ люди нравственно опускаются. Я счастливъ видѣть въ этой войнѣ, что не смотря на ростъ матеріальнаго благосостоянія, нашъ народъ сохранилъ все величіе ненадломленной нравственной силы. Тѣмъ болѣе мы должны стремиться къ сохраненію подобнаго равновѣсія и послѣ войны. Государство—не коммерческое предпріятіе. Въ соревнованіи народовъ экономическая сила имѣетъ выдающееся значеніе, но великія рѣшенія зависятъ, въ концѣ концовъ, и отъ другихъ силъ и достигаются не на экономической почвѣ. Истина, что деньги однѣ не дѣлаютъ счастливымъ, относится и къ націямъ. Народы также могутъ только тогда радоваться своему благосостоянію, когда у нихъ здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ. Правительство не должно руководствоваться въ рѣшеніяхъ своей экономической политики, на подобіе ловкому коммерсанту, спекулятивными соображеніями, открывающими заманчивыя перспективы въ той или иной экономической области; оно должно подчинить свою экономическую политику цѣлямъ совокупной національной политики и принимать такія рѣшенія, которыя имѣли бы въ виду не только увеличеніе настоящаго экономического благосостоянія народа, но обезпечивали-бы, главнымъ образомъ, дальнѣйшее здравое развитіе націи. Вопросъ національной экономіи: „Какъ разбогатѣть народу, чтобы хорошо жить“? долженъ быть расширенъ другимъ вопросомъ экономической политики: „Какъ народъ можетъ остаться здоровымъ чтобы долго жить? Торговля и промышленность умножаютъ наше національное благосостояніе быстрѣе и въ большей

мѣръ, чѣмъ на это способно сельское хозяйство. Но безъ цвѣтущаго сельскаго хозяйства промышленность скоро израсходовала бы лучшія народныя силы, не будучи въ состояніи возстановить ихъ. Сельское хозяйство есть производитель народной силы, которую потребляетъ промышленность, оно та плодотворная почва, въ которой коренятся стройныя деревья торговли и промышленности и изъ которой они добываютъ свои жизненные соки.

Не даромъ мы дивимся въ промышленныхъ центрахъ Прирейнскаго края, Вестфаліи и Саксоніи размаху энергіи и организационному таланту предпринимателей; совершенству устройства фабрикъ, изобрѣтательности техникувъ и инженеровъ и добросовѣстности нѣмецкаго рабочаго. Не даромъ мы гордимся цвѣтущимъ состояніемъ нашихъ большихъ и среднихъ городовъ, которые обязаны своимъ скорымъ развитіемъ торговлѣ и промышленности. Съ конца среднихъ вѣковъ у насъ не было подобнаго расцвѣта городскихъ центровъ, и, какъ тогда, современные разросшіеся и густо населенные города являются нынѣ центрами оживленной умственной и художественной жизни. Неправедливо осуждать современную культуру столичныхъ городовъ. Несомнѣнно, большіе города имѣютъ извѣстное вредное вліяніе на нравы и обычаи сельскаго населенія. Однако эти недостатки взвѣшиваются исходящимъ отъ городовъ утонченіемъ и усовершенствованіемъ жизненныхъ условій. Грѣшатъ въ городахъ и внѣ ихъ. Не слѣдуетъ также забывать, что создано городами въ области благотворительныхъ и человѣколюбивыхъ установленій и сколько сдѣлано уже для блага низшихъ классовъ попеченіемъ крупныхъ промышленныхъ предпринимателей. Добрая часть тяжелыхъ и отвѣстныхъ задачъ, рѣшенія коихъ требуетъ настоящая война, являющаяся не только военной, но экономической борьбой, исполнена городами.

Опасности, связанныя съ процессомъ индустриализаціи Германіи, сказываются не столько на трудно измѣримомъ поприщѣ духовной и нравственной жизни, сколько въ области физической. Пагубное вліяніе городской, особливо столичной, жизни отзывается главнымъ образомъ на здоровіи мужскаго населенія и плодovitости женскаго. Въ 1876/80 г.г. въ Пруссіи на 1000 женщинъ до 45-лѣтняго возраста приходилось въ годъ, въ среднемъ числѣ, 160 рожденій въ городахъ и 182 въ деревняхъ и селахъ. Въ теченіе 1906—1910 эти цифры понизились до 117 въ городскихъ центрахъ и до 168 въ деревняхъ. Для городовъ это означало сокращеніе 43 рожденій на 1009 женщинъ. Въ городскомъ округѣ Берлина эти цифры понизились, за то-же время, съ 149 до 84, т. е. на 65. Быстрый ростъ численности городскихъ жителей означаетъ не увеличеніе населенія, а постепенное его сокращеніе, такъ какъ прибывающія изъ деревень въ городъ и живущія въ городахъ женщины способствуютъ сокращенію рождаемости въ имперіи. Не иначе обстоитъ дѣло съ физическимъ здоровьемъ мужчинъ, выражающемся въ большей или меньшей пригодности къ военной службѣ. На основаніи статистическихъ данныхъ, собранныхъ созданной мною въ 1906 году комиссіей, сельскія общины съ населеніемъ ниже 2000 жителей давали 114 годныхъ для военной службы, большіе города съ 100.000 жителей — 65, средніе города съ 20.000 — 100.000 жителей — 83, вмѣсто 100 годныхъ, ожидавшихся по извѣстному процентному исчисленію съ населенія данной мѣстности.

До войны въ Восточной Пруссіи 67,18% призванныхъ были годны для службы, въ Берлинѣ всего 32%, во всей Германіи въ среднемъ 53,55%. 74,97% родителей лицъ, годныхъ для военной службы, принадлежали къ сельскому населенію и 1,68% къ населенію большихъ городовъ. При этомъ въ Германіи 52 города съ

населеніемъ съ свыше 100.000 жителей, во Франціи 15, въ Италіи 13, въ Австро-Венгріи 9. Почти 2/3 нашего населенія живутъ въ городахъ и промышленныхъ районахъ. Сельскимъ хозяйствомъ занимались въ 1850 г.—65%, въ 1870 г.—47%, въ 1895 г.—35,8% и въ 1907 г.—только 28,6% всего населенія. Эти цифры краснорѣчиво указываютъ на то, что всякое ослабленіе сельскаго хозяйства означаетъ сокращеніе силъ нашей обороны и уменьшеніе національной мощи и безопасности. Торговля и промышленность могли достигъ такого блестящаго расцвѣта только потому, что благодаря силѣ нашего вооруженія миръ былъ сохраненъ почти въ теченіе полстолѣтія, и онѣ будутъ въ состояніи развиваться далѣе только при непремѣнномъ условіи, если мы и въ грядущемъ будемъ пользоваться защитой нашей обороны. Для этого же необходима наличность сильнаго и многочисленнаго сельскаго населенія, которое находило-бы достаточный заработокъ въ высоко-развитомъ сельскомъ хозяйствѣ. Торговля и промышленность сами по себѣ въ высшей степени заинтересованы въ процвѣтаніи нѣмецкаго сельскаго хозяйства. Какъ на то указываютъ статистическія данныя, въ будущемъ на долю сельскаго населенія выпадетъ еще въ большей мѣрѣ задача, чѣмъ по сію пору съ конца девятидесятихъ годовъ, охранять достояніе и пріобрѣтенія Имперіи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ гостившій у меня въ Нордерней либеральный ученый, глядя на проходившія мимо насъ суда, сказалъ мнѣ, что ему не понятно, какъ я могъ рѣшиться дать столь явное аграрное направленіе нашей экономической политикѣ проведеніемъ тарифнаго закона. На это я ему отвѣтилъ: „Корабль съ слишкомъ высокими мачтами и слишкомъ тяжелыми таями долженъ опрокинуться безъ достаточнаго баласта. Сельское хозяйство всегда остается баластомъ. Торговля-же и промышленность должны

быть мачтами и парусами. Безъ нихъ корабль не можетъ двигаться впередъ. Но безъ баласта онъ ляжетъ на бокъ“. Капитанъ долженъ заботиться о быстромъ ходѣ корабля; но онъ не имѣетъ права увеличивать скорость за счетъ безопасности плаванія. Если нашъ имперскій корабль призванъ продолжать свой быстрый и вѣрный путь, то управляющему имъ надлежитъ заботиться о томъ, чтобы сельское хозяйство имѣло достаточный вѣсъ въ его трюмѣ.

Забота о защитѣ сельскаго хозяйства—одна изъ важнѣйшихъ національныхъ обязанностей, которая подлежала-бы исполненію даже въ томъ случаѣ, если-бы съ чисто экономической точки зрѣнія сельское хозяйство имѣло меньшее значеніе, чѣмъ оно имѣетъ въ дѣйствительности. Хотя сельское хозяйство и утратило свое прежнее преобладающее значеніе въ общей экономической жизни, то оно все-таки-же занимаетъ равноправное положеніе на ряду съ прочими промыслами. По даннымъ промысловой переписи 1907 года, въ сельскомъ хозяйствѣ занимались лишь 17,68 милліоновъ населенія въ сравненіи съ 26,38 милліонами, работавшими въ промышленныхъ предпріятіяхъ, но цѣнность производительности сельскаго хозяйства одинаковая и чуть-ли не превосходитъ промышленную производительность. Статистика не даетъ въ этомъ отношеніи точнаго цифрового матеріала, и вопросъ, производитъ-ли сельское хозяйство или промышленность большія цѣнности, остается открытымъ. Горожанинъ будетъ изумленъ услышать, что цѣнность одного сельско-хозяйственного продукта, молока, равнялась въ 1906 году 2,6 милліардамъ-марокъ, между тѣмъ какъ цѣнность всѣхъ продуктовъ металлургической промышленности за тотъ-же годъ исчислена въ 1,6 милліарда. Предпринятія, какъ съ аграрной, такъ и съ промышленной стороны, исчисленія цѣнности совокупнаго производства

сельскаго хозяйства и промышленности противорѣчать другъ другу. Занимается-ли по цѣнности производства земледѣліе или промышленность первенствующее мѣсто, въ сущности, ничего не доказываетъ за или противъ того или другого изъ этихъ промысловъ. Оба они необходимы для насъ, и упадокъ одного изъ нихъ никогда не можетъ быть полностью возмѣщенъ усиленнымъ ростомъ другого. Для выясненія дѣйствительной экономической цѣнности производствъ слѣдовало-бы еще установить, въ какой степени сельско-хозяйственное и промышленное производства вліяютъ на образованіе цѣнъ торговлею. И тогда надо было бы еще принять въ соображеніе, что цѣнность производства, въ свою очередь, находится въ зависимости отъ колебанія цѣнъ на міровомъ рынкѣ. Всѣ эти вопросы имѣютъ большее значеніе для научнаго изслѣдованія явленій экономической жизни, чѣмъ для использованія экономическихъ силъ въ реальной политикѣ.

Промышленность пользуется для своего сбыта внѣшнимъ рынкомъ, т. е. иностранными континентальными и за-океанскими странами, и внутреннимъ, отечественнымъ, рынкомъ. Развитіе нашей желѣзнодорожной сѣти и водной системы, наши каналы и развившаяся подъ защитой военнаго флота за-океанская торговля, какъ-бы все болѣе и болѣе приближали къ намъ внѣшній рынокъ. Промышленность нуждается въ сбытѣ за-границей, чтобы сохранить свое производство въ нынѣшнемъ его объемѣ и обезпечить достаточный заработокъ милліонамъ рабочихъ. Поэтому экономическая политика должна заботиться объ открытіи внѣшняго рынка путемъ выгодныхъ и долгосрочныхъ торговыхъ договоровъ. Но на ряду съ этимъ и внутренній рынокъ сохраняетъ свое большое значеніе. Онъ призванъ, какъ то доказываетъ нынѣшняя война, замѣнять внѣшній рынокъ, когда въ военное время, почти цѣликомъ, за-

крываются наши сухопутныя границы. На внутреннемъ-же рынкѣ сельское хозяйство является главнѣйшимъ покупателемъ у промышленности. Только если сельское хозяйство сохраняетъ свою покупную способность, если оно само достаточно наживаетъ, чтобы давать наживаться другимъ, оно способно потреблять часть продуктовъ промышленнаго производства, которые не находятъ сбыта за-границей.

Старая поговорка, что „если у мужика деньги, то ихъ имѣетъ весь свѣтъ“, вполне оправдывается, если промышленность поставлена въ необходимость, болѣе чѣмъ въ мирное время, искать своихъ потребителей въ самомъ отечествѣ.

Политика, которая повинуется только требованіямъ, настроеніямъ и условіямъ момента, которая дѣлаетъ лишь то, что легче всего исполнить въ данную минуту, и не считается съ дальнѣйшими послѣдствіями, не есть искусство государственнаго управленія. Gouverner, c'est prévoir. Всѣ возможности, разумѣется, не могутъ быть учтены даже самой мудрой политикой. Но всѣ наши дѣйствія и каждое рѣшеніе являются причиной будущихъ послѣдствій, и съ полнымъ правомъ можно требовать отъ руководящихъ дѣятелей, чтобы они были въ состояніи предвидѣть извѣстныя возможные послѣдствія. Существуетъ цѣлый рядъ явленій, которыя должны быть предусмотрѣны, ибо они обыкновенно повторяются въ исторіи черезъ извѣстныя промежутки времени. Война, возможность коей должна быть учтена въ рсчетахъ руководителей государственной политики, и есть подобное явленіе.

Никто изъ разумныхъ людей ея не желаетъ и добросовѣстное правительство старается ея избѣжать, доколѣ это допускаютъ честь и жизненные интересы націи. Но каждое государственное управленіе должно быть такъ налажено во всѣхъ своихъ частяхъ, будто

завтра ему уже предстояло вынести войну. То-же самое относится и къ направленію экономической политики.

Именно въ экономической жизни, писалъ я еще до войны, мы, избалованные благодѣяніями продолжительнаго мира, склонны болѣе чѣмъ для насъ полезно, устраиваться въ расчетъ на то, что этотъ миръ вѣчно будетъ продолжаться. Даже если-бы за послѣднія десятилѣтія намъ и не угрожала иногда близкая опасность войны, мы должны были-бы знать, что нѣтъ вѣчнаго мира, и помнить слова Мольте, сказавшаго, что „Вѣчный миръ мечта, и даже на прекрасная. Война-же есть звено въ установленномъ Богомъ міровомъ порядкѣ“. Нѣтъ ни одной области общественной или частной жизни, которая оставалась бы незатронутой войною, Нигдѣ же война не отражается болѣе непосредственно и глубоко, какъ на экономической жизни. Послѣдствія войны, будь она удачной или не удачной, превосходятъ испытанія самаго тяжелаго экономического кризиса. Экономическая политика должна служить мирному развитію страны, но она не должна терять изъ вида возможность военнаго столкновенія и отчасти по этой причинѣ она должна носить аграрный характеръ.

Въ случаѣ войны производительность сельскаго хозяйства является дѣйствительно жизненнымъ вопросомъ для всей націи. Тѣ партіи и экономическіе союзы, которые требовали отъ правительства, чтобы иностранные сельско-хозяйственные продукты, въ первую очередь, хлѣбъ и мясо, облагались минимальными пошлинами и ввозились даже беспошлинно, дабы иностранная конкуренція вліяла на пониженіе мѣстныхъ цѣнъ на жизненные припасы и такимъ образомъ, по возможности, разгружались хозяйственные бюджеты промышленныхъ рабочихъ,—старались согласовать экономическую политику съ расчетами на мнимый вѣчный

миръ. Нѣмецкое сельское хозяйство, которому приходится вступать въ соревнованіе съ высокой заработной платой промышленныхъ производствъ и которое можетъ вести интенсивное хозяйство на старой использованной почвѣ только путемъ новѣйшихъ и дорогостоящихъ способовъ обработки, не въ состояніи производить по цѣнамъ, какъ большія молодые аграрныя страны, которыя обрабатываютъ при сравнительной дешевизнѣ рабочихъ рукъ дѣвственную землю. Поэтому нѣмецкое сельское хозяйство нуждается въ защитѣ таможенныхъ пошлинъ. Ввозъ иностранныхъ аграрныхъ произведеній долженъ быть настолько обремененъ пошлинами, чтобы иностранное предложеніе не понижалось ниже цѣны, при которой мѣстное сельское хозяйство можетъ имѣть прибыль. Пониженіе аграрныхъ пошлинъ въ эру политики торговыхъ договоровъ Графа Каприви уже вызвало кризисъ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, который она перенесла только благодаря увеличенной рабочей энергіи въ упованіи на предстоящее измѣненіе таможенной политики. Если-же мы отказались-бы дать достаточную защиту сельскохозяйственному производству и допустили пониженіе цѣнъ на жизненные припасы благодаря болѣе дешевому ввозу, то намъ угрожала бы опасность, что сельско-хозяйственные производства утратили-бы свою доходность и постепенно должны были-бы быть приостановлены. Мы пошли-бы по пути Англіи.

Когда за годъ до оставленія моей должности я излагалъ одному англійскому государственному дѣятелю, насколько неосновательна и бессмысленна боязнь англичанъ германскаго нападенія, онъ мнѣ возразилъ: „Все, что вы говорите, совершенно вѣрно, и что до меня лично касается, то вы ломитесь въ открытую дверь. Но что касается англійскаго общественнаго мнѣнія и общей народной массы, то вы не должны

забывать, что Англія находится въ иномъ положеніи какъ континентальныя Державы. Франція понесла ужасное пораженіе, но нѣсколько лѣтъ послѣ Гравелота и Седана, она настолько оправилась, что могла быть рѣчь о новой войнѣ. Почти на столько-же скоро одолѣла Австрія послѣдствія 1859 и 1866 г.г. Несмотря на крупныя неудачи на морѣ и на сушѣ и на внутренніе безпорядки, Россія послѣ японской войны не переставала быть Великой Державой, передъ которой заискивали со многихъ сторонъ. Иначе обстоитъ дѣло съ Англіей. 80% англійскаго населенія живетъ въ городахъ. Англійское сельское хозяйство можетъ производить только одну пятую потребляемаго въ самой Англіи количества пшеницы и лишь половину необходимаго намъ мяса. Если-бы нашъ флотъ былъ побѣжденъ и Англія отрѣзана отъ внѣшней торговли, то въ теченіе нѣсколькихъ недѣль намъ пришлось-бы выбирать между голодомъ и анархіей, или принудительнымъ заключеніемъ мира.“

Страны съ цвѣтущимъ сельскимъ хозяйствомъ, страны, гдѣ по крайней мѣрѣ большая часть населенія занята земледѣліемъ, гдѣ сельское хозяйство въ извѣстной долѣ обслуживаетъ внутренній рынокъ и производитъ большую часть необходимыхъ пищевыхъ продуктовъ, выносливѣе въ критическія времена и скорѣе оправляются послѣ нихъ, чѣмъ страны, зависящія исключительно только отъ торговли и промышленности. Это наглядно доказываетъ примѣръ Каррагенъ по сравненію съ Римомъ. Даже высшія цѣны въ промышленности ничего не помогутъ, если рабочій не можетъ за свои деньги получить въ странѣ пищевые продукты. А это можетъ случиться, если въ военное время отчасти или на-глухо закрываются границы и мѣстное сельское хозяйство не въ состояніи производить требуемое количество пищевыхъ про-

дуктовъ. То, что мы можетъ быть въ мирное время и на одинъ мигъ выиграли-бы, пожертвовавъ сельскимъ хозяйствомъ въ расчетѣ на иностранную конкуренцію, за то мы заплатили-бы во время войны нищетой, голодомъ и всѣми ихъ катастрофическими послѣдствіями для государственной и социальной жизни.

Необходимость экономической политики, введенной тарифнымъ закономъ 1902 г., не могла быть болѣе наглядно доказана, чѣмъ экономическимъ опытомъ міровой войны. Отрѣзанная на своихъ границахъ военными событіями отъ всякаго ввоза и лишенная превосходствомъ англійскаго флота возможности пользоваться морскими путями, германская имперія была принуждена съ начала войны къ той экономической изоляціи, которой Англія боялась и всегда должна будетъ бояться какъ послѣдствія ея пораженія на морѣ. Катастрофу-же, которую испытала-бы Англія, Германія миновала именно благодаря производительности силъ нѣмецкаго сельскаго хозяйства. Разумѣется, не безъ большихъ затрудненій, но съ полнымъ успѣхомъ, нѣмецкое сельское хозяйство справляется съ начала войны съ громадной задачей снабженія своей миллионной арміи и миллионовъ военно-плѣнныхъ продуктами нѣмецкаго земледѣлія и скотоводства. Рѣшеніе этой задачи возможно, главнымъ образомъ, благодаря безпримѣрно повышенной, въ сравненіи съ другими странами, интенсивности сельско-хозяйственныхъ производствъ въ Германіи. При незначительномъ лишь увеличеніи за послѣдніе десятки лѣтъ годной для земледѣльческой обработки площади и при все болѣе возрастающихъ затрудненіяхъ для привлеченія рабочихъ силъ, нѣмецкое сельское хозяйство постоянно повышало свою продуктивность, такъ что нынѣ оно имѣетъ право на славу наиболѣе усовершенствован-

наго сельскаго хозяйства въ мірѣ. Но сельское хозяйство могло быть поощрено выжимать все изъ почвы и выпускать лучшее изъ стада и конюшни, когда оно имѣло увѣренность, что оно достигаетъ съ повышенной производительностью и увеличенія доходности. Этой увѣренности не было у сельскаго хозяйства во времена экономической политики Каприви и Маршалля, и оно приобрѣло ее только съ тарифнымъ закономъ 1902 года. Этотъ законъ принадлежитъ къ числу предположеній, на которыхъ основывается надежда на побѣду. Онъ означаетъ обновленіе силы сопротивленія Германіи, той силы, о которую должна развиться экономическая борьба противъ Германіи.

Государство обязано заботиться о всѣхъ промышленныхъ сословіяхъ и о всѣхъ классахъ населенія. Великое, экономически-важное и въ національномъ отношеніи необходимое производство, какимъ является сельское хозяйство, не должно нести расходы за достиженіе болѣе легкихъ и удобныхъ успѣховъ другими производствами. Правительство призвано удѣлять свою помощь по мѣрѣ надобности и распредѣлять между всѣми тяжесть необходимыхъ обязанностей.

Насколько справедливо, чтобы рабочіе классы получали непосредственное воспособленіе изъ имперскихъ средствъ, настолько-же справедливо, чтобы сельскому хозяйству была обеспечена косвеннымъ образомъ помощь тарифной защитой. То и другое есть *mobile officium* государства. Одинаково неправильно говорить о предпочтеніи сельскаго хозяйства изъ-за охранительной тарифной политики, какъ и не основательно считать социальную политику поощреніемъ по отношенію къ рабочему классу.

Истинная государственная справедливость заключается не въ томъ, чтобы каждому сословію, промыслу и подданному даровать то-же самое, дабы только не

было внѣшнихъ различій,—это была-бы такъ сказать лишь механическая справедливость. Истинная справедливость состоитъ въ томъ, чтобы давать, по возможности, каждому то, въ чемъ онъ нуждается. У нашей тарифной политики двоякая задача. Съ одной стороны, она должна сохранить наше сельско-хозяйственное и промышленное производства въ силѣ для борьбы съ чужой конкуренціей. Съ другой стороны, она должна, путемъ заключенія долгосрочныхъ торговыхъ договоровъ, держать открытыми внѣшніе рынки для сбыта продуктовъ нашей промышленности и нашей вывозной торговли. Для исполненія первой задачи мы должны окружить себя таможеннымъ заслономъ, а для осуществленія второй задачи—держаться такой тарифной защиты, чтобы не лишать другихъ государствъ возможности заключать съ нами мало-мальски пріемлемые для нихъ торговые договоры. Торговые договоры то-же что коммерческія сдѣлки. Обѣ стороны запрашиваютъ больше, чѣмъ онѣ въ концѣ концовъ рассчитываютъ получить, и сходятся затѣмъ шагъ за шагомъ, пока на какой-нибудь серединѣ не будетъ заключена сдѣлка. Обѣ стороны стараются добыть наибольшихъ выгодъ при наименьшихъ жертвахъ. Главнѣйшей заботой каждаго государства, при этомъ, должно быть стремленіе, не пожертвовать важными экономическими интересами. Между тарифной и торговой политикой слѣдуетъ найти путь, по которому сельское хозяйство, торговля и промышленность могли бы равномерно идти рядомъ.

Благодаря временному затишью въ вывозѣ, тарифная политика Каприви и Маршалля окончательно обратилась въ сторону торговыхъ договоровъ, и, съ цѣлью достигъ возможно скорого заключенія благоприятныхъ торговыхъ трактатовъ, иноземнымъ странамъ была „выложена на столъ сбавка хлѣбныхъ пошлинъ“.

Мнѣніе-же опытныхъ купцовъ, что требованія контрагентовъ растутъ по мѣрѣ получаемыхъ уступокъ, оправдалось и въ данномъ случаѣ. Главнѣйшій торговый трактатъ—съ Россіей, которая извлекала очень большія выгоды изъ пониженія нашихъ зерновыхъ пошлинъ, состоялся лишь послѣ трехлѣтнихъ переговоровъ, которые были прерваны таможенной войной. За торговые договоры пришлось платить сельскому хозяйству, которое благодаря пониженію хлѣбныхъ пошлинъ съ 5 м. на 3,50 марки должна была работать въ теченіе двѣнадцати лѣтъ при измѣнившихся къ худшему условіяхъ. Это означало, какъ выразился тогда Бисмаркъ, „прыжокъ въ неизвѣстное“. Торговые трактаты сами по себѣ разумѣется весьма оживили торговлю. Но это совершилось въ ущербъ сельскому хозяйству, неразрывно связанному съ общимъ благосостояніемъ націи и наилучшими нашими родными традиціями. Аграрныя сферы чувствовали себя обиденными, и въ нихъ обнаружилось сильное волненіе. Нельзя не признать, что экономической политикой, которая искупаетъ выгоды одной отрасли національнаго производства причиняемымъ другой отрасли ущербомъ, экономическіе контрасты въ странѣ усугубляются. До начала девяностыхъ годовъ сельское хозяйство шло болѣе или менѣе объ руку съ прочими производствами. Но въ 1893 г. оно стало защищаться, образовавъ въ союзъ сельскихъ хозяевъ сильную организацію, которая на подобіе всѣхъ вообще обществъ, представляющихъ сословные интересы, постепенно все въ болѣе рѣзкомъ тонѣ повышала свои требованія. Предположеніе, будто промышленность и вывозная торговля могутъ извлекать выгоды за счетъ сельскаго хозяйства, возникло именно въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ. Это заблужденіе внесло въ нашу внутреннюю политику зачатки раздора и без-

покойства, которые съ тѣхъ поръ нерѣдко оказывали тормозящее воздѣйствіе.

Задачей новаго столѣтія было возстановить въ интересахъ сельскаго хозяйства равновѣсіе въ области экономической политики. Это было необходимо не только по причинамъ государственной справедливости, но главнымъ образомъ потому, что мнѣніе, будто сельское хозяйство будетъ въ состояніи процвѣтать не смотря на пониженіе ставокъ пошлиннаго тарифа, оказалось ошибочнымъ. Въ виду сего я именно и выступилъ въ 1901 году съ проектомъ новаго тарифа, на основаніи котораго могли-бы быть заключены новые торговые договоры съ соблюденіемъ законныхъ интересовъ сельскаго хозяйства. Благодаря тому, что торговой политикѣ была дана аграрная подкладка, наша экономическая жизнь получила внутреннюю устойчивость. Однако поворотъ въ сторону аграрной политики не долженъ былъ совершиться такимъ образомъ, чтобы торговля была задержана въ своемъ развитіи, т. е. новымъ тарифнымъ закономъ не должна была быть исключена возможность заключенія благоприятныхъ и долгосрочныхъ торговыхъ трактатовъ. Этимъ была предначертана „средняя линія“, указанная мною какъ пароль еще до начала преній по тарифному закону. Дабы все начатое дѣло не рухнуло, необходимо было соблюдать извѣстную мѣру и съ аграрной стороны. Въ обоснованіи правительственнаго предложенія было сказано: „Будущей германской торговой политикѣ придется исходить изъ той точки зрѣнія, что ея мѣропріятія въ пользу вывозной промышленности не должны привести къ нарушенію необходимой для сохраненія сельскаго хозяйства пошлинной защиты. Съ другой-же стороны, вывозная торговля въ правѣ ожидать, что заботы о сельскомъ хозяйствѣ, оставаясь въ извѣстныхъ границахъ, не причинять ей

вреда". Эта задача была намѣчена тарифнымъ закономъ, и въ концѣ концовъ она была разрѣшена послѣ долгой и безпримѣрно упорной парламентской борьбы.

Тотчасъ-же по обнародованіи новыхъ тарифныхъ ставокъ, фритредерская печать заявила, что заключеніе новыхъ торговыхъ договоровъ невозможно на основаніи этого тарифа, что положенъ конецъ нѣмецкой торговой политикѣ. Аграрные органы полагали, съ своей стороны, что тарифъ не можетъ удовлетворить даже самыхъ нетребовательныхъ сельскихъ хозяевъ. Въ социалистической прессѣ раздавались возгласы: „Долой ростовщичій тарифъ!“ Правительство было атаковано на обоихъ флангахъ и должно было пробиваться по срединѣ, чтобы завершать свое дѣло на всеобщую пользу и въ первую очередь помочь сельскому хозяйству.

Когда два крайнихъ мнѣнія или требованія противопоставлены другъ другу, то обыкновенно въ политикѣ, какъ и въ частной жизни, разумъ и истина находятся на срединѣ. Фритредерская демократія требовала, чтобы сельское хозяйство было „брошено въ котель торговой политики“. Извѣстная-же часть ея противниковъ желала бросить надежду на заключеніе торговыхъ договоровъ въ „котель аграрной политики“. Ни то, ни другое не было возможно. Только если правительство оставалось непреклоннымъ въ главныхъ своихъ требованіяхъ и не давало себя перетянуть ни правой, ни лѣвой оппозиціи, оно могло рассчитывать на то, что умѣренные партіи въ концѣ концовъ объединятся на срединѣ ихъ пожеланій. Соціалисты и свободомыслящая фракція прибѣгли къ обструкціи, чтобы помѣшать дѣловому обсужденію внесенныхъ проектовъ и добиться новыхъ выборовъ. Нѣкоторое время казалось, что вообще не найдется требуемаго

большинства для проведенія тарифнаго закона, такъ какъ часть правыхъ, слѣдуя лозунгу „все или ничего“, хотѣла цѣликомъ отклонить всю предпринятую въ пользу сельскаго хозяйства тарифную реформу. То была заслуга предсѣдателя нѣмецкаго сельскохозяйственнаго совѣта, Графа Шверинъ-Лѣвица, Графа Каница и вожака консервативной партіи, Графа Лимбургъ-Штирума, что они уберегли консервативную партію отъ избранія ложнаго пути. Одинаковую прозорливость и силу сопротивленія относительно фритредерскихъ тенденцій извѣстной части либераловъ обнаружилъ депутатъ Бассерманъ. Такимъ образомъ консерваторы и національ-либералы сошлись съ партіей центра, руководимой Графомъ Баллестремомъ и Шпаномъ, на почвѣ предложеній, сдѣланныхъ депутатомъ Кардорфомъ.

Съ тарифнымъ закономъ 1902 года наша экономическая политика приобрѣла вновь необходимый въ видахъ общихъ интересовъ аграрный оттѣнокъ. Наряду съ расцвѣтомъ міровой торговли было обезпечено сохраненіе сильнаго мѣстнаго сельскаго хозяйства. Подъ вліяніемъ новыхъ тарифовъ и заключенныхъ на ихъ основаніи торговыхъ договоровъ нѣмецкое сельское хозяйство имѣло возможность использовать десять лѣтъ мирнаго развитія. Наши коренастые и трудолюбивые сельскіе хозяева вновь преисполнились сознаніемъ, что, имперія принимаетъ живое участіе въ успѣхахъ ихъ работы и что она относится къ сельскому хозяйству не какъ мачиха, а какъ родная мать къ своему первенцу. Число сельско-хозяйственныхъ производствъ увеличилось съ 1895 г. по 1907 г. почти на 180.000. Наличность скота значительно возрасла, рогатый скотъ на 3 милліона головъ, свиноводство на 5,3 милліоновъ за тотъ-же промежутокъ времени. Ржи было собрано въ 1913 году 12,2 милліоновъ тоннъ противъ 6,6 мил-

ліоновъ тоннъ въ 1895 г., пшеницы 4,65 милліона тоннъ противъ 2,80 милліоновъ тоннъ, ячменя 3,67 милліона тоннъ противъ 2,4 милліона тоннъ, овса 9,7 милліоновъ тоннъ противъ 5,2 милліоновъ тоннъ, картофеля 54,1 милліоновъ тоннъ противъ 31,7 милліоновъ тоннъ. Хлѣбныхъ товаровъ было получено въ 1906 году изъ за-границы всего только 10⁹/₁₀. Въ сравненіи съ прочими странами производительность германскаго сельскаго хозяйства весьма развилась въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Еще въ 1902 году, до внесенія тарифнаго закона, исторіографъ нѣмецкаго сельскаго хозяйства, Баронъ фонъ деръ Гольцъ, писалъ, что благодаря событіямъ въ области народнаго экономическаго хозяйства и міровой экономической жизни для нѣмецкаго сельскаго хозяйства наступило критическое время. Нынѣ-же знатоки аграрныхъ условій указываютъ на цвѣтущее состояніе, увеличивающуюся цѣнность производства и способность къ дальнѣйшему росту продуктивности нѣмецкаго земледѣлія.

Развитіе сельскаго хозяйства не совершилось, однако, въ ущербъ росту нашей вывозной промышленности и торговли. Фритредерскіе пророки, предсказывавшіе при парламентскихъ преніяхъ 1901 г. и 1902 г., что „аграрная корректура“ экономической политики ограничить торговлю, были не правы. Тѣ, которые думали, что съ оружіемъ повышенныхъ аграрныхъ пошлинъ не удастся заключеніе долгосрочныхъ торговыхъ трактатовъ, не сумѣли оцѣнить міровое экономическое положеніе Германіи. Съ новымъ тарифомъ въ рукахъ Германія никоимъ образомъ не имѣла слишкомъ мало дать другимъ государствамъ; въ 1891 году она дала слишкомъ много. При введеніи тарифной и торговой политики Каприви и Маршалля держались между прочимъ той точки зрѣнія, что перевѣсъ нашего ввоза надъ вывозомъ заставляетъ насъ быть уступчивыми,

дабы открыть намъ въ болѣе широкой мѣрѣ заграничные рынки для сбыта. Именно нашъ громадный ввозъ, наша покупная способность создали намъ сильную позицію для заключенія торговыхъ договоровъ. Мы могли рассчитывать на желаніе другихъ странъ придти намъ навстрѣчу, потому что мы были столь хорошими покупателями. Вышеприведенное соотношеніе между ввозомъ и вывозомъ могло съ одинаковымъ успѣхомъ быть использовано въ обратномъ смыслѣ, въ пользу торговыхъ договоровъ. Торговый договоръ съ Россіей, изъ за котораго велась столь ожесточенная борьба съ 1891 г. и 1894 г., былъ сравнительно легко заключенъ между графомъ Витте и мною въ Нордерней въ Іюль 1904 года. Затѣмъ слѣдовали другіе договоры, безъ того, чтобы новый таможенный тарифъ явился какимъ-либо непреодолимымъ препятствіемъ для ихъ заключенія. Въ рѣшающемъ засѣданіи Рейхстага 13-го Декабря 1902 г., которое было пожалуй, длиннѣйшимъ засѣданіемъ въ исторіи германскаго парламента, я выразилъ въ своей вступительной рѣчи, въ которой я изложилъ отношеніе союзныхъ государствъ къ принятымъ во второмъ чтеніи рѣшеніямъ, убѣжденіе, что дѣло тарифной реформы послужитъ на пользу Германіи. Эта надежда сбылась не только относительно сельскаго хозяйства. Это удостовѣрила мнѣ телеграмма, полученная мною при моей отставкѣ отъ дирекціи пароходной линіи „Гамбургъ-Америка“, и въ которой было сказано, что время моего канцлерства совпало съ наиболѣе высокимъ расцвѣтомъ промышленности и торговли Германіи. Дальнѣйшее развитіе нашей экономической жизни будетъ въ значительной степени зависѣть отъ неприкосновенности основъ нашей торговой политики, благодаря которымъ сталъ возможнымъ такой подъемъ, а равно и отъ сохраненія въ будущемъ тѣхъ торгово-политическихъ гарантій и выгодъ, кото-

рыми мы обладали до войны. И кто не вспомнил-бы, размышляя объ экономическом положеніи нашего народа послѣ войны, на ряду съ двумя милліонами нѣмецкихъ колонистовъ въ Россіи также о піонерахъ нѣмецкой торговли, которые, до войны, въ Сѣверной и Южной Америкѣ, на Дальнемъ Востокѣ, въ Сѣверной и Южной Африкѣ, во всей Франціи и Англіи, въ англійскихъ колоніяхъ, во всѣхъ важныхъ портовыхъ мѣстахъ пяти частей свѣта учредили столько цвѣтущихъ предпріятій и всюду споспѣшествовали нѣмецкой работѣ и нѣмецкой народности. Въ этомъ отношеніи война чувствительнымъ образомъ отбросила насъ назадъ не только въ непріятельскихъ государствахъ, но и въ нейтральныхъ странахъ. Мы должны ожидать, что найдется возможность возобновить тѣ связи, которыя теперь столь внезапно порвала міровая война, вознаградить, до извѣстной степени, потерпѣвшихъ, и если не все, то все-таки-же кое что опять исправить. Головокружительный ростъ общаго благосостоянія въ Германіи за десятилѣтіе съ 1904 г. по 1914 г. бросается въ глаза. Число крупныхъ производствъ постоянно росло до 1 Августа 1914 г., равно какъ и численность работавшихъ въ области промышленности и торговли. Оффиціальная статистика насчитывала напимѣръ въ 1911 г.—4712 промышленныхъ предпріятій, располагавшихъ капиталомъ въ 18,08 милліардовъ марокъ и платившихъ 1,3 милліарда дивидендовъ. Большіе частные банки развились въ крупныя экономическія и политико-экономическія величины. Германскій ввозъ въ общей торговлѣ возросъ съ 1903 г. по 1913 г. съ 6,3 милліардовъ до 11,6 милліардовъ, а вывозъ съ 5,3 милліардовъ до 10,9 милліардовъ. Слѣдую развитію внѣшней торговли, германскій торговый флотъ увеличился (въ 1000 тоннахъ) съ 2650 т. въ 1900 г., на 4267 т. въ 1909 г., на

4513 т. въ 1911 г. и 5238 т. въ 1914 г. На германскихъ верфяхъ постройка судовъ, со включеніемъ рѣчныхъ, пароходовъ и военныхъ кораблей, возросла съ 385 въ 1900 г. до 814 въ 1909 г., 859 въ 1911 г. и 936 въ 1913 г. Въ виду того, что одновременно за послѣдній десятокъ лѣтъ соціальное попеченіе о рабочихъ было не только далѣе развито, а распространено и на средніе классы населенія, то можно сказать, въ заключеніе, что при аграрномъ поворотѣ нашей экономической политики всѣмъ зарабатывающимъ сословіямъ были обеспечены благопріятныя условія, между тѣмъ какъ сельское хозяйство было выведено изъ критическаго періода и включено въ общее развитіе нѣмецкой экономической жизни.

Въ экономическомъ отношеніи германскій народъ имѣетъ полное основаніе быть доволенъ результатами своего развитія за послѣднее десятилѣтіе и можетъ только желать, чтобы испытанные пути не были покинуты. Торговлѣ и промышленности были сохранены въ полной мѣрѣ выгоды добытыя ими въ началѣ девятидесятихъ годовъ, благодаря новому направленію торговой политики. Вся германская промышленность могла использовать дарованную ей въ 1878 г. таможенную защиту. Нѣкоторые недостатки тарифа Графа Каприви были исправлены тарифомъ 1902 г. въ пользу промышленности. Германское сельское хозяйство получило наконецъ необходимую ей таможенную защиту. Для рабочихъ классовъ было сдѣлано въ Германіи, больше чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Во время посѣщенія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Германіи, англійской рабочей депутаціей съ цѣлью изученія нашихъ социальныхъ рабочихъ учреждений, одинъ изъ англичанъ обратился къ сопровождавшему его нѣмецкому социаль-демократу съ удивленнымъ вопросомъ: „Да изъ за чего же вы еще собственно агитируете?“

Если тѣмъ не менѣе до настоящей войны не прекращалась экономическая борьба, противорѣчія между зарабатывающими сословіями не сглаживались, а на-противъ того страсти разгорались и споры и недоброжелательство росли, то причина лежала не въ шаткости или несогласованности нашей экономической политики, а въ несовершенствѣ нашей внутренней политической жизни. Подобно тому, какъ нѣмецкія партіи предпочтительно руководствуются въ чисто политическихъ вопросахъ не соображеніями цѣлесообразности, а согласуютъ свое поведеніе съ враждебнымъ отношеніемъ къ той или другой партіи, то же самое мы наблюдаемъ и въ области экономической политики. Германія была пожалуй единственной страной, гдѣ реальные экономическіе вопросы измѣрялись по мелочамъ на счетахъ партійной политики. Съ единственнымъ исключеніемъ „центра“, каждая партія, большая и малая, имѣла свою собственную программу экономической политики, или по крайней мѣрѣ свою экономическую спеціальность, которой она подчиняла всѣ остальные вопросы. У насъ было почти столько же различныхъ финансово-политическихъ, аграрно-политическихъ, торгово-политическихъ и другихъ политико-экономическихъ воззрѣній, сколько и партій вообще. Нѣмецкій партійный дѣятель настолько проникался экономической программой своей фракціи, что какъ бы подъ гипнозомъ онъ считалъ эти воззрѣнія неразрывно связанными со всѣми сословными и личными интересами и бросался въ партійную борьбу изъ за экономическихъ вопросовъ съ ожесточеніемъ, которое можетъ породить лишь эгоизмъ. У насъ нѣтъ ни одной партіи, про которую можно было-бы сказать, что она является представительницей какого либо одного только промысловаго сословія, даже о соціаль-демократіи нельзя это утверждать.

Тѣмъ не менѣе, кромѣ „центра“, выборщики и представители коего принадлежать къ различнымъ слоямъ населенія и промышленнымъ группамъ, всѣ остальные партіи вели нерѣдко борьбу изъ-за вопросовъ экономической политики, будто каждая изъ нихъ являлась представительницей одной только промышленной группы. Конечно консерваторы опирались преимущественно на поземельную собственность, національ-либералы на промышленность, свободомыслящіе на торговлю. Это уже связано съ политическими традиціями данныхъ народныхъ сферъ. Склонность-же партій къ развитію въ представительство интересовъ промышленныхъ сословій имѣло свои опасныя стороны, какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ и національномъ отношеніяхъ. Если промышленныя группы стоятъ другъ противъ друга какъ политическія партіи, то не можетъ быть болѣе рѣчи о безпристрастномъ разрѣшеніи политико-экономическихъ вопросовъ, въ которомъ всѣ отрасли производства должны найти свою выгоду. Противорѣчіе интересовъ станетъ непримиримымъ. Каждое сословіе будетъ видѣть свою пользу въ ущербъ другому, и, если сильное правительство не удержитъ въ своихъ рукахъ правленія, то экономическія разногласія будутъ рѣшаться по примѣру партійной борьбы насиліемъ большинства надъ меньшинствомъ и пренебреженіемъ интересами цѣлыхъ промышленныхъ сословій. Съ другой стороны, промышленныя группы рѣдко способны рѣшать великія національныя задачи, независимо отъ своихъ собственныхъ интересовъ исключительно съ точки зрѣнія мірового положенія имперіи. Тѣмъ болѣе, если національныя задачи связаны съ матеріальными жертвами. Сочетаніе партійно-политическихъ соображеній съ сословными расчетами одинаково опасно какъ для національной, такъ и для экономической жизни.

Равнымъ образомъ, какъ тяжелыя испытанія этой войны пробудили надежды на постепенное ослабленіе старыхъ партійныхъ пререканій и на пониженіе догматическаго тона партійно-политическихъ требованій, такъ они способствовали также сближенію обширныхъ, экономическихъ союзовъ, которые раньше враждовали между собою. Относясь сознательно къ международному опыту міровой войны и будущему міровому положенію германской имперіи, шесть нашихъ большихъ экономическихъ союзовъ сошлись въ важнѣйшемъ для настоящаго и грядущаго Германіи вопросѣ, въ вопросѣ политическаго и экономическаго положенія Германіи въ Европѣ и въ мірѣ, и слились въ единой и твердой патріотической волѣ. Это выступленіе является предостереженіемъ по адресу иностранныхъ государствъ, рассчитывающихъ на бывшую нѣмецкую рознь въ вопросахъ партійной и экономической политики. Такимъ образомъ открывается благопріятная перспектива для будущности внутренней политики Германіи, главнѣйшей задачей коей должно быть возстановленіе экономической жизни. Если имперское правительство и правительства прочихъ союзныхъ германскихъ государствъ встрѣтятъ для осуществленія этого дѣла, связаннаго съ невѣроятными и нѣнѣ еще необозримыми трудностями, дружное содѣйствіе производящихъ сословій, то можно надѣяться, что въ скоромъ времени будетъ возстановленъ поступательный ходъ цвѣтущаго экономическаго развитія, который былъ столь внезапно порванъ этой войной. Болѣе значительной и необходимой для всей націи и ея счастья задачи война не ставитъ будущей внутренней политикѣ мирнаго времени.

З а к л ю ч е н і е.

З а к л ю ч е н і е.

Германская имперія, которая явилась запоздалымъ плодомъ продолжительнаго развитія нѣмецкаго народа, созрѣвшимъ въ боевыхъ крещеніяхъ при Кенигс-трецѣ и Седанѣ, могла лишь образоваться тогда, когда соприкоснулись нѣмецкій духъ и прусская монархія. Эти два фактора должны были сойтись, дабы могла зародиться однородная германская государственная жизнь, способная развиваться и крѣпнуть.

Исторія нѣмецкаго народа была на своемъ вѣку свидѣтельницей множества великихъ и важнѣйшихъ событій. Она видѣла борьбу германскихъ императоровъ за наслѣдіе Кесарей, видѣла успѣхъ нѣмецкаго оружія на Балтійскомъ и Средиземномъ моряхъ, въ Малой Азіи и въ сердцѣ нынѣшней Франціи, она видѣла послѣ эпохи реформаціи высшій со времени древней Эллады и Чинквеченто расцвѣтъ художественной и научной жизни. Однако государственный, т. е. политическій результатъ всего ея бытія свелся въ XIX вѣкѣ къ разложенію всѣхъ государственныхъ формъ и къ тому, что болѣе молодые государства европейскаго Запада и Востока превзошли Германію. Въ теченіе тысячелѣтней работы было достигнуто высшее въ смыслѣ культурнаго развитія, и равно ничего въ смыслѣ политическомъ. Одаренныя природою области германскаго Запада и Юга были колыбелью безсмертныхъ твореній нѣмецкаго генія, но тамъ не зародились силы, необходимыя для болѣе суроваго дѣла государственнаго строительства. Мы, современные нѣмцы, не раздѣляемъ

болѣе рѣзкаго сужденія Трейчке объ отсутствіи значенія мелкихъ нѣмецкихъ государствъ. За десятилѣтія существованія объединенной имперіи мы привыкли къ безпристрастной оцѣнкѣ многочисленныхъ благодѣяній, коими Германія обязана своимъ маленькимъ государственнымъ организмамъ. Погрѣшностямъ нѣмецкаго партикуляризма слѣдуетъ противопоставить заслуги владѣтельныхъ князей и городовъ по покровительству и защитѣ умственной жизни Германіи. Веймарскій Дворъ создалъ въ этомъ отношеніи высшее, но не единственное въ своемъ родѣ. Исторія большинства не-пруссскихъ германскихъ государствъ сопряжена съ именемъ того или другого представителя науки и искусства, содѣйствовавшихъ возведенію зданія германской духовной жизни. Когда Пруссія вспомнила о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ идейному достоянію Германіи, т. е. въ тѣ тяжелыя, но великія годы, когда Фридрихъ Вильгельмъ III-й говорилъ, что Прусское государство должно возмѣстить духовными силами то, что оно утратило въ области своихъ физическихъ силъ, умственная жизнь въ Германіи достигла уже высшихъ ступеней развитія безъ помощи Пруссіи. Духовная жизнь Германіи, которой привыкъ удивляться міръ и предъ которой преклонился самъ Наполеонъ, является преимущественно дѣломъ нѣмецкаго Запада и Юга, гдѣ она развилась подъ защитою ихъ князей, мелкихъ государствъ и вольныхъ городовъ.

Народъ-же на бранденбургскихъ песчаныхъ равнинахъ подготовлялъ государственную будущность Германіи въ теченіе столѣтій, видѣвшихъ расцвѣтъ нѣмецкой науки и искусства въ другихъ частяхъ Германіи, подъ руководствомъ мужественной и политически мудрой династіи въ борьбѣ и лишеніяхъ. На Западѣ и Югѣ зрѣлъ Германскій гегеній, въ Пруссіи—германское государство. Князья Запада были творцами германской

образованности, Гогенцоллерны политическими и военными наставниками и воспитателями. Протекло не мало времени, пока въ Германіи не поняли наконецъ значенія Пруссіи, въ которой самъ Гете любилъ лишь только Фридриха Великаго, и пока не постигли, что этотъ суровый, до мозга костей прозаическій военный и чиновничій государственный организмъ безъ громкихъ словъ творилъ первостепенное германское культурное дѣло, подготовлялъ политическую культуру германскаго народа.

Пруссія стала для Германіи тѣмъ, чѣмъ былъ Римъ для античнаго міра. Наболѣе универсальный по своему мышленію и наболѣе прусскій изъ всѣхъ нѣмецкихъ историковъ Леопольдъ Ранке говоритъ въ своей всемірной исторіи, что задачей античнаго міра было сочетаніе греческаго духа съ римскимъ. Достояніе древней образованности, въ которой кроются всѣ корни умственной и духовной жизни Западной Европы, было сохранено потомству только благодаря защитѣ римскаго правового и военнаго государства Рима, давшаго древнему міру политическія формы существованія. Прусское же государство сдѣлалось покровителемъ нѣмецкой умственной жизни благодаря тому, что имъ создано государственное единеніе германскаго народа и его равноправное положеніе среди великихъ міровыхъ державъ.

Съ основаніемъ имперіи мы достигли національнаго государственнаго существованія. Наше политическое развитіе вступило на новый надежный путь. Но это развитіе не дошло еще до конечной цѣли. Задача, осуществленіе которой лишь начато, должна завершиться единеніемъ нѣмецкой умственной и политической жизни, т. е. взаимнымъ проникновеніемъ прусскаго и германскаго духа. Только сочетаніе старо-прусской консервативной энергіи и воли съ герман-

скимъ отзывчивымъ и либеральнымъ духомъ могло бы обезпечить счастливую будущность націи. Остается въ силѣ и для нынѣшняго поколѣнія выставленное Фихте, сто лѣтъ тому назадъ, требованіе, чтобы нація, преодолевая въ себѣ различіе между мышленіемъ и бытіемъ, сознательно пересоздавала себя. Прусская государственная жизнь должна настолько примириться съ нѣмецкой духовной жизнью и послѣдняя съ первой, чтобы обѣ онѣ срослись воедино, не парализуя другъ друга. Подобное примиреніе не было еще вполне достигнуто до настоящей міровой войны. Представители нѣмецкой духовной жизни нерѣдко еще усматривали въ прусскомъ государствѣ враждебную силу, а старые пруссаки склонны были иногда видѣть въ свободномъ, ничѣмъ не сдерживаемомъ развитіи нѣмецкаго духа—разрушительныя тенденціи. Можно было постоянно наблюдать, какъ въ парламентѣ и печати дѣлались во имя свободы выпады противъ Пруссіи, а во имя порядка—противъ неукратимаго нѣмецкаго духа, съ которымъ, по широтѣ, фѣлософской глубинѣ и поэтическому очарованію, ничто не можетъ сравниться со временъ древней Греціи. Дальнѣйшее духовное и умственное развитіе Германіи, а равно и будущность ея внутренней политической жизни находится въ прямой зависимости отъ того, удастся ли, и въ какой степени, сліяніе нѣмецкаго духа съ прусской монархіей.

Совершенно вѣрно, что въ не-прусской Германіи господствуютъ на основаніи иныхъ политическихъ взглядовъ понятія о государственномъ правленіи и политической свободѣ, кореннымъ образомъ расходящіяся съ тѣми, которыя выросли на почвѣ прусскихъ традицій. Это различіе сказывается не только въ междупартійныхъ разногласіяхъ, но и внутри партій. На югѣ стремятся какъ бы предоставить политическимъ силамъ извѣстный просторъ къ низу, между тѣмъ какъ въ

Пруссіи стараются связать политическія силы сверху. Тамъ болѣе духовный, здѣсь болѣе государственный взглядъ на политическую жизнь. Каждый изъ обоихъ этихъ взглядовъ является результатомъ историческаго развитія и имѣетъ свою вполне обоснованную самобытность. Пруссакъ неправъ, если въ политической жизни южной Германіи онъ ничего не желаетъ видѣть кромѣ разрушительныхъ демократическихъ тенденцій. Южный германецъ совершаетъ одинаковую несправедливость, клеймя самобытность прусской государственной жизни кличкой политической отсталости. Прогрессъ — весьма неточное понятіе въ политической жизни, и какое направленіе политическаго развитія должно привести въ концѣ концовъ къ дѣйствительному прогрессу—вопросъ, на который не отвѣтитъ ни одному изъ мудрецовъ міра. Осуществленіе консервативныхъ требованій нерѣдко являлось въ лучшемъ и истинномъ смыслѣ слова историческимъ прогрессомъ, между тѣмъ какъ нѣкоторыя демократическія и либеральныя требованія представлялись иногда въ свѣтѣ исторической критики—реакціонными. Каждое государство и каждый народъ старается на свой ладъ продвинуться впередъ и усовершенствовать свои политическія установленія. Нѣмцы, у которыхъ по историческимъ причинамъ имѣется не единообразная, а разнообразная государственная жизнь, еще менѣе другихъ націй не должны создавать себѣ отвлеченные политическіе принципы, заимствованные исключительно только либо изъ прусскихъ, либо изъ южно-германскихъ традицій, и руководствоваться ими во всѣхъ политическихъ вопросахъ. Задача состоитъ въ согласованіи такимъ образомъ политическаго развитія Пруссіи, отдѣльных государствъ и имперіи, чтобы сохранить каждому изъ членовъ имперіи тѣ силы, благодаря коимъ онъ является наиболѣе полезнымъ и цѣннымъ для общаго

отечества. Гармонія нѣмецкой жизни во всѣхъ ея частяхъ достижима не столько установленіемъ единообразія всѣхъ учреждений на Сѣверѣ и Югѣ, Востокѣ и Западѣ, сколько устраненіемъ существующихъ еще понинѣ противорѣчій.

Мастерство Бисмарка въ созданіи имперіи заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что имъ была создана твердая связь безъ нарушенія самобытности и самостоятельности отдѣльныхъ государствъ и что, съ сохраненіемъ монархическаго принципа и въ новой имперіи, Пруссія не только номинально, но и фактически стала руководящимъ факторомъ. Проектъ объединенія Германіи, какъ онъ рисовался патріотической демократіи сороковыхъ годовъ XIX вѣка, болѣе или менѣе урѣзывалъ самостоятельность союзныхъ государствъ съ тѣмъ, чтобы присвоить собирательную силу господствующему вліянію имперскаго сейма. Не говоря уже о томъ, что германскіе владѣтельные князья врядъ-ли согласились бы на такого рода объединеніе, было-бы заблужденіемъ ожидать, чтобы въ монархической Германіи способность къ объединенію проявилась при посредствѣ не только не существующаго, но даже еще не испробованнаго парламентскаго режима. Въ общемъ германскомъ народномъ представительствѣ центробѣжныя стремленія всегда сильнѣе, чѣмъ стремленіе къ объединенію въ имперской идеѣ, что достаточно доказано борьбою имперскаго правительства съ партіями рейхстага въ теченіе минувшихъ десятилѣтій со времени основанія имперіи. Пруссакъ Бисмаркъ ясно сознавалъ, что стойкій государственный организмъ можетъ быть созданъ въ Германіи лишь на монархическихъ основахъ. Дѣло объединенія Германіи могло только тогда оказаться прочнымъ, когда имперскій строй не былъ лишь приукрашенъ монархическимъ орнаментомъ, но монархія въ дѣйствительности

стала носительницей единенія; и разъ испытанная вѣками государственно-созидательная сила прусской монархіи должна была быть призвана для созданія новой имперіи, то прусскій король въ качествѣ германскаго императора не могъ явиться безцвѣтною фигурою, но онъ долженъ былъ царствовать и править и обладать для сего положительными правами монарха, какъ они и были затѣмъ выяснены и установлены въ имперской конституціи. Пути-же демократіи, по которымъ другіе народы достигли національнаго единенія, Германія врядъ-ли, или только весьма медленно и несовершенно, дошла бы до своего государственнаго единенія. Германская имперія сплотилась какъ монархія, съ представительствомъ союзныхъ государей въ Союзномъ Совѣтѣ и съ Прусскимъ королемъ во главѣ. Предоставленная же исключительно попеченію враждующихъ партій въ парламентѣ, имперская идея никогда не могла бы пустить столь глубокіе корни въ нѣмецкомъ народномъ сознаніи какъ то совершилось, когда единство имперіи было поставлено подъ защиту монархіи. Къ Германіи примѣнимы слова Криспи, писавшаго въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Маццини, что онъ обратился отъ республики къ монархіи, ибо монархія объединитъ Италію, а республика раздробитъ ее. Эта мысль тѣмъ болѣе примѣнима къ нѣмцамъ, что германская имперія находясь въ Центрѣ Европы, не имѣя достаточныхъ естественныхъ преградъ на протяженіи своихъ границъ и будучи окружена великими военными державами, должна быть и оставаться военнымъ государствомъ. Сильныя же военныя государства всегда нуждались въ монархическомъ образѣ правленія.

Твердая монархическая власть во главѣ государства не исключаетъ, разумѣется, живаго участія народа въ государственной жизни, какъ въ имперіи, такъ и въ отдѣльныхъ союзныхъ государствахъ. Напротивъ

того чѣмъ глубже и живѣе интересъ во всѣхъ слояхъ народа къ политическимъ событіямъ, тѣмъ ближе будетъ сродниться нація съ монархіей, которая является руководительницей національной жизни. Государственная жизнь современной монархіи является трудовымъ общеніемъ короны и народа, созданнымъ существующими конституціями. Старая ошибка измѣрять долю участія народа въ государственныхъ дѣлахъ только по объему правъ, предоставленныхъ народному представительству. Парламентъ можетъ обладать весьма широкими правами безъ того, чтобы народъ особенно интересовался политикою. Такъ напр. во Франціи прежде парламентъ бывалъ иногда всемогущъ, а народъ оставался равнодушнымъ. При относительно широкомъ объемѣ конституціонныхъ правъ, присущихъ германскому рейхстагу и отдѣльнымъ ландтагамъ, можно было собственно ожидать гораздо болѣе живого политическаго участія и болѣе глубокаго политическаго пониманія со стороны народа, чѣмъ то было до сихъ поръ. Политическая чуткость народа является вопросомъ политическаго воспитанія, а не вопросомъ парламентской власти. Утвержденія нѣкоторыхъ лицъ, будто я носился съ мыслью нарушить распредѣленіе правъ между короной и парламентомъ въ пользу послѣдняго, т. е. ввести парламентскій режимъ въ западно-европейскомъ смыслѣ, подобныя утвержденія принадлежать къ области политическихъ басенъ. Правовая грань между короной и парламентомъ оставалась для меня всегда неприкосновенной. Во внѣшней, какъ и во внутренней политикѣ я считалъ своей важнѣйшей задачей, по разуму и совѣсти усилить, поддерживать и охранять корону, не только по внутреннему убѣжденію роялиста и личной преданности престолу, но и потому, что я считалъ корону краеугольнымъ камнемъ въ Пруссіи и вѣнцомъ въ имперіи.

То что не достаетъ въ политическомъ отношеніи нѣмцамъ, того не достичь измѣненіями въ области конституціонныхъ правъ. Партіи, на долю коихъ могли бы выпасть расширенныя права, сами еще не обладаютъ достаточнымъ политическимъ сужденіемъ и политическимъ воспитаніемъ. Весьма значительное число образованныхъ лицъ въ Германіи, которымъ по праву принадлежало бы руководство партійной жизнью, относятся равнодушно, если не совсѣмъ даже отрицательно, къ политической жизни вообще. Многіе умные и ученые люди утверждаютъ, часто съ извѣстной гордостью, что они ничего не смыслятъ въ политикѣ и ничего о ней не хотятъ даже знать. Незнаніе самыхъ элементарныхъ вопросовъ государственной жизни зачастую прямо поразительно. Времена миновали, когда для блага государства могло быть безразлично, понимаетъ-ли нація что-нибудь въ законахъ, которые ей даются. Дѣло законодательства не находится теперь исключительно только въ рукахъ болѣе или менѣе свѣдущихъ чиновниковъ, но къ участию въ законодательныхъ трудахъ призванъ парламентъ. Однако работа парламентскихъ фракцій протекаетъ и въ наши дни часто не иначе, чѣмъ въ прежнія бюрократическія времена: при полномъ отсутствіи интереса и непричастности широкихъ круговъ населенія. При возбужденіи экономическихъ вопросовъ замѣчается иногда оживленіе извѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ, торговыхъ и промышленныхъ группъ, при обсужденіи некоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ настораживаются занимающіеся этими вопросами спеціальныя фрейны, но въ общемъ общественное мнѣніе пассивно мирится съ принимаемыми парламентскими дѣятелями рѣшеніями. Если-же рѣшенный вопросъ начинаетъ причинять кое-какія неудобства, то мгновенно раздается безпощадная критика, которая ограничивается однако

даннымъ отдѣльнымъ случаемъ, не имѣя послѣдствіемъ дальнѣйшаго оживленія политической мысли. Активное участіе въ ходѣ государственныхъ дѣлъ чуждо нѣмцамъ, имъ чуждъ интересъ, который, не пробуждался-бы только при возобновленіи, черезъ извѣстные промежутки времени, выборовъ кампаній, но касался бы какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ вопросовъ государственной жизни. Дѣло образованныхъ лицъ заботиться о народномъ политическомъ воспитаніи. Ихъ долгъ будить духъ общественности и согласовывать интересы и дѣятельность наиболѣе широкихъ круговъ съ требованіями государства. Нерадѣніе и безучастіе мечтательныхъ натуръ къ политической жизни, что въ свое время могло быть еще извинительнымъ, нынѣ болѣе не у мѣста и не только по отношенію къ вопросамъ внутренней политики, но въ особенности и къ событіямъ международной политики. Такъ называемая высшая политика была всегда для сравнительно небольшого числа нѣмцевъ какъ бы предметомъ личнаго развлеченія, оставаясь для большинства *terra incognita*. Поскольку вообще складывались мнѣнія по вопросамъ національной жизни, эти мнѣнія являлись отчасти отраженіемъ партійныхъ взглядовъ, либо выводами изъ отвлеченныхъ научныхъ теорій и, въ остальномъ, сужденіями, подсказанными личными чувствами и нравственными сознаніемъ. Ни у одного другого народа нѣтъ такой явно выраженной склонности, какъ у нѣмцевъ, разсматривать вопросы внѣшней политики съ точки зрѣнія симпатій и антипатій, любви или ненависти, понятій гражданской морали или принциповъ частнаго права, предвзятыхъ мнѣній или отвлеченныхъ представленій. Когда вскорѣ послѣ обнародованія „правъ человека“ французскіе якобинцы стали обнаруживать извѣстную склонность къ доктринарной политикѣ и принципиальному буквоедству,

Абатъ Сійэсъ возсталъ противъ этого, замѣтивъ, что „les principes sont bons pour l'école, les états se gouvernent selon leurs intérêts.“ Нѣмцы всегда впадаютъ въ ошибку схватывать внѣшнія событія сердцемъ, а не головою. Въ связи съ этимъ стоитъ и недостатокъ психологій у нѣмцевъ. Кто судить обо всемъ съ точки зрѣнія личнаго чувства врядъ-ли способенъ вдумываться въ образъ мышленія другихъ. Эта неспособность понимать образъ мыслей другихъ и считаться съ нимъ является, въ первую очередь, одной изъ главныхъ причинъ того, что нѣмцы, какъ они сами о томъ слишкомъ часто твердятъ, нелюбимы за-границею. Бисмаркъ, знавшій до тонкости по личному опыту и по своему пребыванію за границей, но главнымъ образомъ благодаря гениальному чутью, своихъ партнеровъ, иностранныхъ дипломатовъ и монарховъ, равно какъ и чужія націи, понимавшій не только вещи и факты, но и людей, вникая въ ихъ чувства и душевныя побужденія, былъ мастеромъ въ искусствѣ обращенія съ людьми и народами. Какъ опытный рыболовъ, имѣющій подъ руками необходимую для всякой рыбы приманку, онъ умѣлъ различать людей и народы по ихъ особенностямъ и обращаться съ ними. Мнѣ помнятся его слова: „Дипломатія—это работа надъ человѣческимъ мясомъ“. Онъ рѣдко ошибался въ учетѣ впечатлѣній предпринятыхъ имъ дѣйствій, равно какъ и въ оцѣнкѣ ожидавшагося со стороны противника противодѣйствія и въ большинствѣ случаевъ вѣрно предусматривалъ дальнѣйшее развитіе событій. По отношенію къ иноземнымъ странамъ онъ никогда не впадалъ въ дидактическій тонъ и обсуждалъ чужія дѣла на основаніи близкаго знакомства съ чужимъ образомъ мышленія и только въ тѣхъ случаяхъ, если онъ могъ расчитать вліяніе своихъ словъ. При отсутствіи подобныхъ данныхъ смѣшонъ тотъ, кто ло-

маетъ головы другихъ, желая просвѣщать ихъ на счетъ ихъ собственныхъ же интересовъ. Каждый чело-вѣкъ и каждый народъ думаетъ, что онъ лучше всѣхъ другихъ понимаетъ свои выгоды. Совѣты отъ врага неохотно принимаются, въ крайнемъ случаѣ дѣлаютъ какъ разъ обратное тому, что совѣтуетъ противникъ, такъ какъ намѣренія его становятся явны. Проповѣдями морали также почти ничего нельзя достигнуть въ международномъ общеніи. „Напрасно убѣждать льва“, сказалъ мнѣ однажды разсудительный чело-вѣкъ, „что вегетаріанская пища здорова; онъ не перестанетъ быть кровожаднымъ. Лучше убить льва или по крайней мѣрѣ остричь ему когти.“ Мы не должны были-бы также слишкомъ часто и восторженно восхвалять другимъ нашу культуру. Лучше спокойно заявить, что мы стремимся къ обезпеченію своей безопасности и усиленію собственной страны, чѣмъ превозглашать гегемонію культуры, которой весь міръ боится больше, чѣмъ политическаго господства. Съ другой сторонѣ, въ настоящей войнѣ поставлены на карту политическій и экономическій вопросы громаднаго значенія, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ вся будущность германскаго народа, но, собственно говоря, не о культурныхъ проблемахъ идетъ рѣчь. Наилучшій способъ культурной пропаганды и вѣрный путь къ охраненію, развитію и распространенію нѣмецкой культуры, заключается въ огражденіи нѣмецкой духовной жизни отъ вредныхъ и чуждыхъ германской культурѣ вліяній. Нѣмецкій геній Рихарда Вагнера облетѣлъ и покори-лъ весь свѣтъ. И кто менѣе его преклонялся передъ всѣмъ, что чуждо нѣмецкому генію. Прискорбно вспомнить, что вскорѣ послѣ войны 1870/71 г. фран-цузскіе авторы, какъ Дюма, Сарду и Ожье, чаще нѣ-мецкихъ національныхъ писателей господствовали на, германскихъ театраль-ныхъ сценахъ. Во всѣхъ областяхъ,

какъ въ искусствѣ, такъ и въ политикѣ, нѣмцы при-выкли слишкомъ много считаться съ иноземнымъ мнѣ-ніемъ. Бисмаркъ изучилъ чужія страны съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ кто бы то ни было. Онъ умѣлъ вліять на людей и народы и обращаться съ ними, но самъ не давался имъ въ руки. Чѣмъ сильнѣе возра-стаютъ противъ насъ въ теченіе этой войны и благо-даря этой войнѣ ненависть и злоба, тѣмъ менѣе должны мы давать отвлекать себя отъ нашихъ цѣлей. Не забудемъ при этомъ, насколько ничтожную роль играетъ въ политикѣ благодарность. Въ жизни наро-довъ долгъ благодарности, испытываемый обыкновенно какъ нѣкоторое умаленіе національной гордости, при-водитъ скорѣе къ скрытой ненависти, чѣмъ къ искрен-ней дружбѣ. Мудрый основатель Соединенныхъ Шта-товъ, Вашингтонъ, сказалъ своимъ соотечественникамъ, что весьма ошибочно думать, что націи могутъ велико-душно и безкорыстно относиться другъ къ другу. Кромѣ того мы не можемъ быть въ сомнѣніи отно-сительно того, что въ политикѣ, къ сожалѣнію, право не является единственнымъ рѣшающимъ факторомъ. „При строгомъ соблюденіи справедливости,“ замѣтилъ великій англійскій государственный дѣятель Питтъ, „могущество ни одного государства не пережило-бы солнца одного дня.“ Французъ Паскаль писалъ, что право безъ силы безвластно и что сила царица міра. Если-бы рѣшало одно право, то за 3000 лѣтъ міръ былъ-бы инымъ; тогда германскому народу не пришлось бы въ XVII в., XVIII в. и до половины XIX в. идти по тѣмъ торнымъ путямъ, которые были ему указаны. Но надо подчеркнуть, что было-бы грубою ошибкою здравую реальную политику замѣнять пренебреженіемъ къ невѣсомымъ силамъ. Ничто не противорѣчило бы болѣе смыслу реальной политики и традиціямъ Бисмарка, какъ не считаться со значе-

ніемъ этихъ невѣсомыхъ. Англійская, французская и русская исторіи доказываютъ, насколько политика этихъ народовъ направлялась ихъ интересами, каждою властью и стремленіемъ къ политическому и экономическому господству. Но мы также можемъ научиться изъ исторіи нашихъ сосѣдей, какъ хорошо всегда умѣли на берегахъ Темзы, Сены и Невы облекать интересы и побужденія реальной политики въ личину умныхъ рѣчей и показной красоты. По словамъ одного греческаго мудреца, люди подвижны менѣе событіями, чѣмъ своимъ собственнымъ мнѣніемъ о вещахъ, и зачастую управляетъ міромъ не истина, а призракъ истины. Именно реальный политикъ сознаетъ, какое важное значеніе имѣютъ въ народной жизни моменты чувства и какую цѣну имѣютъ невѣсомыя, которыя, какъ выразился въ 1888 году Бисмаркъ, тяжелѣе, гораздо тяжелѣе вѣсомыхъ данныхъ. Неосторожное слово, необдуманное выраженіе могутъ, подчасъ, причинить большій вредъ, чѣмъ проигранное сраженіе. Спрашивается, не могутъ ли неудачно выбранныя слова надѣлать больше вреда, чѣмъ неосторожныя письма или дѣйствія, и не слѣдовало ли бы цитировать латинскую пословицу „*verba volant scripta manent*“ скорѣе въ обратномъ смыслѣ. Употребленное Эмилемъ Оливье при началѣ войны 1870 года выраженіе: „*cœur léger*“ дало отпечатокъ всей войнѣ и имѣло также въ дальнѣйшемъ свои послѣдствія. Въ практической политикѣ и при веденіи дѣлъ доктринерство и далекія отъ міра сего теоріи являются излишними. Эрнестъ Ренанъ, будучи самъ философомъ, справедливо замѣтилъ, что философіи въ политикѣ нѣтъ мѣста, равно какъ у нея нѣтъ также ничего общаго съ механикой или химіей. Реальные политическіе принципы должны примѣняться практически, а не писаться вилами на водѣ. Благодаря нѣмецкой

серіозности и логичности, а также добросовѣстности, которая иногда слишкомъ тяжеловѣсна, многое звучитъ въ устахъ нѣмцевъ болѣе рѣзко и многое производитъ въ нѣмецкой формулировкѣ болѣе отгаливающее впечатлѣніе, чѣмъ если бы то было сказано другими. Паскаль дѣлалъ разницу между „*esprit géométrique* и *esprit de finesse*“. Первый вреденъ въ политикѣ, послѣдній же можетъ многое предупредить и достичь кое-чего. Начало нынѣшней войны могло заставить германскій народъ придти къ сознанію, что ходъ внѣшней политики связанъ съ судьбою каждаго отдѣльнаго нѣмца и что вопросы высшей политики сходны съ динамитными патронами, которые могутъ вызвать ужаснѣйшіе взрывы, если въ какомъ-нибудь мѣстѣ на земномъ шарѣ съ ними неосторожно обходятся. Кромѣ того возникновеніе войны показала намъ, насколько необходимы трезвыя сужденія и разумное представленіе о международныхъ сочетаніяхъ, въ которыя вплетена цѣликомъ и во всѣхъ своихъ отдѣльныхъ проявленіяхъ наша національная жизнь, насколько важно для этого знаніе людей и вещей, знакомство съ психологіей и вытекающая изъ этого вѣрная оцѣнка другихъ, насколько желательно, наконецъ, то качество, которое французы называютъ „*le doigté*“ и которое князь Бисмаркъ требовалъ отъ каждаго, кто занимается внѣшними и дипломатическими дѣлами. Отъ движенія руки стрѣлочника зависитъ, промчатся ли рядомъ два встрѣчныхъ поѣзда или столкнутся въ гибельной встрѣчѣ. Бисмаркъ часто повторялъ, что политика есть искусство. Поэтому добрая воля, составляющая все въ области этики, мало или ничего не значить въ политикѣ, а исключительно одно только умѣніе имѣть въ ней вѣсь. Депутатъ рейхстага, сказавшій недавно, что изъ доброй воли въ связи съ неспособностью происходитъ все несчастье въ свѣтѣ, изрекъ

правдивое слово. Мы въ особенности нуждаемся въ умѣломъ руководствѣ внѣшней политикою, такъ какъ находясь въ центрѣ Европы втиснутыми между враждебными намъ расами, мы постоянно должны считаться съ возможностью непріятельскаго на насъ нападенія. Оцѣплены кругомъ мы уже свыше тысячи лѣтъ, съ той поры, когда Верденскимъ договоромъ нѣмецкія племена были выдѣлены изъ наслѣдія Карла Великаго для самостоятельной государственной жизни подъ главенствомъ того каролинга, которому исторія дала прозвище „Нѣмецкій“. Включенные между романскими и славянскими народностями, мы должны всегда согласовывать нашу внѣшнюю политику съ условіями нашего географическаго положенія.

Настоящее время, которое полно серіозныхъ и великихъ задачъ, и еще болѣе дальнѣйшая будущность послѣ этой войны требуютъ политически зрѣлаго поколѣнія. Германія питаетъ великую надежду, что такое поколѣніе когда либо вернется изъ огненнаго и духовнаго испытанія этой непримѣрной борьбы народовъ. Люди съ широкимъ сердцемъ, которые не допустятъ подъ гнетомъ партійныхъ доктринъ искаженія своего уравнивѣннаго сужденія о практическихъ вопросахъ внутренней политики, люди сильной воли, которые будутъ требовать отъ правительства рѣшительной политики, великой въ ея цѣляхъ и энергичной въ ея средствахъ.

Если плодомъ кровавой жертвы міровой войны явится ростъ имперскаго величія, то настанетъ часъ, чтобы привлечь вновь богатство нѣмецкаго духа, несокрушимость нѣмецкой рабочей силы и неутомимость нѣмецкой воли къ прерванному дѣлу дальнѣйшаго національнаго развитія...

Война есть колоссальная повѣрка прочности созданнаго въ мирное время строя... Въ апрѣлѣ 1812 года

Гнейзенау писалъ: „Пруссія не можетъ быть вновь покорена, ибо вся нація принимаетъ участіе въ борьбѣ; она проявила великій характеръ, а такимъ только образомъ и можно стать несокрушимымъ“. Что прежде касалось Пруссіи, то нынѣ должно относиться къ Германіи.

Менѣе полустолѣтія мирнаго развитія было суждено пройти Германіи на новыхъ историческихъ путяхъ, по которымъ повела ее сильная рука Бисмарка. Съ объединенной на поляхъ сраженія народной мощью германской имперіи приходится нынѣ сражаться въ безчисленныхъ битвахъ противъ цѣлаго міра враговъ, и вооруженный германскій народъ противопоставилъ грозящей опасности свою волю къ достиженію оружіемъ славнаго мира, который раскрылъ бы ему путь къ блестящей міровой политической будущности. Надежды и упованія нѣмцевъ сводились къ тому, чтобы въ трудѣ и въ мирномъ соревнованіи закрѣпить, усилить и развить положеніе Германіи среди міровыхъ державъ. Однако германскому народу было суждено не сойти и теперь съ самыхъ тернистыхъ путей для исполненія его міровой исторической миссіи...

Лишь неисторическій и доктринерскій образъ мысленія можетъ привести къ предположенію, будто послѣ этой міровой войны наступитъ время, которое во всемъ окажется противоположнымъ предшествовавшимъ войнѣ десятилѣтіямъ, т. е. время, которое прерветъ бывшія традиции и развитіе вмѣсто того, чтобы ихъ продолжать. Этого мы не можемъ желать, ибо не внезапная и полная перемѣна, а органическое дальнѣйшее развитіе обезпечиваютъ здоровый ростъ. „En fait d'histoire“ пишетъ Тэнъ въ концѣ своего жизненнаго труда о французской революціи, „il vaut mieux continuer que recommencer“. Разумѣется мы питаемъ надежду, что очищающая и оздоравливающая сила войны, дѣйствіе которой мы наблюдаемъ въ теченіе военнаго времени,

будетъ и въ послѣдствіи продолжать сказываться въ умственной и общественной жизни Германіи, въ народѣ, политическихъ партіяхъ и правительствѣ. Однако опытъ учить насъ, что какъ люди, такъ и условія, каковы бы ни были событія и испытанія, никогда со дня на день окончательно не измѣняются и не превращаются въ полную свою противоположность—по крайней мѣрѣ въ Германіи. Даже громадный переворотъ, совершившійся переходомъ Германіи времянъ сѣверо-германскаго союза къ эпохѣ новой имперіи и великодержавному ея положенію, не затронулъ корней нѣмецкой самобытности и основныхъ условій національной жизни.

Число задачъ, уже рѣшенныхъ націей, всегда несравненно меньше тѣхъ, которыя ожидаютъ еще своего рѣшенія. Германія познала это послѣ войнъ за освобожденіе и за объединеніе.

Германскій народъ сознаетъ это и сегодня. Онъ знаетъ, что Гете изобразилъ нѣмецкій народъ не въ самодовольномъ Вагнерѣ, который вполнѣ удовлетворенъ достигнутымъ, а въ образѣ Фауста, который при возвышенномъ довѣріи къ самому себѣ вѣчно стремится впередъ и находитъ итогъ мудрости въ той истинѣ, что

„Лишь тотъ достоинъ жизни и свободы,
„Кто каждый день за нихъ идетъ на бой“...*)